

Иван БЫКОВ

**НЕОТПРАВЛЕННОЕ
ПИСЬМО
МАМЫ**

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Воронеж, 2022

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2=411.2)6-5

Б 54

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
департамента культуры Воронежской области.*

Быков И.В.

Неотправленное письмо мамы. – АО «Воронежская областная типография». – Воронеж, 2022. – 360 с.

Детский писатель Владимир Добряков дал автору этой книги совет писать только о том, что очень хорошо знаешь. Обе повести отражают одно и то же время – конец XX века. Ещё нет компьютеров и мобильных телефонов, а страна, в которой живут герои, называется Советский Союз. С тех пор минуло тридцать с лишним лет. Разумеется, многое изменилось, но ощущение такое, будто читаешь о нынешней школе, окружающих тебя одноклассниках, учителях. И это естественно, ведь писатель как раз в 80-90-е годы преподавал биологию, был классным руководителем.

Повести Ивана Быкова объединены основной проблемой: как в непростой жизни вырасти человеком.

ISBN 978-5-4420-0974-3

© Быков И.В., 2022

ГОВОРИТЬ С ЧИТАТЕЛЕМ СЕРДЦЕМ К СЕРДЦУ, ДУШОЙ К ДУШЕ

Новая книга «Неотправленное письмо мамы» включает в себя две повести, написанные для подростков. Обе повести показывают молодому читателю, что жизнь не сказка, а суровая реальность.

В повести «Чёрное небо» показано, как непросто приходится приехавшему из сибирского города мальчишке в новой школе, но, оказывается, что и его будущим друзьям тоже непросто: жизнь их не балует. Казалось бы, ребята должны потянуться к своему классному руководителю, однако этого не случилось. Ведь учиться в школе достаточно трудно, попробуй отсидеть полдня в напряжённом состоянии, когда тебя со всех сторон дёргают и цепляют. А учитель устал, у него грудной ребёнок, ему всё время некогда. Вот и рванулись шагнувшие в подростковый возраст мальчишки на свободу. Не нужен никто, они сами по себе! Шагнули и... наломали дров. Им-то казалось, что они наказывают зло, что они мстят, а на самом деле они оказались обычными огородными воришками, разгоняя которых, хозяин выстрелил солью и, увы, попал одному в голову, то есть едва не убил. В повести показана печальная участь собак, которые, потеряв хозяев, гибнут.

Актуальность – один из признаков настоящей литературы. В повестях мы видим выписанных достаточ-

но убедительно типичных героев, привычные образы, привычные жизненные ситуации и антураж.

В человеке, кроме разума, души и сердца, ещё живёт подсознательное шестое чувство. Оно включается в трудные минуты, подсказывает спасительный выход. Помоги, и тебе помогут. Это не правило, это закон, по которому живут добрые люди. Как раз об этом говорит повесть «Неотправленное письмо мамы». Повесть показывает, какое горе могут принести детям зависть и соперничество родителей. Две семьи. В одной всё хорошо, есть папа и мама, растёт дочка. Маме, почтовому работнику, хочется, чтобы её дочка была красавицей, училась отлично, умела рисовать, танцевать, петь, говорить на иностранных языках. Но дочка уродилась некрасивой, маленькой и толстой, учится плохо, ни в какие кружки ходить не желает. В другой семье – горе. Отец умер, мать – психически больная женщина, месяцами лечится в больнице, сын выпивает, а вот дочка уродилась как картинка, да ещё и умница. Как тут не завидовать бывшей однокласснице? Одна мама на почте читает письмо из психбольницы, насмехается, а другая узнаёт об этом. Возникает конфликт, могут пострадать неповинные дети, которые учатся вместе, сидят за одной партой, дружат.

Каждой повести Ивана Быкова веришь, потому что себе соврать невозможно, прислушиваешься, потому что душа говорит шёпотом, о самом главном.

Член Союза писателей РФ
Валентина Карая

Школе № 4 города Нововоронежа посвящаю

ЧЁРНОЕ НЁБО

ПОВЕСТЬ

а школа всё та же...

С большим интересом я прочитал рукопись повести Ивана Быкова «Чёрное нёбо». Эта повесть о школе, о ребятах, учителях, о труднейшем, тонком и таком важном деле – воспитании человека, формировании его характера.

Городок, в котором живут герои, совмещает в себе и городских, и сельских жителей.

«...От добра добра не ищут. Крепкий дом Козыревых прятался на лето в пышной листве ещё не старого сада. В последнюю осень посреди улицы возвысился соперник – многоэтажный кирпичный красавец. Городок, зажатый со всех сторон предприятиями, повёл наступление на село. Микрорайон быстро разрастался. В ту или иную часть Семёновки въезжали бульдозеры и под девизом: «Сначала место расчистим, а строить потом» ломали яблони, заборы, добротные стены с памятными царапинами и отпечатками детских рук на них. Подворье стиралось с лица земли».

Что удалось автору? Показал (и довольно выпукло, точно) главных персонажей своей вещи, внешний и внутренний облик школы, напряжённую работу классного руководителя с классом. Успехи этой работы хорошо видны глазами новенького – мальчишки, который находит опору и защиту в учителе, и через него как бы открывает для себя круг друзей.

В начале повести Юра Козырев и Андрей Драных встречаются новичка перед школой и говорят ему: «...Если охота учиться, то мы готовы. Для этого и поставлены сюда самим директором. Как пить дать, научим и Родину любить, и товарищей уважать!»

А ведь и впрямь научили, впрямь заставили полюбить новый городок как свою Родину, стали для него друзьями.

Глубоко прописаны индивидуальные характеры мальчишек, как ни парадоксально, но каждый из них по-своему несчастен, каждому предстоят нелёгкие испытания.

Глубокая по психологии и анализу повесть, в которой улавливается дух 80-х. В школе висит красочный плакат по перестройке школы – внешнее оформление, а в остальном – внутренняя жизнь школы всё та же.

Книга написана лёгким, понятным для детей языком, порой весёлым, ироничным, а порой грустным, даже отчаянным. Временами писатель кричит, потом сам себя же спрашивает, да разве докричишься?

Читатели этой повести, я уверен, найдут героев Ивана Быкова в своей школе, ведь они типичны.

Владимир Добряков,
детский писатель

ПОЧЕМУ «ЧЁРНОЕ НЁБО»?

Название повести «Чёрное нёбо» отражает её содержание. Считается, что будущий характер щенка можно определить по цвету нёба в пасти, если оно тёмное или чёрное, то в будущем пёс вырастет злым. Писатель ассоциативно переносит это распространённое мнение и на людей. Впрямь такое ощущение, будто загляни некоторым героям данной повести в рот и увидишь там чёрное нёбо, настолько они черствы душевно. Дед Левон готов убить за горсть клубники. Мать Юрия Козырева отдаёт сумку со щенятами, лопату сыну и буднично говорит: «Иди, закопай», даже не задумываясь о том, что пятиклассник вместе с несчастными щенятами закопает и свою душу. Наверное, ей хочется, чтобы у сына тоже было «чёрное нёбо», она боится, а вдруг он вырастет добрым.

Галина Львовна Голубева,
автор книги «Сочтёмся славою...»
и многочисленных научных публикаций
по обучению литературе в школе

1. «КРЕСТИНЫ» В ДРУГОЙ ШКОЛЕ

В марте родители Саши переехали в небольшой город. Морозным утром пятиклассник впервые пошёл в новую школу. Мама настояла на том, чтобы он надел коричневое демисезонное пальто, кроличью шапку, так как зима и не думала сдаваться весне. Ветра не было, вокруг белела и искрилась таинственная тишина ещё не совсем пробудившейся улицы. И была она такой вкусной, свежей, такой холодной и бодрящей, что мальчишка ощущал в груди не страх, а странное любопытство. Он едва не бегом перебежал скользкую, плохо расчищенную дорогу и на мгновение оторопел: над головой раздался дробный стук по металлу, словно его приветствовал барабанщик. Нарядный пёстрый дятел сидел на рыжеватом от ржавчины фонарном столбе и... пытался его раздолбить. Тут же рядом стоял старый, с полопавшейся корой, наполовину засохший тополь с двумя растопыренными в стороны толстыми ветками и спиленной кроной. Это напоминавшее удивлённого великана дерево куда больше подходило для птичьей столовой, но дятел клевал фонарь. Чудеса! Саша не догадался, что эти чудеса вытворяла со странной птицей шальная весна. И не расклёвывал дятел макушку фонаря, а извлекал свою дятловую музыку. Непросто было догадаться об этом в щиплющий за щёки мороз.

Вот парнишка остановился и присел завязать шнурок. Девчонки, видимо, его ровесницы, кто в пальто, кто в шубке, оглянулись на него, похожего на медвежонка. Их весёлые глаза сияли любопытством, а рты словно кто набил треньками и бреньками. Посмотрели в его сторону и, как рублями, осыпали с головы до ног смешинками – ха-ха-ха, хи-хи-хи, дзинь-дзинь-дзинь! Осмеяли, называется, но на душе стало как-то легче.

Лёгкий морозец насвистывал синицей и накладывал студёной кисточкой румяна на щёки прохожих. Это он, шалун, швырнул сверху горсть невесомого инея. Серебристая пыль заискрилась и затрепетала перед глазами. Девчонки весело взвизгнули и припустили бегом разноцветной стайкой. Саша тоже зашагал бодрее. Многоэтажки остались позади, неширокая дорожка, минуя детский сад, повернула вниз, к зелёной ограде школьного стадиона. А вон и школа, где ему предстоит учиться: большая, белая, с тёмными елями, которые стоят верными стражами по бокам у входа. Обгоняя новичка, словно не замечая его, хрустя снегом, скользя по льду, весело переговариваясь, здороваясь, хлопая друг друга по плечу, пересмеиваясь, спешили группками и в одиночку рослые и совсем маленькие, с ранцами за плечами и с пакетами в руках школьники. Среди них, видимо, были и его одноклассники.

Из-за далёкого тёмно-лилового леса плеснулось канареечное солнце и резануло ярким светом мальчишку по глазам. Он на мгновенье зажмурился, ослеплённый. Потом взглянул на обледенелый тротуар и удивился.

«Видимо, ночью здесь проходил странный богач и тащил свои несметные сокровища, – Саша живо представил металлического монарха, короля гномов Ругедо, который изгнан из своей подземной страны, и усталый, замёрзший плетётся по снегу. – Портной нашёл ему множество карманов, жадность набила их драгоценностями так, что те полопались и камни рассыпались то тут, то там по дорожке. Рассыпались драгоценные камни, а спешащие ноги втоптали алмазы, бирюзу, хризолиты, дымчатые топазы прямо в лёд. И теперь они ярко сияют и переливаются в жёлтых лучах солнца».

Попытка поверить в то, что он попал в сказочную страну, отвлекла новичка от тревоги, которая, сами

понимаете почему, сжимала его сердце. Мигом разыгралась фантазия:

«...А может это и не камни вовсе, а чешуя огромного дракона, да-да, может это огромный-преогромный питон, весом в девятьсот двадцать восемь тонн, оставил здесь сброшенную шкуру и, спасаясь от холода, уполз внутрь школы? Вот и сверкает чешуя выползка, огнём полыхает! А дракон лежит в коридоре – хвост на просторе, раскрыл красную, будто печка, пасть, ворочает раздвоённым языком и глотает, глотает без устали входящих. Сейчас и меня съест – проглотит, удивится, я же не такой на вкус, непривычный... ха! И совсем не страшно!..»

– Э-э-й, Ведьмедь! Топай сюда! – вдруг окликнул приглушённый, слегка осипший голос.

Мысли фантазёра перепутались, он не понял сразу, кто его зовёт.

Множество поблёскивающих глаз-окон широкого белого здания школы смотрели на замёрзшего парнишку и словно вопрошали: «Что, испугался? Что, попался?»

Было довольно скользко. Подошвы ботинок буквально сорвались со ступенек, и Саша, размахивая коричневым пузатым портфелем, слетел, как говорится, с небес на землю. Напрасно он старался ни о чём таком не думать. У стриженных «под ёжик» рыжеватых кустов, рядом с зелёного цвета беседкой, стояли двое рослых пацанов. Тот, который поменьше, взъерошенный, в сдвинутой на лоб серой шапке, а потому особенно пугающий, поманил согнутой ладонью, приглашая к себе.

«Не надо останавливаться, я спешу», – сопротивлялся он мысленно и, набравшись решительности, дёрнулся, желая уйти, но словно наткнулся на четы-

рѣхрожковые вилы – на него смотрели две пары колючих и недобрых глаз.

Видимо, в Сашиных пуговицах, да и в нём самом было слишком много железа. Его притянуло, как гвоздь магнитом, и он послушно подошёл, хотя не хотел, и видел, как дежурные, мелькая красными повязками, словно бы сигналият ему, чтобы не опаздывал.

«Деньги начнут трясти или излупят», – подумал, съёживаясь и неотрывно глядя на сжатые в грозные кулаки серые варежки и на их рослого, чем-то недвольного хозяина.

– Куда это ты, пацан? – спросил тот, глядя недобро и исподлобья.

– Иду в школу, – робко отвечал Саша, прикрывая портфелем острые стрелки брюк и начищенные ботинки.

Белобрысый, что поменьше, аж подпрыгнул и фыркнул ёжиком.

– Гля, вахлак, а с виду не дурак! Не слепые, видим, что в скулу, – он сдёрнул мохнатую шапку с всклокоченной головы и утёрся ею.

У Саши на миг появилось ощущение, что в руках у мальчишки уточка – Серая шейка, сейчас взмахнёт крыльями и... улетит. Нет, не улетела, а снова уселась на взъерошенной беловолосой голове.

– Почему не знаем такого? Ты сюда зачем? – белобрысик спрашивал грозно, глядел пристально.

– Учиться, – робко отвечал Саша.

– Если охота учиться, то мы готовы. Для этого и поставлены самим директором, – важно и солидно проговорил широколицый. При этом его глаза хитро прищурились, а красноватый, чуть вздёрнутый нос насмешливо поморщился. В просторном чёрном пуховике он казался коренастым и сильным.

– Как пить дать научим и Родину любить, и товарищей уважать, усёк, Васёк? – белобрысый опять снял серую шапку и словно бы стёр ею злое выражение с лица.

Оба дружка развеселились, шумно шмыгая красными носами. В глазах зажглись лукавые огоньки.

– Мы думали, пришел жениться, а ты, оказывается, пришёл учиться, – засуетился белобрысый и схватился за Сашин портфель. – Кидай его в кусты. Кидай! – заорал как припадочный.

Замёрзшие покрасневшие пальцы рванули новый блестящий портфель и с размаху швырнули в свесившийся сбоку беседки блестящий язык листа оцинкованного железа, сорванного с крыши. Вращаясь четырёхугольным, коричневым диском, портфель оглушительно, точно пушка по глухарю, ударился по металлу и плюхнулся в снег, в кусты.

– Таможня, усёк, Васёк? Деньги трясем, права качаем. Ты же НО, должен платить пошлину, понял?

Неопознанный объект кивнул, навытяжку стоя перед ребятами, хотя глаза его следили за свалившимся в рыжие кусты портфелем. Да и кто такой НО, он тоже не знал, лишь чувствовал, что выглядит трусом.

Сзади послышался drobный топот. В белом пальто и белой шапочке бойкой Снегуркой прошла молодая женщина.

– Здравсьте, Ирина Михайловна! – подобострастно крикнул ей вслед белобрысый, шпанистый на вид парнишка, вновь срывая с головы «серую утицу».

– А я, Дранных, и здороваться с тобой не хочу, – резко отвечала учительница, не оборачиваясь.

Тот напялил шапку на «скорбные» глаза, сунул руки в карманы и прошёлся, покачиваясь из стороны в сторону, затем ловко вспрыгнул на край беседки.

– Отвечаю теми же искренними чувствами! – независимо крикнул в ответ.

Утренний морозец быстро залез в ботинки Саши, сжал озябшие ноги, добрался и до сердца, застрявшего почему-то в обеих пятках – денег у него не было.

Страшная и не такая уж страшная таможня согласилась подождать до завтрашнего дня и поинтересовалась, по такому случаю, в каком классе он будет учиться. Саша назвал пятый «Б». Ребята, удивлённо блеснув глазами, переглянулись.

– К нам, значит, вот так новость, – сказали одновременно оба и зашмыгали носами, раздумывая.

Саша обрадовался, почувствовал в груди большое облегчение, как-никак, свои. Он осмелел, полез в колючие кусты за портфелем.

– Да, тебе не повезло, – заключил высокий и широколицый стражник и загоготал как гусь, хлопая варежку о варежку.

Белобрысый подхватил.

– Тут плохо, хуже, чем в армии. Правда, Козырь, подтверди? – он вихрем слетел с края беседки, опять сдёрнул с косматой головы шапку и потёр ею по лицу, отчего глаза так и вспыхнули, заискрились азартом.

Широколицый дружок кивнул, сморщился, будто от зубной боли, хотя глаза его смеялись, превратившись в узкие щёлки.

– Новеньким особенно, скажи, Дрюнь? Зуб даю в зарок! Полы мьть замахаешься – класс, коридор, лестница...

Синие глаза бойкого белобрысика, сгущая краски, щедро расплёскивали их вправо и влево, а язык так и высовывался изо рта, видимо, от азарта. Он не говорил, он великую тайну открывал:

– Наш классный свиной разводит. Будешь теперь за свиньями ухаживать, усёк, Васёк? А злой, что не так – по затылку щёлк!

Взмахнув тёмно-коричневыми ушами, с головы Саши совой слетела кроличья шапка. От несильного, но довольно ощутимого удара он сделал два шага вперёд, выставив руки. И тут же его не менее ощутимо тряхнули назад за шиворот.

– За чупрыну хватъ – и таскать, и таскать! Орёт: «Ты меня уважаешь?» Да ещё пинка отвесит вот так, ба-бах!

– У-у, а если честь ему не отдашь... пропал! – цепкая рука схватила за выскочившие концы коричневого шарфа и стала водить, дёргать послушного медвежонка из стороны в сторону...

Звонко скрипел снег, весело раздавались толчки, подзатыльники и тумачи: грели и крестили новичка лихие «таможенники». Потоптали его шапку-ушанку, побросали её друг в друга, наступили с двух сторон на начищенную до блеска обувь, мол, обновить, обновить...

Саша не успел обидеться на столь подробное объяснение. Просто чёлка завихрилась, а в глазах на миг засияла новорождённая звезда. Шутили – он понимал. Он то поправлял волосы, то смахивал непрошеную слезинку, то, вставая, терпеливо отряхивал снег с брюк и пальто, и теперь тоже усиленно шмыгал сырым носом.

«Пометелили» и продолжили учёбу. Белобрысик уже как своего толкнул новенького в бок пальцами.

– Теперь стой, не рыпайся, если запишут в опоздавшие, то всё: военрук возьмёт тебя вот так, за галстук красненький и отправит часика на четыре на гауптвахту сорок четыре, усёк, Васёк?

– Какую гауптвахту?

– Какую, какую! Слепую да разномазную! Будешь кабинет военной подготовки драить, а он под номером сорок четыре, усёк, Федя с водокачки?

– Тихо, Дрюнь, майор!

«Таможенники» притихли, словно онемели. И Саша испуганно замер. По асфальтовой дорожке шли двое,

видимо муж и жена. Он в военной шинели, в седоватой каракулевой папахе, высокий, плотный, с усатым, сердитым, кирпичного цвета лицом, а она в ярко-синем пальто, светло-жёлтой мохеровой пушистой шапочке, улыбающаяся, красивая.

– Так, дежурные, со списком опоздавших – ко мне! – раздалась громкая строгая команда.

Хлопнула дверь. Ребята облегчённо вздохнули. Дрюня подхватил широколицего под руку, крутанул пальцами у верхней губы, будто ус.

– Шли рядом тёмно-зелёный сундук и синяя гитара, чем не пара? Новенький, смир-р-р-на! Как стоишь перед военруком? А ну живот убрать! Пятки вместе, носки врозь! Вольно!

Саша улыбнулся и облегчённо вздохнул, вытирая нос пушистой перчаткой.

– Столкнёшься с ним разок и отлыбишься, – пообещал Дрюня. – Кстати, у тебя съедобного ничего нет? Что ты всё плечами жмёшь, меня не уважаешь?

Опять пинок, притом сильный и большой, по озябшей ноге, – Саша потемнел лицом.

– А значит и не боишься, – с силой плюхнул широколицый мохнатой варежкой в лицо.

– Денег нет, яблок нет, даже конфет каких-нибудь или семечек тоже нет! Чтобы завтра были, усёк, Васёк? А теперь катись отсюда, вахлак!..

* * *

Новичок опомнился только перед кабинетом с номером 39, внутри которого довольно громко гудел ребячий улей. Он не помнил, записали его в опоздавшие или не записали, не помнил, где повесил пальто, где читал расписание.

Войдя в школу, он всё-таки увидел широкое длинное фойе, освещённое солнцем, и огромные красные буквы гимна на синем плакате. На втором, точно таком же, прочитал слово «Реформа» – по радио он слышал это слово не раз. Его удивила деревянная, узорчатая раздевалка. К окошку никто не подошёл, а на полу валялись сорванные с вешалок пальто: кто-то там, внутри, играл в прятки. Пришлось самому повесить пальто на крайнюю вешалку.

Поднимаясь на второй этаж, споткнулся и едва не упал. То ли ещё будет? Поразил длинный, залитый солнечным светом из многочисленных окон просторный коридор, который пустовал, так как шли уроки. По другую сторону от окон располагались кабинеты.

Странно, как нашёл нужный пятый «Б» класс? Он долго стоял перед крашенной белой краской дверью с цифрой тридцать девять и никак не мог согреться. Раз двадцать, не меньше, прочитал слегка размазанную, написанную мальчишечьей рукой надпись: «Прежде чем войтить, сто разов падумай». Стоял и дрожал: то ли от того, что хотел согреться, то ли от пугающей неизвестности. А внутри шум и гам! Шум иногда усиливался, сопровождаясь гулким смехом и отдельными выкриками, потом слегка стихал, как прибор. И было у Саши такое ощущение, что он стоит перед ульем, слушает свирепое жужжанье пчёл и решает: открывать или не открывать крышку. Ведь защитной сетки на нём нет, а убежать тоже нельзя. Надо решиться. Наконец пугливая рука надела застонавшую дверь в другой, пока ещё не изведанный, а потому довольно страшный мир. Саша, дрожа телом, потому что никак не мог согреться, вошёл внутрь кабинета биологии, сказав привычно: «Можно?», и на миг оторопел.

В густо-синем, словно наполненном водой, просторном классе, как говорится, «стояли на головах»: стре-

ляли из трубочек пластилином, прикрывались друг от друга портфелями. Вслед за Сашей, через открытую дверь впорхнул звонок на перемену.

В классе дружно закричали: «Ура!», схватили сумки и бросились к выходу. Саша отшатнулся, пропуская очень рослых, как ему показалось, ребят, подхваченных вскипевшей волной долгожданной перемены. Вдруг его сильно толкнули в спину, а бегущие мальчишки резко затормозили и остановились, став разом недовольными и сердитыми. Вот они попятнулись и поспешили назад, за столы.

«Какой-то бешеный поток, – не понял парнишка, – то туда, то сюда!»

– Куда засобирались? – крикнул Саше прямо в ухо женский, достаточно высокий голос, и его опять с силой толкнули в спину. – Куда засобирались, говорю? А ты чего на пути встал?

Он сердито оглянулся. На него строго глядела из-под очков учительница – невысокого роста полная женщина в сером костюме.

– Ты почему здесь, в чужом классе? Заблудился?

Грохали об стол портфели, одни из ребят с недовольным видом плюхались на стулья, толкая девчонок, другие вставали.

– Ага, он заблудился, Анна Сергеевна. Мы помочь собрались, а тут и вы пришли, – пояснил курчавый осанистый парнишка.

– Помочь? – недоверчиво покачала высокой причёской учительница. – А может, улизнуть хотели? Шутники. Я же вам русским языком сказала, чтобы на перемене никто никуда не выходил. Вы у меня наказаны! Вы отняли у меня время, и поэтому я вас задерживаю. Сказала читать, а вы бежать!

Отвечали быстро, со всех сторон:

– Нам Пётр Иванович не это задавал.

– Перемена пять минут, отпустите в туалет.

– На переменах детям бегать положено, а класс проветривать.

Учительница отрицательно покачала головой, голос стал твёрдым:

– Нет! Вы что вытворяли в конце урока? Я стояла у двери и всё слышала.

Маленькие викинги не хотели сдаваться какой-то там Анне Сергеевне, пожилой, небольшого роста женщине. Они принялись мяукать, хлопать книжками, ворчать, выражая недовольство.

– А я подходила к двери и смотрела, там никого не было, – вызывающе приподняла нос белокурая и рослая девчонка, обнажая неправильно растущие зубы.

– Ох, и востра ты больно! Как твоя фамилия? Встань! – прошла и хлопнула ладонью по столу Анна Сергеевна.

– У меня нет фамилии, я люблю, когда меня называют по имени, – фыркнула долговязая упрямица. – А имя я вам не скажу!

Саша тоже посмотрел на девочку, которая пререкалась с учительницей, а она сидела на второй парте от учительского стола, и... только тут сообразил, что он вошёл в кабинет биологии: с краю учительского стола стоял зелёный аквариум, а рядом цвела ярко-красная герань.

С треском распахнулась дверь, в обнимку, с песней ввалились оба знакомых Саше друга. Белобрысый кивнул:

– Эй, новенький, привет! Ты уже тут? У нас новенький, ребцы! Гм, перемена же... можно? Здравсьте!

Опять прозвенел звонок, как сигнал СОС, сигнал продолжающегося Сашиного бедствия.

– А вы, друзья, где гуляете? – сдвинула с носа золотистые дужки очков Анна Сергеевна.

– Как где? На перемене. Не, нас в школе не было, – отвечал, опять подмигивая Саше, улыбающийся белобрысик.

– Мне кажется, что я тебя, беленький, в коридоре встретила – нёсся так, что чуть меня не сшиб. Я оставила тебя, и что ты мне ответил?

– Если кажется, то креститься надо! – опять задорно крикнула девчонка.

– Эта, как тебя, ты можешь помолчать, когда не спрашивают? – оторопела Анна Сергеевна.

Мальчишкам палец в рот не клади, белобрысик подхватил с ходу:

– Нет, она не может молчать! – и добавил, лихо присвистнув: – Анисимова, не молчи, расскажи, как у тебя капуста «закоченела» летом?

– У её брата дают дрозда, и соловьи водятся в «партах»!

– Не молчи, Анисимова, говори и говори.

– Да, я не могу молчать, – выступила девчонка, откидывая золотистую чёлку.

Полная, небольшого роста учительница прошла к своему столу, открыла журнал, пережидая дружный смех.

– Новенький, пройди и сядь пока к Анисимовой. Да, да, на перевоспитание. Вот, опять раскатились.

Она повернулась к опоздавшим, уже знакомым Саше «таможенникам».

– И вы, друзья, садитесь. Анисимова, отвечать! Я давала читать про деление растительной клетки. Иди, расскажи нам, прояви бойкость у доски. Уж больно шустро. Всё, тишина.

«Вот и мой класс; девчонки, как всегда, вертятся, глядят на меня, смеются – им лишь бы осмеять, пацаны же как не замечают, а на перемене опять привяжутся. Эти двое что сейчас делают?» – обременённый неве-

сёлыми думами, Саша повернулся и вздрогнул. Чёрный пластилиновый катыш щёлкнул его по губе, ещё один по левой брови, ещё – по затылку. Новую мишень облюбовали многие.

Артобстрел прекратился мигом. Анна Сергеевна вдруг быстро прошла, как шаром прокатилась, по ряду. Пронесла к себе пластилин, трубки... и дневники.

Стало так тихо, что Саша услышал робкий голос долговязой и тоненькой, как тростинка, Анисимовой: «Клетка делится ещё раз...»

– Ещё раз, ещё раз, ещё много, много раз! – звонко пропел белобрысый отчаюга по прозвищу Дрюня.

* * *

Саша отвлёкся и словно бы увидел себя со стороны – он рассматривал большой зелёный аквариум – бассейн, в котором купались, вот смешно-то, глазастые маленькие старушки. Их чёрные кофты, чёрные, очень длинные юбки вздрагивали, и старушонки медленно плавали взад и вперёд, смешно выпучив, видимо от ужаса, огромные глаза – телескопы. Наверное, это были няньки Золотой рыбки, что царственно замерла на троне из выющихся зелёных водорослей. А к стенке прилип усатый сомик-присоска.

– В четвертом классе, – размеренно рассказывала Анна Сергеевна, стоя с указкой перед плакатом, – вы изучали тему «Выветривание». Кто помнит, что это такое?

«Неужели кто-то помнит эту ерунду? – подумал удивлённо Саша. – Зачем? Рыбки, похожие на старушек, вот интересно».

– Забыли? – Анна Сергеевна подняла глаза как бы над очками, глядя на сидящих учеников.

– Ты желаешь? Твоя фамилия Козырев? Давай, расскажи.

Саша опять оглянулся. Встал широколицый, уже знакомый ему мальчишка. Он отмахнулся от взъерошенного соседа и несвойственным его облику боязливым голосом заныл.

– Ну, от перемены... в горах появляются трещины...

«Что такое НО? – разом вспомнил про «таможню» Саша. – Почему меня назвали так? Может, оно означает неопознанный объект?.. Если так, то обязательно продолжают меня изучать, то есть приставать».

– От перемены, скорее у вас в мозгах появляются сдвиги, сядь!.. Ты, если не ошибаюсь, Моисеев, отвечай.

– Можно выйти? Вы не выпустили нас в туалет... ну, можно! А то не смогу терпеть...

– Можно, иди!

Сразу полкласса захотели «до ветру», сидели, смешно трясли руками и нетерпеливо ойкали.

«А вообще, весёленький класс», – изменил мнение о ребятах Саша, желая успокоиться и стать таким же, как и они. Он и сам был не прочь пошутить, но ведь он новенький.

«Те двое, сзади, опять будут издеваться, отвешивать «пендели», – вспоминал он про недавнее унижение, и радость сменялась отчаянием. Саша как наяву ощутил вкус шерстяной варежки. – За что ударил?»

– ...И корни выполняют огромную работу, проникая на большие глубины. Они, как насосы, качают воду и дают жизнь пустыне. Как кораблю нужен якорь, так и растению необходима... Новенький, что?

– Растению необходима опора, а опорой является корень.

– Верно. Внимательно слушаешь, молодец!

Саша поморщился, только этой похвалы ему ещё не хватало. Просто он уже изучил эту тему в прежней школе.

– О, да, отличник! – услышал он за спиной ехидный шёпот и, повернувшись к классу, встретил множество насмешливых глаз.

– Анискина, запиши его в свой свинячий кружок, погоны выдай...

– Я вон заболел свинкой и...

– И до сих пор хрюкаешь, ха!

– Я тебе, Анисья, щи прокисли, точняк, фингал под глазом нарисую!

Анна Сергеевна торопилась – слишком долго она выясняла с классом отношения. Она повесила на гвоздик старенькую таблицу.

– Смотрите сюда, видите берег моря и вот эти возвышающиеся, словно шагающие в воду деревья? Это мангровые заросли, у которых ходульные корни. Дерево, повторяю, возвышается над болотом и как бы шагает на ходульных корнях.

– Ага, шагает на перемену, не то, что мы...

– Хватит паясничать! Главное, знайте, именно корни растений защищают породы от выветриваний. Запишите задание на дом. Ты что, Моисеев, опять в туалет?

– Нет, отвечать.

– А что спешишь, как на пожар? Запиши задание и, пожалуйста, отвечай.

Румяный, круглолицый мальчишка, дёргаясь от нетерпенья, сияя искристой голубизной глаз, вскочил и застрочил как пулемёт.

– Я уже! Корни бывают разные, в зависимости от того, где растение растёт. В пустыне, где воду достать тяжело, у верблюжьей колючки корень достигает глубины в двадцать метров и больше.

– Чутьочку медленнее, а то застрекотал сорокой.

– Ага. Ещё корни запасают пищу. Это у таких растений, как морковь, редиска... всё! А что вы мне поставите?

– «Какая жизнерадостность, как им всем тут хорошо, а я лишний!», – завидовал и скорбел сердцем Саша.

– Новенький, ты редиска, – хихикнула Анисимова.

«А ты – длинная поlynная ветка-стебенюшка», – мысленно обозвал он соседку, но вслух ничего не сказал.

Кто-то толкнул в бок, он оглянулся – чего ещё от него хотят?

– Новенький, ты сегодня дежурный, понял? – подмигнул ему курчавый, одетый в голубой комбинезон мальчишка с другого ряда, видимо, ответственный за уборку класса. – Гляди, а то нюхальник набок сверну, если забудешь.

– А я помогу, – добавил маленький и лупоглазый его сосед.

Курчавый командир выставил ногу вперёд, наклонился, словно поднимал ручку, и попытался дёрнуть за рукав соседку Саши.

– Анисья, ты нынче дежуришь.

– Одна, что ли, буду? – обернулась та сердито.

– Вон с ним, на парочку.

– Я с ним не буду.

Саша даже обиделся, это он с ней не будет – уйдёт сразу домой после уроков.

* * *

К концу четвертой перемены усталый, в помятом костюме Саша, на котором проехали почти все ребята из класса, не мог дождаться, когда же кончатся проклятые уроки. Даже курчавый, а он, похоже, впрямь командовал в классе, заорал на Дрюню, чтобы тот отвязался от новичка, мол, он не лошадь, хотя и осёл порядочный. Особенно наседал маленький и лупоглазый злока, чем-то похожий на карликового пинчера. Он всё время

старался ущипнуть, отвесить «шантик», а то и крепкий щелбан, стараясь попасть по горевшему лбу.

В этой школе было так же, как и во всех больших школах. Ходили с повязками дежурные учителя, на лестницах и в рекреациях стояли в белых фартуках дежурные девочки. Правда, Саше показалось, что на дежурных не обращают внимания. По коридору куда-то спешили, бежали, при этом орали и толкались потоки мальчишек и девчонок. Проходили огромные, под потолок, десятиклассники, заставляя шарахаться мелюзгу. Тут же ёрзали вёрткие, как шилья, малыши, догоняя и щипая таких же мелких, сердитых и красных от крика девчонок. И большие, и маленькие старались перекричать друг друга, лезли на подоконники, съезжали по перилам, бросались портфелями.

В ребячем туалете – дым коромыслом и опять драка. Любопытные так и кинулись туда – глядеть. Сашу оттеснили к стене, где его вдруг схватил за шиворот рослый старшеклассник с красной повязкой на рукаве – дежурный. Он подтащил его к опрокинутой корзине с бумагами, приподнял, резко опустил и предупредил угрожающим басом:

– Почему «мусорку» ногой опрокинул, а? Если сейчас не соберёшь все бумажки, я тебе на голову её одену и к военруку отведу!

Тут на широкой лестнице появился, как вынырнул, молодой учитель в чёрном костюме, с чёрным портфелем и придержал дежурного за плечо.

– Михайло, за что бранишься? – спросил мягко.

– А-а, здарсьте, – робея, отвечал дежурный, хотя был на половину головы выше того, кто спрашивал, – вот, намусорил – пусть уберёт.

– Стой, стой! Что-то не узнаю такого, – учитель положил тёплую ладонь на голову виновного, поворошил его волосы.

– Я сам видел, как он ногой толкнул, специально.

Пальцы учителя на голове Саши стали жестче, слегка щипнули.

– С виду – аккуратный мальчик и вдруг ногой мусорную корзину толкнул... исподтишка... зачем?

Саша встряхнулся, но не отвечал, так как горло у него перехватила обида.

Знакомые пятиклассники со всех сторон обступили учителя, словно щебечущая стайка птиц налетела. Они забрали портфель, ключи от кабинета. Оказывается, это был их, а теперь и его классный руководитель Пётр Иванович.

– На спецкурсы по экологии отъезжал. Уже соскучились, мои птенчики? Ведь всего на два дня.

– Да-а, у нас какая-то Анна Сергеевна вела, такая злая!

Как им было хорошо – в своей школе, со своим учителем! Саша ещё острее почувствовал себя изгоем – стоял насупившись.

– А к нам новенького посадили, вот его... сегодня.

– Он что-то натворил, да? – блестело любопытство в глазах девочек.

Учитель тоже блестел и смеялся глазами, живо поворачивался, радуясь, что он опять у себя дома. Он на секунду наморщил лоб, соображая, что и к чему. Потом покачал головой и изрёк справедливое для Саши решение:

– Ах, вон что! Он же новенький, да ещё из моего класса. Тут, Миша, у тебя перебор вышел. Не может новенький, да ещё из моего класса, валять урну ногой. Нелогично рассуждаешь. Поищи-ка другого виноватого, желательно настоящего.

– Ага, понял, до свидания.

– Чао-какао, пошли, калгачата. Сегодня репетиция, я вас с пения отпрошу.

– Ур-р-ра-а-а! У нас пения не будет!

– Пётр Иванович, а почему ребята на новеньком ездят и ездят?

– Ябедничаешь, Анисья! Я им говорил, что он не лошадь, а они разве послушают?

– Разберёмся... Эдик, возьми ключ у пионервожатой от актового зала. Вы с Моисеевым несите домик. Дранных и Козырев где?

– Явились на второй урок, их за это ругали.

– Разберёмся, идите в зал, а я тут, – учитель обнял новенького, – побеседую.

Он чуть приподнял Сашу, пронёс его метра два.

– Ничего, – сказал мягко, улыбнувшись, – это твои, так сказать, крестины. Не обижайся, но и ездить на себе не позволяй.

2. ТАЙНЫ ЛАБОРАНТСКОЙ КОМНАТЫ

Отодвинулся всеокрушающий поток последней шумной перемены и бесконечное преследование со всех сторон. Он попал в пленяющую волшебность тишины и был ею попросту оглушён.

В лаборантской комнате царил покой и был свой порядок – порядок обилия идиолов: муляжей, чучел, влажных препаратов, гербариев. В косо падающем свете коричневатого-золотистыми искорками янтаря отливали квадратики искусственной смолы с крупными и словно живыми скорпионами внутри. На другой полке, в банках, аппетитно краснели помидоры, зеленели огурчики, белели патиссоны.

В широкой нише по стеклу полз разлапистый краб, покрытый шипами и колючками. Вздыхая кверху похожие на руки клешни, он так сильно напоминал Дрюню, что Саша рассмеялся. А краб напозлал на распутив-

шего плавники головастого бычка. Вытянув огромные, будто надутые боксёрские перчатки, клешни, за всем безучастно наблюдал бусинками глаз на стебельках тёмно-коричневый, словно обжаренный, со светлыми боками омар.

Чёрный костюм Петра Ивановича, взгляд быстрых, пронизательных глаз, касание едва согнутыми, расставленными пальцами, околдовали мальчишку, явили ему таинственные чары, в которые он погрузился теперь, в лаборантской комнате.

Саша почувствовал, как оживает сама тишина, начинает шуршать и царапаться. Мурашки поползли по спине, стало немного страшно.

Возле стола вдруг кто-то сильно заскрёбся. В металлическом ящике мелькнула бело-коричневая тень. Мальчишка испуганно вскочил, всмотрелся и увидел живое существо. Саша впервые видел странную зверушку трёхцветной кошачьей расцветки, размером с крупную, жирную крысу. Он, потрясённый, подумал, что это за смесь такая кошки с сусликом – с тупой мордочкой и без хвоста?

После третьего урока их водили вниз в аппетитно пахнущую столовую на обед. Дежурные накрыли столы. Новенького посадили на первый раз с девочками. Саша с удовольствием похлебал недосолённый тёплый рассольник, съел рыбную котлету с гречкой, а вот компота выпить не удалось, так как проходившие мальчишки отвлекли его внимание и всыпали в стакан ложку соли. Если бы он знал, что тут живёт зверушка, то притащил бы ей хлебушка, а то и половину котлеты.

В класс вошли. Сразу же послышался весёлый голос Петра Ивановича.

– Сына-то как назвал?

– Как принято, по-модному, Антон, – отвечали тоже весело, басом.

Саша перестал дышать. Он представил почему-то пустой класс голубо-зелёным, налитым водой тишины, гигантским аквариумом. Представил Петра Ивановича в его чёрных одеяньях той старушонкой с выпученными глазами, что, встряхивая юбочкой, плавает в маленьком аквариуме, на учительском столе.

– Поздравляю, голубчик, а у меня, кроме сына, теперь две дочки.

– Тесть ворчит, сам, говорит, ленивый и сына ленивым именем назвал.

– Не понял... А-а-а, Антошка, Антошка, пойдём копать картошку. Прямо по поэту Энтину, смешно! А я от Ирины Михайловны. Опять Дрюшку моего выгнала. Есть у меня один охломошка, вернее, у меня их двенадцать, хотя – Господи, и тут оно – их теперь у меня 13! И тут получается чёртова дюжина! Ко мне же новенького посадили, представляешь?

– Я от одного без ума, а ведь малые детки – малые бедки, – пробасил гость.

Было слышно, как встал хозяин этого кабинета, как энергично зашагал, затем выругался, зацепившись ногой за упавший стул.

– Не-не, подожди, послушай!

Пётр Иванович вздыхал и жаловался. Оказывается, число 13 давно преследует его: и студентов мужского пола было столько же на биолого-химическом факультете, и трижды на госэкзаменах доставался билет со злополучным номером...

– ...И мужиков в школе знаешь сколько? Тоже тринадцать. Предупреждающее число, которое ясно говорит о господстве дьявольской силы, то есть о господстве женщин. Неплохой мальчишка Дранных Андрей, по прозвищу Дрюня, но Ирина Михайловна, филолог, его не любит. Не смейтесь, Николай Николаевич, я серьёзно утверждаю! Я и с певичкой не могу ладить. Пи-

анино в нашем «греческом» зале просто улей какой-то – оно жужжит! Возьмите баян и приходите на репетицию, ведь послезавтра нам уже выступать.

Саша не знал, кто такой филолог, но перевёл это слово как хороший учитель.

Долго и монотонно скрипит дверь, распиливая тишину на части и заглатывая по кускам вместе с каждым словом из разговора.

– К вам можно? – послышался женский голос.

Саша сел и ждал, непроизвольно слушая. Выходить из лаборантской комнаты было как-то неловко, а про него, видимо, забыли.

– О, это кто же к нам пришёл, – взвился до петушиного голос Петра Ивановича, – кто мой класс своим русским ухандошал и ребят в литературной воде, как котят, перетопил? Ирен, здравствуйте, а мы только о вас вспоминали. Николая, не покидайте так сразу поля боя. Ах, не хотите мешать, считаете, что нам вдвоём будет легче договориться? Ладно, я вас жду с баяном через полчаса, гуд?

«Приплыла золотая рыбка, – подумал Саша с улыбкой, немного смущаясь своих лукавых мыслей. – Она царица и её жалуют. Старушонка так и увивается вокруг». Мальчуган тихонько хихикнул и почувствовал, как краснеет.

В столе лежали журналы «Юный натуралист». Саша достал и стал листать, рассматривать цветные картинки, с любопытством продолжая слушать разговоры взрослых.

– Смешками не отделаетесь, – строго сказала красивая царица, – дайте мне два самых ярких цветка. Я провожу классный час по Владимиру Высоцкому.

– С покорностью. Однако сердитый у вас голос, прямо басит. Вы сами с гитарой будете петь и потому под барда настраиваетесь?

И голос, и имя «русалки», то есть учительницы русского языка, были знакомы Саше. Он вспомнил белые скрипучие сапожки, идущие по снегу.

– Могу и спеть, но я пришла поговорить о вашем классе.

Саша представил красивое бледное лицо Ирины Михайловны, холодные глаза, слушая надменный голос.

– Это какое-то сборище, а ваш Драных просто неуч, ни в какие ворота. Или он, или я! Вызывайте мать.

– Хорошо поёте, резче Высоцкого, я просто заслушался, но...

Занудным аккомпанементом к возникшей перебранке проскрипела дверь.

– Вот где я вас настиг, – рыкнул браво бас, – на свидании с молодым человеком.

Саша вздрогнул, узнав военрука.

– Шутки у вас солдатские, Юрий Сергеевич, – с вызовом отвечала Ирина Михайловна.

Представлять военрука рыбкай-старушонкой Саша не решился, скорее, сомиком-присоской.

– Для того и при погонах, ненагляда, – рокотал бас.

– Вы при красоте, а мы при желании любоваться! Я вас не устраиваю? Гляньте на мой философский нос, губы грузинского происхождения.

– На майорские усы – гусар! – подхватил Пётр Иванович, видимо, изо всех сил тряся юбкой. – Представляете, как мы вас любим. Золотко, давайте забудем о Драных, давайте, прошу. Что он там – матом ругнулся? Помните у Есенина: «Кто из нас на палубе большой не падал», – и, как там – «не ругался?» Мужик же растёт. Он обязательно извинится.

– Простите, это вы о ком? – грозно спросил военрук.

– Если о Драных, то он у меня сейчас в кабинете стоит. Мать нужна обязательно, мать вызывайте!

Саша обрадовался, теперь Андрея Драных не будет в классе, «на четыре часа обеспечен в баржу 44, как сам белобрысик недавно выражался».

– Знаю, что нужна, знаю! – раздражённо закричал Пётр Иванович. – Она и ему нужна. А... где... взять... эту мать?

– Но он, буквально пять минут назад, устроил свалку в туалете!

Военная выправка слышалась даже в голосе, грозном, как рёв БТРа.

– Дрался! Захватил его, ташу, а он, как ёрш, упирается и ещё оговаривается. Разгильдяй разгильдяем! Расхристан, непричёсан, без галстука, нос разбит.

– Жаль, он вас не искусал! Какой мальчишка не дерётся? Какой мальчишка – со всеми пуговицами? А галстук Дрюне – это же смех! Что он дрался – молодец – не испугался; он со старшеклассником дрался, малыша не обижал.

– Потакать непедagogично, должна быть дисциплина!

Голос Петра Ивановича делался всё более твёрдым.

– Может быть, я же не военный, простите. Я выясню причину и сам приму должные меры, а сейчас требую отпустить моего ученика. Он нужен на репетиции. Я твёрдо знаю, что он хороший мальчишка! Он вам, Ирина Михайловна, когда же вы уймёте амбиции и пожелаете понять, цветы в класс перетаскает. Помиритесь с ним, госпожа Недотрога – с детьми надо быть ласковыми. Он и вам, Юрий Сергеевич, баржу продраит, и генералом станет величать.

Андрей Драных выразился не матом. На уроке при проверке домашнего задания Ирина Михайловна подняла его мятую тетрадь и, покраснев, закричала:

– Я не знаю, кто из вас у кого списывал. Ты у Анисимовой или Анисимова у тебя?

Задира нагло заявил, мол, она, коза, содрала.

– Сколько авторов у этого сочинения, спрашиваю?

– Семеро, – кривясь вбок, в сторону Стебенюшки Анисимовой, отвечал белобрысик.

– Как семеро? – шагнула в его сторону учительница, намереваясь швырнуть тетрадь, похожую на «изжёванную тряпку», в «рожу».

– А вот эта шестёрка и я, – спокойно кивнул головой вправо Дрюня.

Тут Ирина Михайловна совершенно вышла из себя – швырнула.

– Вон отсюда! – закричала и толкнула «кривляку». – Без отца в класс не возвращайся!

– И с двумя отцами не вернусь! – огрызнулся сорванец и хлопнул дверью.

Логика взрослых – не сдаваться, даже тогда, когда им показывают на явную ошибку. Они ошибок не признают, наоборот, оскорбятся, ведь они всегда правы.

Голос Ирины Михайловны был бесстрастным, такой и должна быть царица – холодной и неприступной.

– У вас они все неплохие. Давайте я сама цветы отнесу, а его видеть не желаю!

На русском Саше поставили пять. Учительница оказалась строгой и требовательной. Объясняла она быстро, как-то рывками, хотя и понятно.

Тогда, на уроке, Саше казалось, что так и надо – выгнать «кривляку», который сам ничего не делает, как выразилась Ирина Михайловна, ещё и другим мешает.

Опять заскрежетало в железной клетке, замелькало коричневое с белыми пятнами животное и по-поросычьи взвизгнуло.

«Может голодная?» – нагнулся Саша, с восторгом разглядывая белый веер усов и тёмные, пугливые глаза зверушки. Если бы кто из ребят сказал, что это мор-

ская свинка, то он ни за что не поверил бы, подумал, что его продолжают разыгрывать.

Пётр Иванович быстро вошёл в лаборантскую комнату, увидел новичка, читавшего журнал «Юный натуралист», удивлённо повёл глазами, поднял бровь, вспоминая, не наговорил ли чего лишнего.

– Ты... здесь... а с классом не поёшь? Ладно, помогай, хватай проигрыватель и эти пластинки. Тащи за мной!

* * *

В просторном, светлом зале мощно гудело: «Орлята учатся летать».

– С дивана прямо на кровать! – выли уставшие пятиклассники.

С боков сцены, окаймлённой тёмно-зелёным бархатным занавесом, строили рожицы крупно нарисованные маски, мол, как же нам весело.

Учительница трясла руками от возмущенья, пожимала плечами: что с вами поделаешь?

«Охламоны» дружно застонали навстречу вошедшим.

– Давайте сразу, – заторопил курчавый командир, – опять на три часа затянем? Надо же поесть.

– В столовой перехватил бы, – подмигнул командиру по-свойски учитель.

– Сами там ешьте.

– Я и обедаю там. И так, давайте вспомним, кто за что отвечает? – Пётр Иванович оглядел ребят. – Плакаты принесли? Молодцом! Чирова с листьями где? Неужели опять домой побежала? Совсем нет, жаль! Пластинку Леонида Мартынова взяли... хорошо... настраивайте аппаратуру и тащите из лаборантской домик, корзину, кресло из крайнего шкафа, мяч. Там же наденем костюмы. Про дерматин не забудьте – скалу сделаем.

С визгом и гиканьем, застревая в дверях, все бросились вон – сорокоголовая и восьмидесятиногая бомба взорвалась. Осколок под названием «новенький» тоже кричал и тоже бежал, гулко топя по коридору.

3. РЕПЕТИЦИЯ

В зале стоял весенний гам. Пятиклассники напоминали своей непоседливостью стайку воробьёв. Свет падал на сцену так, что ребячьи глаза казались тёмными, круглыми, птичьими.

Тренькало пианино. На огромном синем, в воздушных облаках, куске неба летели три жёлтые посланницы – птички-синички. И солнце, лукаво зажав губами травинку, морщило веснушчатый нос, мол, живите весело на свете!

Само собой успокоились. Сигналом послужили зазвучавшие трели. Они полились откуда-то свысока, посыпались быстро-быстро, залиристо зазвенели. Саша даже глаза закрыл, стараясь вспомнить, кто так поёт. Конечно же, он узнал вестника весны и тепла – полевого жаворонка. А ручеек серебристого перезвона вливался в грудь, распирал её, заставляя громко завопить и броситься бежать.

На сцене стояли ребята в белых рубашках, красных пилотках и пионерских галстуках. В руках они держали скворечники. Глядя прямо на Сашу, чеканя каждое слово, бросая его в зал так, чтобы оно летело, стихи читал Дубина.

*Над снегом талым вереницей,
Сквозь облачную пелену,
Издали летят к нам птицы,
Пророча скорую весну.*

Он сделал в сочинении сорок три ошибки, и Ирина Михайловна даже фамилии его не назвала: дубина – и всё! Правда, с другого ряда обронили с достоинством: «Да это же Марадонна». И Саша подумал тогда, какая интересная фамилия у мальчишки. Он не знал, что Дубина лучше всех в классе играет в футбол.

Маленькая, пушистенькая девочка бойко подхватила:

– О птицах должно, как о чуде, слагать стихи... хи-хи-хи-хи!

Последние две строчки скомкались. Одуванчик прыснул и звонко расхохотался: «Кать, ну, не смейся!»

В форменном картузе работника леса, с красной папкой вышел Эдик Сотников, курчавый мальчишка. Прошёл, скомандовал.

– Белый занавес!

Сверху раскрутился и повис сшитый из старых простыней квадрат.

– Врубайте свет и музыку!

За занавесом включили лампу, чистый детский голос запел: «День добрый, день добрый, я к вам прилетаю в родные края...». В белое поле освещённого квадрата вышла тень девочки, вытянула вперёд и вверх руки. Навстречу ей поплыли косяком тени птиц – лебедей.

Сидящие рядышком с Сашей две девчонки тихонько комментировали происходящее:

– Мы придумали с учителем. Он, давно ещё, говорил: «Принесите ненужные простыни, мы из них конфетку сделаем». Какую конфетку? Неужели что-то оборачивать-наворачивать? Моя мама так и сказала, хотя простыню дала. Другие тоже принесли по простыне. А Пётр Иванович велел их сшить в большой квадрат. Театр света и тени как дали! Про хлеб блокадный как показали! Ветераны войны плакали, а нам за это – первое место.

Курчавый ведущий раскрыл папку, кашлянул. Он читал чётким, командирским голосом; прервав чтение, Эдик ухмыльнулся, встречая артистов.

На сцену выбежала желтогрудая синица, а за ней серый, в картузе, воробей.

– Ложкина и Супков, – хмыкнули девочки.

Услыхав фамилии, Саша тоже хмыкнул, от души завидую уверенности Эдика Сотникова.

– А мы не всегда голодали! Прилетали из леса поближе к людям и находили на окнах, за которыми живут хорошие мальчики и девочки, кусочки сала, семечки, крошки, фьють-фьють!

– Чив-чилик! Чив-чилик! Очир-чировательные мальчи-чишки, девчо-чонки.

«Не Супков, а Супкова, – догадался Саша, – это же девчонка».

– Зимой, – возвысил голос докладчик, – мелкие птицы: синицы, пищухи, королюки, поползни держатся стайкой возле кормильца с большим, крепким клювом...

В красной шапочке вышел пёстро одетый дятел.

– Ха, Носов! – услышал Саша.

Конопатый Женя Носов почему-то вёл себя как Иванушка-дурачок. Он постоянно путался, ошибался, но не расстраивался, не обижался, когда его ругали, обзывали глупым, а то и пенёком, он на это весело кивал головой и соглашался. Когда над ним смеялись, то он тоже смеялся.

Дятел помахал крыльями, прошёлся по кругу, оглядываясь по сторонам и улыбаясь.

– Да, лебята, столько у меня хабот и злопот, ммм... залапот и халапот, – дятел рассмеялся. – Я, это, санитал, это, лечу челвячков, съедаю делевья, язычком – чок, вот так чок – и нету.

– Опять слова перепутал, Женя! – пробурчал Пётр Иванович, таща за руку Дрюню. – Андрюш, тебе же вы-

ступать, сбежал бы давно от этого военрука, и что вы его боитесь?

– Вот пускай майор и выступает!

– Андрей, нам нужно, чтобы ты выступал, а не какой-то майор.

Дрюне обрадовались.

– Ура, вернулся! Ура, живой!

– Иди сюда, – махал Козырев закадычному другу, и широкая улыбка делала его лицо ещё более широким.

– Не мешайте! – рявкнул командир. – Сидите тихо!

– Я лесу говолю спасибо, – лопотал растерявшийся дятел, – я ему отколупну кусочек делева, потом колы отколупну и поделюсь с длузьями.

В глазах учителя запрыгали мушки-смешинки. Он поднял ладони.

– Хорошо, Евгений мой, – похвалил стушевавшегося артиста, – молодец!

Эдик тряхнул курчавым чубом и продолжил. Оказывается, большинство желтогрудых «звонариков» не живут больше года. Пять лет сумела прожить только одна синичка – из пяти тысяч.

Саша слушал проникновенно, он не понимал белобрысого Дрюню и его друга, которые ширяли друг другу, а от сцены отвернулись с таким видом, будто им это всё до лампочки.

Эдик прокричал.

– Тысячи и тысячи птиц вернулись домой, чтобы строить гнёзда. Порадуемся им! – чтец улыбнулся. – Всё!

Он облегчённо вздохнул и быстро спрыгнул в зал.

– Аж голос сел. Ну, я пошёл: поем и прибегу.

– Беги. Принеси и нам хлебца. Если не лень, маслица на него ливни и соли сыпни: мы тут поклюём.

Пётр Иванович вышел на сцену, подмигнул Саше и громко объявил:

– Мы за ленинское отношение к природе! Пожалуйста, Андрей.

Дружки подняли возню, делая друг другу «лошадиные укусы». Но и на этот раз Пётр Иванович обошёлся без замечаний. Он терпеливо ждал. Вот Дрюня оглянулся и крикнул:

– Можно я отсюда, а то меня эта держиморда не пускает?

– Конечно, – согласился учитель, поглядывая на дверь, не придёт ли баянист.

Саша правомерно считал, что только таких, как он, должен выделять классный руководитель – тех, кто хорошо учится и примерно ведёт себя на уроках. А потому он ревниво поглядывал то на взъерошенного Андрея Драных – «двоечника», то на улыбающегося ему «классного» и не понимал: «Зачем такого нянчить?»

А белобрысый Дрюня «выламывался» как пряник.

– Это, я забыл... как его... козёл, что он мешается? – отмахивался выступавший «великий» артист от своего широколицего дружка.

– Юрчик-огурчик, – позвал Пётр Иванович, – одевайтесь, вам пора.

– Ага, – вскочил Козырев, – бегу!

– Ну, – начал ласково подсказывать учитель, – вдруг...

– Я знаю, – отмахнулся Дрюня, глядя куда-то в потолок, – сейчас-сейчас!

...Вдруг на перекрёстке двух дорожек

Он взглянул и про недуг забыл.

Закипел, сдержать себя не может:

Кто-то в парке дерево срубил...

Читал белобрысик, виновато улыбаясь, словно делал какое-то постыдное дело. Он то и дело ошибался, чесал затылок и отворачивался.

– Молодчина! – бросился к нему, спрыгнув с подмостков, Пётр Иванович; разлетевшиеся полы чёрного

пиджака сделали его похожим на явившегося с небес посланника – ниндзя. – Всё у тебя о'кей!

Повернулся в сторону входной двери, вздохнул.

– Лебёдушек пока пропустим. Пробуем поставить команды. Кому слово, вам, «Цыплята», или вам, «Орлята»?

– Давайте «Орлов»! – выкрикнул, лихо присвистнув, Дрюня. – А то нам с Козырем ещё коридор мыть, военрук приказал.

Вошёл высокий, тощий бородач с зелёным баяном.

– Ох, а я лебёдушек отменил, – сказал огорчённо учитель.

– Ничего, я могу подождать, – кивнул Николай Николаевич, заговорив знакомым густым басом.

– Отлично! А то мы уже нарядились, приготовились.

На лице Петра Ивановича опять появилось вдохновение, исчезли усталость и зевота. Он помог установить столы, возвести, накрыв их коричневым дерматином, скалу, наверху которой водрузили кресло. В золотистой короне и красной мантии туда сел царь птиц – крупный с крючковатым носом орёл. Всё это будет за занавесом, а сейчас делалось открыто. В секретарях у орла воробей: конопатенькая девочка в сером платье и в картузе – Супкова Таня.

– Царь птиц, – старательно чирикает она, – орлята расшалились, из гнезда могут выпасть, чив-чилик.

Царь хмур и озабочен, стучает сердито жезлом, ворчит же ноющим голосом.

– Малы они ещё, неопытны, вот и не думают о высоте. Я гнездо построил на обрыве Великой скалы, под ними пропасть в километр.

– Хотят летать, чив-чилик, – кланяется серая птица-секретарь.

– Рано! Ещё только в пятом классе, а уже летать. Зови их сюда.

– Слушаюсь. Царь птиц, тут к вам с жалобой, чив-чилик.

– Принять! Пригласить жалобщика сюда к тронной скале!

Девочка, одетая в синее и жёлтое платье – синичка с грамотой в руках, подпрыгивает и пищит дрожащим голосом.

– Здравствуйте, царь-батюшка! Я прилетела из далекого города Пташина: крылышки мои ослабли, можно я сяду?

Царь вежливо встаёт и уступает место.

– Присядь, устала, чай.

Но синичка приседает к ногам царя, разворачивает и читает грамоту.

– Ворона-самозванка объявилась – в павлиньих перьях. Себя царицей почитает; всю дорогу за мной гналась, пока я сюда летела.

– Царицей! Сейчас разберёмся, кто она такая на самом деле. Подать сюда самозванку!

Разноцветная ворона имела такой огромный нос, что резинка не выдержала, лопнула, и «носяра» свалился ракетой к Сашиним ногам. Под ним оказался другой, более короткий нос – вороний.

С самозванки мигом были выщипаны красные и жёлтые перья, а сама она с позором изгнана вон.

После этого скандала явились в коричневых плащах и коронах орлята, поклонились и справились о здоровье батюшки.

– Вы моё будущее, в вас моё здоровье, – отвечал орёл-отец. – Значит, летать хотите?

Родитель суров, впереди у птенцов опасная жизнь.

– Это прекрасно, но вы молоды. Будьте осторожны, особенно с людьми. Однажды я для вас поймал рыбу, крупную форель. Но коварные люди забросали меня

камнями, отняли тяжёлую добычу, из-за которой я не мог вмиг вознестись ввысь. Они отняли корм, оставили вас голодными. А ну-ка принесите мне пучок прутьев.

Один из орлят принёс. Отец сломал прутик и показал, как легко это сделать. Потом дал орлятам пучок, чтобы они попробовали сломать его весь разом.

– Вот и держитесь вместе, чтобы вас никто не одолел вплоть до десятого класса.

Саша завидовал артистам и тоже горел желанием выступить на сцене.

– Где сценарий брали, в ДК? – поинтересовался бородатый баянист.

– Почему же, мы и сами с усами, на выдумки горазды, – подмигнул ему учитель.

А Саша испытывал раздвоенные чувства. Ему по душе был царь птиц, но он никак не мог предположить, что его играет широколицый мальчишка, дружок Дрюни.

– Ква-ква-ква, а меня не возьмёте в город Пташин, в гости к ребятам? – выпрыгнула во всем зелёном лу-пастая лягушка.

– А что ты умеешь, болотная зелень? – обступили её орлята.

Длинноногая лягушка ловко вспрыгнула на выступ скалы.

– Замедли у пр-р-руда шаги, как песня лунная нап-певна! Не бей лягушек, берег-г-ги! А вдруг одна из них – царев-в-вна?

– Как же мы тебя понесём, царевна?

– Понесёте на п-п-прутике, вот на этой шв-в-вабре, ква-ква.

Стебенюшка Анисимова, зелёная, как кикимора, «наквакавшись», стала со всеми членами команды «Орлята».

Баянист, как и Саша, не переставал удивляться.

– Слушайте, Пётр Иванович, обычно этот праздник готовят семиклассники.

– В седьмых не веду, потом, это же мой класс, можно сказать, родной, и я чувствую, эта тема близка и понятна им.

– Сколько же участников?

– Все до одного артисты! Всех раскрутил – сорок два человека. Давайте, милоч, лебёдушек. Я ведь ещё ничего не ел с утра, а у меня и во вторую смену уроки.

* * *

– Ребята убежали, а ты что? – учитель удивлённо глядел на новенького. – Почему со всеми не пошёл? На улице обижают?

– Нет, можно... я с вами?

Пётр Иванович полистал журнал, извлёк записную книжечку.

– Кое-какие уточнения: твой отец работает детским врачом в нашей поликлинике? Что? Он теперь ею заведует?

Саша кивнул.

«Повезло», – подумал классный руководитель и улыбнулся.

– У тебя и мама врач? Она кто, стоматолог?

«Выходит, мне крупно повезло, надо Алёну обрадовать», – опять подумал он.

– Квартиру дали?

– Да, в новом доме, мы на обмен.

Пётр Иванович говорил, а сам манипулировал руками: доставал гербарии, заряжал киноаппарат. У него на сердце было радостно, ещё бы, наконец-то повезло: сорок третьим оказался отличник, да ещё из семьи врачей.

«Ни много ни мало пять лет, – радовался он, – его семья будет охранять здоровье моей семьи».

– Булочку покроши свинке и иди домой. Репетиция понравилась?

Саша кивнул, потом опустил глаза и спросил смущённо:

– А почему у вас Дранных участвует? И этот дятел так плохо...

– Учимся. Раз плохо, два, а потом получится. У меня все равны: все хорошие. Конечно, у Эдика каков голос – командирский! Его с Юрой Козыревым не сравнить, тот мямля. Но как Юрка орла сегодня сыграл, как сыграл-то! И Андрюша-Андрюшок сможет и Женя-Женишок.

* * *

Только выйдя из школы, Саша ощутил сильный голод. Он шёл крупными шагами по сырому снегу, улыбался свежему крепкому ветру, вслух пересчитывал раскачивающиеся на голых ветках гнёзда грачей, а перед глазами мелькали жёлтые птички. И Саша повторил девиз команды «Цыплята»:

– Нам говорят – они малы. Пищат, а не летают. На это отвечаем мы: «Цыплят по осени считают!»

От множества впечатлений, от голода голова словно катилась по кругу.

4. БУРМИСТР

Дрюня напророчил, убеждая новенького ещё при первой их встрече, что ему придётся ухаживать за свиньями. Морскую свинку в бело-коричневой шубке звали Бурмистр. Саша тщательно вычистил кормушку:

убрал грязные палки и загнившую подстилку из сена. Вместо этого он решил настелить тряпочки, чтобы было мягче.

Бурмистру новшество не понравилось: свинка возмущалась, тоненько взвизгивала и грызла железо.

– Что ты как взбесилась? – сердился мальчишка. – Где я тебе сейчас нарву травы? Может, ты пить хочешь?

Решил налить воды, нарезать моркови и пойти домой. Присел с чашкой воды перед клеткой, смотрит, а Бурмистра нет. Исчезла морская свинка – ищи-свищи! Несчастный «свинопас» ещё не знал, что загнать морское сокровище обратно в клетку равносильно тому, что заставить пирата выращивать цветы. «Фрукт», за которым ухаживала Стебенюшка Анисимова, был таким же капризным, как и её хозяйка.

Бурмистр не заставил себя ждать: заверещал из-под шкафа, затем усердно начал что-то грызть, будто век не ел. Саша сунулся рукой, желая схватить, но только пыль сгрёб. Живой пирожок ловко вильнул холёным задом, состоящим из белой и коричневой половин, скользнул по полу содранными в коленях лапами, пронёсся метеором под стулом и юркнул в лаз между столом и батареей.

«Вот это сюрприз! Хорошо, что сегодня нет этой самой – Стебенюшки, – Саша задумчиво покусал ноготь, почесал макушку.

* * *

В лаборантской комнате он теперь всё чаще оказывался вместе с Анисимовой. Острая на язык Стебенюшка фыркала ему прямо в глаза. Войдёт, увидит и сразу «рога выставит, коза», видите ли, недовольна, что он здесь. К клетке подойдёт, тоже фыркнет и обязательно начнёт переделывать по-своему. Пальто

увидит – прицепится, мол, в раздевалке надо оставлять, а тут нечего разбрасывать. А если он брал микроскоп или гербарий, а потом на место не ставил, то величала «баринном» и повторяла: «Слуг нет, убирать некому».

Одному хорошо, одному можно и похозяйничать. Для начала он перекроет лаз под столом. Саша выставил коробки и, освобождая место, сложил их друг на дружку высокой башней в углу. Вместо них пододвинул открытой дверцей вперёд клетку – зверька загонит и поймает.

Мешался плинтус, из-за него оставалась лазейка у стены. Саша встал, огляделся.

На шкафу в большом чёрном ящике хранились бескозырки, матроски, красные повязки, флажки. Мальчишка залез на стол, достал ящик и вывалил разноцветный ворох тряпья.

«Сейчас, морская неслушка, будешь наставлена на путь истинный, – подумал уверенно, закладывая за клетку тряпичный катыш, – айн момент, проведём шваброй за батареей и загоним гуляку».

Постукал шваброй, затем быстро дотянулся до клетки и захлопнул дверцу: готово, попалась!

– Кого хотела обхитрить, хрюшка? Меня? – рассмеялся самоуверенно охотник, обхватывая руками клетку.

Яростное скобление, раздавшись в углу под сложенной из коробок башней, заставило незадачливого ловца боднуть крышку стола. Когда успел Бурмистр перескочить через клетку?

Саша ползком начал красться со стороны двери, стараясь не спугнуть свинку. Её усатенькая мордочка тянулась кверху, вынюхивая нечто поднебесное: «Я тут», – призывно заверещал Бурмистр.

Нужно было проявить крайнюю осторожность. Саша замер. Как назло, набравшаяся в носу пыль нача-

ла щекотать ноздри, и от китайской казни из глаз мальчишки потекли слёзы.

Он напоминал кота, бросающегося на мышь. Успеть хлопнуть с одной стороны лазейки и цапнуть зверька с другой – всего-то! И кинулся Саша, и чихнул одновременно. Потекли слёзы, а голова уткнулась во что-то дрогнувшее.

Робкое существо, отчаянно суча лапами, забилося у него в руках, но сверху с шумом рухнули коробки. От неожиданности пальцы непроизвольно разжались, зверёк выскользнул.

* * *

Вечер перешёл в ночь. Голова кругом! Ловец вспотел и был в ярости, а виртуоз по-прежнему выводил свои переливчатые, визгливые мелодии где-то там, под столом.

Они визжали на пару, то как некормленные поросята, то как разъярённые коты, потные скакали из угла в угол. Саша швырялся в зверька тряпками, а Бурмистр дразнил: «Мазила, мазила!» Ах, как весело проходило время!

Несчастный свинопас едва не плакал. Он стоял на коленях среди лаборантской комнаты, в куче тряпья, гербариев и пытался шваброй выгнать «прохиндейку» из-за стола.

В классе с треском распахнулась дверь.

– Заходите, заходите, голубчики, – сердито проговорил голос Петра Ивановича. – Когда, я вас спрашиваю, вы отвяжетесь от Александра Честнева? Мы и в ДК, и в милицию звонили. Отец говорит, на двадцать минут ушёл, а самого уже три часа нет.

«Три часа... – Саша вытер пот. – Вот ведь до чего Бурмистр довёл». Теперь от отца влетит. Он быстро встал, огляделся на погром и ужаснулся.

– Кто к нему привязывался? – зло огрызнулся Дрюня.

– Мы его не видели, – вторил Юрка Козырь.

– Как же не видели, – повысил голос учитель, – если мне Анисимова только что сказала! И потом, что вы делали возле его дома?

– Не были мы там! Брешет она, не видели мы новенького.

– Ничего себе, его дома нет, а мы виноваты. Он сам, наверное, с Анисимовой в загуле.

Надо бы Саше выйти, но он стоял не дыша, стоял возмущённый, виноватый и ужасно злой на Бурмистра. Обидно было и из-за Анисимовой.

* * *

Ох уж эта Анисимова! Опять фыркнула и, засовывая в клетку, кстати, без спроса, ветки, сердито выговорила:

– Морским свинкам как грызунам, постоянно растущие зубы надо точить. Зачем коряги из кормушки выкинул? И не тряпки ей нужно, а свежее сено, от-ли-чни-к?

– Заткнись, дура! – зло заорал новичок, подбежал и безжалостно впечатал кулаком между наглых глаз. – Анисья, чтоб ты прокисла! Похнычь теперь.

Конечно, этого Саша не сделал. Вон лупоглазый короток на расправу, Козырь ногой ей врезал, чтобы не дразнилась, а он «слабак».

– Я не знал, – честно признался он.

* * *

Отец собирался на родительское собрание. Ему давно хотелось наведаться в школу.

– Схожу узнаю, где ты до двенадцати пропадал, какого Бурмистра ловил? А заодно на вашего учителя

погляжу. Сдаётся мне, что ваш классный руководитель весь розовый, а над головой у него венчик.

– Никакой он не розовый, одет в чёрный костюм, – Саша стоял, открывая и закрывая шахматную доску – игры не вышло.

– Как он с вами управляется? Тут один уже с пятого класса кадрили выделявает. Что покраснел? Неужели с Анисимовой гулял на пару?

У парнишки слёзы выжались, палец шахматной доски прищемил, да он имени её не знает, что привязались, а отца будто прорвало. Молчал, молчал, а тут разговорился.

– Не знаю, как там ваш Пётр Иванович, а вот девочка, я уверен, хорошая: если ухаживает за животными, цветы поливает, за порядком следит, значит, с самоваром.

«С каким самоваром? – не понял Саша, неожиданно ревнуя отца к Стебенюшке. – Конечно, она помогает, а вот он – нет».

– Ага, языком километровым здорово метёт: только и умеет оговариваться да насмехаться!

Отец попросил сына поправить галстук, улыбнулся добродушно.

– Смотри, смотри, у тебя тоже родинка у переносицы, как и у меня, а я думаю, что мой сын всё время хмурый? Понимаешь, девочка не виновата в том, что ты не оговариваешься с учителями, хотя тебе этого очень хочется, не вышучиваешь одноклассников, потому что не умеешь. Что, я не прав? Пардон, я же не психолог. Моя альма-матер – змея, обвивающая чашу и... цапающая кое-кого за нос. Шучу.

– А ты разве хочешь, чтобы я... – отшатнулся Саша.

– Мне, сынок, тоже очень трудно в новом коллективе, но ведь мы мужчины.

В светлом плаще папа походил на французского актёра Алена Делона. Вдумчивый сын строго оглядел одежду отца, потом, покраснев, попросил ничего не говорить Петру Ивановичу.

– Что ты, – согласился родитель, – это ваши дела, я про другое думаю: ты знаешь, сколько стоит воспитание? Раньше за классное руководство платили пять рублей, а теперь десятку. Вас в классе сколько – тридцать или тридцать пять учеников, то есть каждый из вас в месяц стоит... гм... двадцать пять копеек. Я пошёл.

5. РОДИТЕЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ

У всех были свои причины. Никогда не приходила на родительское собрание мать Андрея Драных, а при встрече рассказала, как родила недоношенного сына и всё ждала со страхом – умрёт. Возможно, по этой причине у того с памятью слабовато.

Всего в классе набиралось четыре неуспевающих.

Сегодня Пётр Иванович надеялся увидеть всех матерей своей «чёртовой дюжины». Он забыл, когда начало мероприятия: одним назначил на шесть, другим – на семь вечера.

«Артисты» дожидались в коридоре, класс был открыт.

– Опаздываете, – фыркнула Анисимова, выделяясь длинным ростом среди остальных ребят.

Учитель хмыкнул: кто это опаздывает?

– Я не опоздал, а задержался, пора запомнить. Придёт Денис со щенком, пропустите в лаборантскую комнату. Главное, Андрей-воробей стоит здесь, а не гуляет.

Рука трепанула непокорные вихры Дрюни.

По лестнице поднялся высокий, средних лет мужчина в светлом плаще. Глядя чуть исподлобья, он спросил про тридцать девятый кабинет.

«Лев Михайлович Честнев», – узнал учитель заведующего детским отделением и, немного оторопев, улыбнулся.

– Здравствуйте, – улыбнулся в ответ отец Саши. – Простите, что опоздал. Сын гнал, да я не такой скорый.

– Не опоздали, в самый раз. Понятно, в кого сын. Яблочко от яблоньки в румянчик, сын от отца – в самое нутрецо.

Два умных человека глянули друг на друга вопросительно и настороженно. Один волновался за самое дорогое, что у него было – за сына, другой, скорее, волновался за то, как пройдёт родительское собрание.

Прошли в кабинет биологии. Красные раструбы цветущего амариллиса возвышались над учительским столом, словно рупоры, по которым вещает радиоузел. На классной доске, как положено, висели яркие грамоты детских побед, газета с фотографиями и стенд с оценками.

Родители напряжённо улыбались классному руководителю и косились на нового человека. Пётр Иванович, слегка волнуясь, прошёл к столу, оглядел сидящих и охнул, начал дёргать себя за галстук: явилась старая гвардия, а те, кого он ждал, опять не пришли. Его затея не осуществилась.

– Сначала я раздам дневники ребят, и вы сравните оценки с теми, что выставлены на экране успеваемости. Третья четверть, считай, закончена. Я пригласил вас для того, чтобы сообщить результаты, а заодно обсудить поездку в краеведческий музей или в Графский заповедник во время каникул.

Что касается результатов. Начну с приятного: у нас в классе намечаются и отличники, и хорошисты, всего двадцать. Жаль, что четверых весна подрезала.

– Не весна, а русский, – поправила его мама Колошенко Маши – инженер-программист. – Мы все пра-

вила выучили, слова трудные выписали, но от ошибок, увы, не избавились. Я сама в своё время мучилась, а теперь вот она тонет с языком.

Неожиданная тройка по итоговому диктанту надолго лишила покоя и девочку, и её маму. Худенькая, так похожая на маму Маша уже рыдала два дня назад в лаборантской комнате.

Пётр Иванович сочувственно покивал головой, соглашаясь. Отношения с Ириной Михайловной у него не сложились, четверым из «чёртовой дюжины охладомов» она ставила двойки.

– Язык не менее серьёзен, чем математика, – пробурчал он, копаясь в своих листках.

– Математика-то семечки...

– Нет, не семечки, а очень тяжёлая дисциплина, доступная только трети класса, но я не о том, – брови учителя пошевелились, он упрямо глядел в синь аквариума, на золотую рыбку, не спросит ли та, мол, чего тебе надобно, я исполню, – не тут собака зарыта, хотя тоже проблема. Кругом проблемы. Вы вот из-за четвёрки переживаете, – он понимающе посмотрел в искристые, ярко-синие глаза инженера-программиста, словно в глаза Машеньки – так они были одинаковы. – А у меня в классе у четверых человек неуды, представляете? Вы из-за четвёрки пришли, а их родителей здесь нет. Их матерям хоть трава не расти! А ведь мы готовились, специально их приглашали. О чём говорить?

Присутствующих интересовали свои дети, да и что они могли сделать, разве что посочувствовать? А потому, успокоившись, по-прежнему улыбаясь, Пётр Иванович оживлённо и подробно стал рассказывать о каждом подопечном, чей родитель сидел в классе. Поздравил с каникулами, напомнил о технике безопасности.

– ...За проведение праздника «День птиц» классу объявлена благодарность. Проследите, поселились ли птички в дуплянках, которые вывешивали дети.

Он взял листок.

– ...В проекте школьной реформы читаем: «Соединение обучения с производительным трудом предполагает включение учащихся в посильный общественно полезный труд». Мы, я говорю про класс, как в известной басне, и попели, а ведь это тоже дело, и поплясали на славу. Читаю дальше: «Основное направление школьной реформы – воспитание любви к труду, то есть такое участие, чтобы каждый мог видеть свои результаты, идущие на пользу обществу». Он остановился, с горечью ощутив безвкусицу того, что он написал, скомкал и отшвырнул листы.

И тут вошли ещё девять матерей, вошли не понуро, готовые выслушивать нарекания, а смущённо улыбаясь. В дверях мелькнула смуглая рожица мальчишки – Дениса.

– Прошу прощения, – просиял глазами Пётр Иванович. Он захлопнул папку и поспешил на выход.

Ребята тискали щенков, чесали по очереди лохматые чёрные уши собаки – доброй Пиллы.

– Позвольте и мне? – присел учитель. – Нужен всего один рыженький щеночек, а ты, Денис, всех привёл, чудак. Как это вас в школу пропустили с собакой?

– Пускай все будут, нам так больше нравится, – запротестовала Анисимова, тоже приседая перед щенками.

Пилла вильнула хвостом, разрешая себя погладить.

Удивительно, он поворошил мягкую шерсть собаки, и усталость как рукой сняло.

– Теперь, после занудного прочтения предстоит смотренье! – закричал Пётр Иванович с порога. – Концерт для родителей.

Не выдержал и погрозил пальцем.

– Совсем вас в школе не вижу!

– Неудобно нам, Пётр Иванович, – как девочка покраснела мать Дениса.

– Зря, – посерьёзней учитель, – авось и мы на медные деньги учёные. Эй, хозяин собачьего царства, начинай!

Сначала выбежали косолапенькие, бесконечно милые, разных расцветок щенки. Мальчишка сообразил не вести их через класс и потому пришёл специально попозже.

Этот номер уже демонстрировался во время проведения «Праздника птиц». Было с кем сравнивать. Родители повели себя как дети. Они ахнули, разом оживились и начали, будто маленькие, смеяться в восторге, глядя то на учителя, то на бестолковых и пугливых щенят: и белых, и рыжих, и чёрных малышков.

– Это ещё зачем? – встала мать Дениса, но учитель приложил палец к своим губам, умоляя её молчать.

Она уселась, беспокойно оглядываясь на собаку, как бы та не укусила кого.

Денис начал с порога. У этого смуглого крепыша был глухой, но сильный, льющийся из широкой груди, как из граммофонной трубы, голос.

– Держу в руках большой портфель, – жмурясь, будто от солнца, начал Лопухов. – Окончен мой урок, и вдруг гляжу, навстречу мне мчит рыженький щенок. Я стал, дыхание тая, собачка, погоди. Ведь твой хозяин – это я, вон дом мой впереди.

Пилла легла в уголке, наблюдая умными глазами за хозяйкой, щенки сбежались сосать.

Мать Дениса вдруг громко всхлипнула – с радости, что ли?

В классе стало удивительно тихо. Послышались возня и чмокание у учительского стола – мать кормила детей.

Одетый в белоснежную рубашку и алый галстук Денис прошёл по классу, вернулся к собаке со щенками, выбрал одного из них – рыжего, добродушного – поднял высоко над головой.

Обеспокоенная Пилла поглядела ему вслед, приподняв морду, затем поднялась и, звонко стучая когтями лап по линолеуму, побежала следом.

Тихонечко, совершенно незаметно из лаборантской комнаты вышли два мальчика и две девочки, чтобы запеть вместе с Денисом, голос которого был глуховатым и бархатистым.

Рыжая звёздочка с неба скатилась,

И чудо какое – в щенка превратилась.

В щенка, потому что мне ясно без слов –

Это рыжее чудо, это рыжее чудо, это рыжее чудо –

Из созвездия Псов.

Мама и папа смешно шевелили губами, повторяя слова как молитву и улыбаясь. Лев Михайлович Честнев, отец Саши, тоже шевелил губами, и брови его шевелились: в далёкой Сибири осталась его любимица – Найда.

Чтобы собака не мешалась, Денис увёл её за дверь, которую прикрыл за собой. Он ходил по классу, прижимал к себе милого пёсика, тискал и ласкал, безмятежно радуясь: «Как шубка руки грела мне, нос щёку холодил. И как в каком-то добром сне я в дом щенка вносил». Щеночек трусил коротким хвостиком, а мальчишка звонко смеялся.

«А может, зря мы уехали?» – подумал вдруг Честнев-старший и поймал на себе вопросительный взгляд сына.

Пётр Иванович вышел следом за Денисом в коридор, желая перехватить артиста и поблагодарить. Он вытащил из кармана полтинник и сунул тяжело дышавшему мальчишке, который совал под нос обеспокоенной Пиллы рыжего щенка.

– Видишь, видишь, все целы! – бурчал он, словно был чем-то недоволен.

– Костей купи и угости свою собаку, она заслужила. А теперь пройди в лаборантскую и выйди оттуда, поклонись публике, как положено, после выступления.

Денис от денег отказался, он не мог взять у учителя, наоборот, ему хотелось принести в школу яблок и Петра Ивановича угостить, ведь у них до сих пор в кладовой стоят ещё четыре ящика с жёлтым душистым и сочным синапом, но он ужасно стеснялся.

За Денисом из лаборантской комнаты явился Алёша Луньков с покрашенным носом и в тюбетейке. Он улыбнулся матери, та утёрла слёзы и тоже рассмеялась.

– Сценка «Немножко перехимичили».

Вышла Анисимова. У неё на лбу наклеена бумажка с номером 39, на груди висит дощечка с надписью «Дверь». Девочка постояла, затем с треском и скрипом повернулась. Из-за неё вылетел взлохмаченным псом Дрюня.

– Пал Палыч, стой! – схватил он за плечо идущего Лунькова. – Дай тюбетейку, пот утру.

– У, друг наш Вася, какие пироги? Что злой, как чёрт?

– Г-г-гуся вlepили ни з-з-за что!

Из-за двери выглянули смешные ребячьи рожицы.

– Хи-хи, парашу, что ли?

– Да, двойку.

«Как там поживает наша Найда?» – с грустью думал отец Саши, вдруг страшно сожалея, что уехал из Сибири, поддавшись уговорам жены.

В Пал Палыче узнали артиста Папанова и долго хвалили Алёшку Лунькова и его мать. «Хихикалку» увёл в коридор отец, а Анисимову мать упрекнула за «чужую» роль.

Когда стали расходиться, Лев Михайлович задержался.

– Мой Саша тянется к вам, ему тоже хочется во всём участвовать. Знаете, его вчера до двенадцати ночи не было. Тут свинка, говорят, сбегала – Бурмистр, вот он её и ловил.

Оба расхохотались.

– Есть такое создание. Если сбегала, то верно – он её до двенадцати ловил. Хотя мы же были в кабинете... примерно, полдесятого: Саша не видели.

– Из лаборантской не вышел, говорит, какие-то коробки свалил, ну, и собирал их... Где же этот самый «урядник», то есть Бурмистр?

Свинка, несомненно, была в лаборантской комнате, уже по острому запаху чувствовалось присутствие животного.

За столом, опустив лохматую голову, сидел Дрюня.

– Что там у тебя опять? – негромко спросил учитель.

Колька не обернулся, было ясно, что мальчишка собирается заночевать здесь.

«Опять голодный», – спохватился Пётр Иванович, и у него сразу пропал интерес к Честневу-старшему.

– Хорош урядник, хм.., то бишь Бурмистр хорош! Скажу Саше, пусть носит еду. Что он ест?

– Котлеты, хлеб, молоко, – еле сдерживая раздражение, зевая от усталости, отвечал учитель.

Андрей, фыркнув, обернулся: шутит или ради него врёт классный руководитель? Тот вроде не шутил.

– Простите нас, но сын, наверное, отнимает у вас много времени?

– Найдём на всех время.

«Теперь точно врёт, – подумал Дрюня, – сейчас понесётся в гастроном за молоком и булкой, будто бы для Бурмистра, потом, также – бегом домой». Он вскочил, как с цепи сорвался, и зашагал из класса.

Тут вошёл Саша. Дрюня неприязненно глянул на него, мол, везёт дуракам, прошипел по привычке: «Девчатник» и, сам не зная почему, зло хлопнул дверью.

Пётр Иванович обрадовался Честневу-младшему, его появление избавляло от лишних объяснений.

– Счастливо! – крикнул он и бросился догонять Дранных.

* * *

Лев Михайлович представлял белобрысого, взлохмаченного мальчишку Васей. Он шёл, любуясь крупными жёлтыми звёздами.

– Сын, а вот этот мальчик, что сейчас убежал, кто?

– Двоечник! Учителей с ума сводит и вечно пристаёт... ко всем. Дрюня драный – в шапке рваной!

Отец с удивлением посмотрел в темноте на сына, но промолчал. Он опять видел крупные, приближённые холодным воздухом звёзды и вдруг живо представил учителя. Тот на самом деле оказался самым заурядным и обыкновенным.

«Неказистый на вид, в поношенном, засаленном костюме и, что удивительно, с каким-то убегающим, нечестным взглядом? – задумчиво смотрел заведующий на недосыгаемые звёзды, упруго шагая по тонкому хрустящему стеклу луж. – Усталый, задёрганный, а потому жалкий. Когда человек зажат в пятый угол, то глаза невольно забегают».

– Торчал бы ты поменьше в школе! – сказал он вдруг сердито.

«Что отец ко мне вечно придирается?» – обиделся сын, не понимая, кому это он мешает. Он зябко ёжился от студёного ветра.

* * *

Пётр Иванович тащил упирающегося Андрюшку Драных. Оба были не одеты, и ветер пронизывал их до костей.

– Замёрзнем вместе, дурила. У меня дома дети малые, ждут.

– Я никуда не пойду!

– В теплосети, конечно, лучше, Вася, точно, Вася. Что вы там взрывали? Ты случаем не нанюхался?

Дрюня неожиданно рассмеялся и, вырвавшись, предложил.

– Давайте я в магазин сбегаю.

– Догадлив, Бурмистр же коньки может отбросить.

– Ага, с жира сбесится.

– Вот-вот, пошли, оденешься, а я сторожа предупредить обязан.

Весна бушевала. Днём было жарко, ночью стыло. Снег сошёл, но по впадинам блестели разнокалиберные очки луж. Город резко оборвался, дорога, ныряя через пустырь, повела по селу. Пётр Иванович резвым коньком доскакал до котловины строящегося дома, остановился и, повернувшись, поплёлся назад, в сторону гастронома.

6. ДЕД ЛЕВОН

Дед Левон выглянул в запylённое окно старого, неухоженного крыльца. Сквозь ветви яблонь, в белеющей мути, как в тумане, усмотрел тёмно-бордовый «Москвич». Сосед Михаил складывал в багажник сумки.

«Ишь, откопали золотое дно, опять наворовали мясца и везуть, – догадался дед. – Забыли про Бога, а без

Бога не до порога!» В груди волчьим глазом сверкнул огонёк торжества: вот она – нынешняя правда жизни – кругом воровство и обман, кругом дьявол. Любопытство поспешило наружу.

Пахло опилками и по-весеннему парящей землёй. Белоснежные облака клубились и словно лопались над головой, разбрызгивая золотое, горячее солнце. Сбоку, за сараем, весело выпевала ножовка: вжик-вжик, вжик-вжик. Дед Левон поморщился, как от зубной боли, спустился с крыльца и прокрался к калитке.

– Здравствуй имеем. Бог на помощь!

Тень сзади закрыла свет. Михаил вздрогнул от неожиданности, опять комиссия, Создатель! Не отвечая, продолжал собирать сгоны и контргайки для батарей.

– Засомлевался, куда, думаю, намыливается? Можу в лес, а можу в рощу, повстречать родную тещу, – миролюбиво бубнил дед, цепко высматривая, что у соседа в руках, и озабоченно потирая нос.

– Шабашка, идолопоклонник! – хмыкнул сосед. – Как там, не одолели ещё черти святого места? Мне-то, кхе, и поститься некогда, и отдыхать – отопление начальству в лесничестве делаю.

– Молитву читаю, молитвой берегусь! А людей я насквозь вижу, кто каков гусь. Баш на баш: ты им из казённых труб отопление монтируешь, а тебе за это дровишек дадут – тоже из государственного кармана? Не подмажешь, не поедешь, знамо дело.

– Совершенно колбаса, только так и не иначе!

Михаил закрыл чемодан с инструментами, вытер ветошью побурелые руки и, догадываясь, зачем пришёл сосед, не спеша встал.

«Гребтить, надо высмотреть, ну-ну, придётся показать», – подумал насмешливо и, не говоря ни слова, ушёл в дом – взять припасённую специально для такого случая газету.

Вернулся, достал курево.

– Бери!

Дед жадно схватил папиросу, и они присели на чурбан, по очереди чиркнув спичками. Оба, словно соревнуясь, принялись кашлять, старого затрясло.

– Как из пушки перхаешь, ворон пугаешь! – хмыкнул Михаил.

Он набрал дыма в рот и умело, как научился в детстве, выпустил сизые струйки через нос.

– Слушай, дед, хватит притворяться, больной, что ли? Лучше прочти, – рука протянула газету, – тут про таких, как ты, написано.

Красный от натуги Левон перестал кашлять, сверкнул острыми глазками и сдвинул к переносице седые брови.

– Все под Богом ходим, – пропел он по-петушиному. – Нонче стальной, а завтра, глядишь, проржавел. Мне, чай, под Троицу на восьмой десяток перескочит. На кой кляп ты мне это дал? – кивнул он на сложенную брусом газету.

Возле рыжего малинника, у собачьей будки звякнула цепь, затем раздался весёлый голос мальчишки. Михаил ловко стрельнул окурком, встал, прислушиваясь.

«Весь сад задымили, весь сад задымили!» – бранился сверху чёрный скворец.

«Блинчики, блинчики скоро печь», – перелетая с места на место, намекали на близкую Пасху жёлтые синицы.

«Прямо как люди разговаривают!» – поразился Михаил, мотая головой.

После вчерашнего застолья в виски давила тупая боль: здорово перебрал.

«Собаку отвязывает, опять по улице мотаться!» – с раздражением подумал он про сына.

Левон потёр мокрый нос.

– Окоротись-ка, Михайла, на секундочку. И что же тут про меня писано? Как с бабкой мыкались? Так про то один Господь ведаёт.

Михаил приложил палец к губам, набычился и чихнул, мол, всё верно, – старая песня. Во рту опять появился горький привкус, только свежий сквозняк занёс прямо под язык мятный дух.

– Некогда, дед, трепаться, – он шагнул в сторону сарая и зычно позвал: – Юрка, пойди сюда!

Сын был в фуфайке, новых джинсах и лихо подвёрнутых «ленинградских» сапогах. Увидел Михаил на сапогах мальчишки опилки, и сжала сердце тоска, кошки в душе заскреблись.

«Что дрова, дом ведь скоро снесут, дома не будет!» – куснул он губы.

– Джинсы какого чёрта напялил? – начал придираваться.

– Надо. Хочу в новую девятиэтажку сходить, – сын отвечал настороженно, поглядывая то на кляузного соседа, то на отца, – задание взять.

– Какое задание, а дневник? У тебя же записано, своевольник материн!

Сын тоже повысил голос, ему виднее, какое такое задание.

Отец пожевал горькие губы, как муху проглотил, рука потянулась треснуть подзатыльник.

– Так-так, а сам опять с собакой? Что глазами забегай, сказать нечего?

«Напраслина» обидела мальчишку, он же не трогал никакой собаки, совсем туда не подходил.

– Не трогал я собаки!

– Каждый день с ней окусываешься, – влез со своим резюме дед Левон, – подливая масла в огонь. – Другим хвастай.

Толстые губы Юрки передёрнулись. Он посмотрел букой и, покраснев, закричал на весь двор тонким голосом:

– Где ты меня видел, жук навозный! Старишай, а брехун, хуже духовской шавки!

Он независимо сунул руки в карманы и исподлобья глядел на взрослых. Наехали вдвоём!

Горячность и злость отца сменились доброжелательностью. Тот уважал в сыне умение постоять за себя.

– Ладно, не ори тут, не глухие, – окоротил он сына. – И без тебя авось тошно, – он пошарил в кармане, вынул рубль. – Иди и про хлеб не забудь.

Поднялся уходить и сосед; провожая мальчишку неодобрительным взглядом, возмущённо крякнул:

– Ты слепым щенком только народился, а я уже на трёх фронтах и на пяти заводах натрудился. Что ж ты косишься, что лаешься, как собака, на пожилого человека? Воспитали молодёжь, Господи, помилуй!

Отец не одёрнул вояку, сделал вид, будто не слышит.

«Катись, катись, несмазанное колесо, – присвистнул, оглянувшись. – Принёс тебя хрен не вовремя!» Он с минуты на минуту ожидал жену с ношей.

От добра добра не ищут. Крепкий дом Козыревых прятался на лето в пышной листве ещё не старого сада. В последнюю осень посреди улицы возвысился соперник – многоэтажный белый красавец. Городок, зажатый со всех сторон предприятиями, повёл наступление на село. Микрорайон быстро разрастался. В ту или иную часть Семёновки въезжали бульдозеры и под девизом: «Сначала место расчистим, а строить потом» ломали яблони, заборы, добротные стены с памятными царапинами и отпечатками детских рук на них. Подворье стиралось с лица земли.

Наступала беда для дворняг. Они затравленно разбежались, превращаясь в бродячих, брошенных собак. Пришла и в Семёновку новая эра. Пришла пора, кричи «Ура»!

Вспомнилось мужику, как они уже в мороз сажали с отцом две антоновки. Ямы долбили ломом, и отец бранился, мол, саженцы слишком малы. Не верилось, что из двух прутиков могут вымахать такие громадины. Глаза пошарили по шероховатой коре, словно что-то искали. Нашли белый сломанный сучок, из-за которого он гнал шпингалета, кажется, из Казаковых, пинками через двор.

«По молодости побил, а сейчас малец приди, и ягод бы ему нарвал, и яблочко натряс, если бы было лето. Лето, моё лето, где ты? – думал, сожалел. – Ничего теперь не надо!»

Этой весной уже не подступался хозяин к дому с ремонтом и сейчас привычно отмечал возникшие за зиму неполадки: отжатые, заржавелые крепления у водосточка, оттопырившийся карманом лист оцинковки на углу крыши, разбитое верхнее стекло на веранде. Зачем делать, если всё пошло прахом?

На соседское осевшее крыльцо вновь вышел дед Левон.

– Ну, что, прочитал? – встряхнулся Михаил, стараясь отвлечься и не думать о будущем.

Левон прокашлялся, не спеша прошёл и присел рядом. Из кармана его брюк выпала сложенная бруском газета и, разогнувшись пастью вдвое, встала у ноги буквой «Л».

– Прочёл, – нагнулся поднять и оттого сдавленно отвечал сосед, – а может, правильно сделал, что убил? Вон в Германии – дачи в лесу, а без замка.

– Это понятно, но ведь за пять клубничин?

– А ты как думал? Испокон веков было: в государстве бери, в колхозе тащи! – Левон притопнул, желая

раздавить окурок, стряхнул прилипшую лапшину с полы потёртого суконного пиджака. – Чего? Не знаешь, как народ кругом тащит? Хорошо знаешь. Но то ведь общественное, а в дому брать не смей!

– Погоди, ты и в Юрку моего мог бы?

– А в темноте все равны. Только скажу так: волк возле своего логова овцу не режет, цыган у своих соседей не крадёт.

– Никогда не думал, что у нас в Семёновке такие жлобы могут жить. Ты вправду не шутишь?

Суконные, облитые краской ботинки деда засучили по земле, волосатые, прокуренные пальцы сжались в кулаки.

– Ты спросил, я ответил. Куснуть меня захотел, пускай, дескать, прочтёт про частника, который мальчишку за горсть клубники ухлопал да за это в тюрьму сел, и испугается. Ишь, за сына вскинулся, а случись ему твой огород топтать, твои ягоды, тут-то грех и явится. Знаешь, как оно бывает, за своё-то? Одна семья имела долгов тысяч на двадцать, ещё старыми деньгами. Как расплачиваться? Стали работать, скотину продавать и потихоньку копить. А складывали за икону. Сынка своего четырёхлетнего считали махоньким и особо не стереглись. Остался как-то дитё один, на стол поставил стул, залез на него, за иконой поворошил и всю кипу умудрился свалить. Тряпочка развернулась, и сторублёвки, двадцатипятирублёвки разлетелись по избе веером. Вот игрушек сразу сколько! Малец ножницы принёс и давай чекрыжить – портрет Ленина вырезать. Режет и на стол складывает, режет – складывает. Тут отец заявись. Увидел: деньги по избе валяются, почитай, десяти лет сбереженья, и ахнул. Глянул на огольца с ножницами в руках, на кипу порезанных сторублёвок, побелел, не помня себя, схватил сына за шиворот и потащил к кадке с водой.

Левон закашлялся, махнул рукой.

– Чуть не утопил мальчика. Хорошо, жена пришла, подбежала, оттолкнула. Враг-то силен!

Ольга Ивановна прошла в калитку, неся тяжёлую сумку.

– Часть свезёшь для мамы... – она осеклась, ибо «отставной козы барабанщик» сидел за крыльцом на чурбане.

– Здравсьте, – улыбнулась она соседу. – Как здоровьишко? Хреновое? Все сейчас болеют, дряница такая, у нас же химия, – она повысила голос и с суровым лицом спросила у мужа: – Юрка дров напиллил, воды натаскал? – Подошла близко и зашептала, что с пропиской матери утряслось, а потому половину сумки надо отвезти свату Свечкину, отблагодарить. – Юрка, спрашиваю, дома?

Михаил неопределённо пожал плечами, мало ли где мог быть сын. Ему не хотелось везти «куски», надоела мышинная возня.

– Где Юрка? Опять с собакой ускакал? Что ни мычишь ни телишься?

– Унёсси, – кивнул Левон. – Отец потачку даёт.

Михаил шагнул к чурбану, желая схватить соседа за шиворот и вывести вон со двора.

– Помяни моё слово, метишь в чужого, а попадёшь в своего!

– Ты что, сосед, выпил?

– Может, и выпил бы, да ты не подносил. А слова мои помни!

– Вы о чём? – встряла жена, подмигивая мужу. – Мишк, а ну, замолчи! Марш в дом! Не слушайте его, Левон Семёныч.

Обиженный сосед встал, истово перекрестился.

– О Господи, Святая Богородица, спаси и помилуй от напраслины, на меня возводимой.

– Какой Господи, какая Богородица, если ты в Бога-то не веруешь! Бог – это доброта, а что в тебе доброго?

Звякнула цепь, Михаил встrepенулся.

– Вон Пальма, а Юрка пошёл задание взять. Давай сумку и ворота распахни, все жданки проел.

Он чуть прогрел машину и, представляя, как накроет тёща стол и они с тестем опрокинут по «лампадочке, то есть выпьют по стаканчику на долгожданное похмелье», вырулил со двора.

7. «ТАК ПОЙДИ ЖЕ, ПОПЛЯШИ!»

В среду кабинет биологии вновь остался неубранным. Пётр Иванович вернулся с учительского хора, вошёл и увидел на полу перед дверью зигзаги засохшей до пыли грязи. Под столами валялись шлепки пластилина (опять на уроках стреляли из трубочек) и, словно специально, рассыпанная шелуха от семечек: по дороге в школу у торгового центра расположился базар, точнее, длинная лавка с навесом, вот на нём-то любезные бабушки обильно снабжали ребят вкусными, жареными «зёрнушками» по десять копеек за стакан. Ключев бумаги набросано столько, будто на одном из уроков специально учили, как рвать листы, комкать и швырять на пол, тут же лежали огрызки от яблок.

Это легко объяснимо: чтобы выбросить огрызок, бумажку или шелуху от семечек, нужно идти через рекреацию, а там, особенно во вторую смену, мальчишки носятся как бешеные, да и зачем нести далеко: по привычке бросил и всё.

Внешне, а кабинет выдержал очередные десять уроков, серьёзных нарушений не было видно.

«Кактус отломили, чертенята... и горшок с амазонской лилией кокнули. Кто-то взял и на край переставил».

На последнем столе красовалась нацарапанная «лирика»: «Я – тощий СЭМ, и я вас съем! Посвящалась она отличнику из 8 «Б» Солнцеву Вячеславу, которого классная ещё в шестом нарекла, похвалив, самым эрудированным мальчиком. Рядом лежал вдвое сложенный лист, на котором написано предупреждающим уведомлением: «Кто развернёт, тот осёл».

«Орлова почерк, – определил учитель, – тоже шутит, баснописец. Ещё бы, как он серьёзно, как горячо высказался в сочинении о любви к Евгению Онегину, «...я влюблена, я потрясена...», расширился, як татарин. Сам потом смеялся над собой же, мол, увлёкся, списывая у сестры. Ну-ну!...»

Пётр Иванович раскрыл пересохший, а потому хрустнувший, будто калька, лист и увидел сделанный шариковой ручкой рисунок. Над квадратной женской фигуркой, немного кособоккой, с цыплячьими ножками, как под портретным твореньем Незнайки, готическими буквами пояснялось: «Анальзы ренгена учмучицы Аны». Ниже в столбике перечислялись результаты: «Серца нету, мозгов маловато. Крови слишком много, но она ученикова, в остальном училка здорова, а потому может одеваться и домой отправляться».

«Н-да, весельчак, – спохватился он, – и я с тобой веселюсь, хоть пой, хоть пляши. Я же забыл Анне Сергеевне ключ от лаборантской комнаты отдать. А если у неё второго не оказалось? Фу, забыл ещё поесть... чудно... сам повторяю на уроках: «А вот поесть-то вы не забыли?» Повторял и не раз... и ещё забыл, какая неприятность, о том, что ответственная за санитарный сектор Наташа Пашкова уже который день болеет, распределять дежурство некому».

В ушах колело и звенело до отупения, в форточку заползала вечерняя стынь, дрожью пробегала по занавескам и холодными ладонями прикасалась между лопатками. Если тяжело тебе, дружище, пусть до отчаяния, пусть до тошноты, не сдавайся, вспомни что-нибудь смешное, и разом станет легче.

– Пел ты, светик, это дело. Так пойдя же, попляши! – крикнул учитель и, схватив швабру, вытащил из лаборантской комнаты ведро с водой.

Завтра в кабинете первый урок у Клавдии Августиновны – директора. Он представил капризную и одновременно требовательную женщину. Увидит «бордельеро», то есть беспорядок, покачает головой, затем, приподняв свои округлые брови, процедит разочарованно: «Я была более высокого мнения о вас и о вашем классе. Что-то вы мне перестаёте нравиться. Для директора могли бы постараться». И он вынужден будет прятать глаза, оправдываться, как мальчишка, но его не станут слушать. Директриса вызовет завучей, брезгливо ткнёт в сторону пола пальцем и велит немедленно отыскать ей другой кабинет. А потом, до скончания века, будет напоминать на всех собраниях про его очередной прокол в работе...

Спешно подняв стулья, учитель принялся подметать пол между столами. Во рту появился горький привкус, есть расхотелось.

8. ВКУСНЫЕ ГОВЯЖЬИ ЯЗЫЧКИ

На последнем собрании броская красота черно-волосой и румяной мамы Юры Козырева поразила учителя. И вот при встрече Ольга Ивановна остановилась перед классным руководителем, подошла близко.

– Хочу вам сказать, – проговорила доверительно, поздоровавшись.

Пётр Иванович уловил сильный запах сирени, увидел тепло и мягкость серого света от её пальто и, словно впервые, увидел совсем близко мать Юры Козырева. Её округлое лицо лоснилось, помада на ярких и жадных губах полопалась, с гладкой, короткой шеи свисал золотой крестик...

Подробно, в деталях, увидел и чуть обвисший подбородок, и складку на переносице. Возле уха торчала похожая на прилипший шарик родинка, а рядом, в ухе, мерцала капелькой крови рубиновая серёжка.

Ему стало неловко. Он на мгновение опустил глаза и снова взглянул. Чуть приплюснутый нос морщился, зелёные глаза смотрели пристально.

– Хочу вам по-свойски поведать... на своих чертей пожаловаться, ну, я хотела сказать, на мужиков. Один не просыхает. Заявится зюзя зюзей и давай слёзы лить, ему, видите ли, дом жалко. А что жалеть? До сих пор газ не проведён, печь топлю, и ванны нет, помыться негде, постирать негде. И что с Юркой стряслось? Принести ведра воды не допрошусь, – чуть растягивая слова, жаловалась родительница. – Извернётся ужом, начнёт торговаться, как купи-продай из кино, мол, а что мне за это дашь, а что купишь. Отец его избаловал.

Учитель не перебивал. Он только как бы мысленно отшатнулся. Его досадное любопытство исчерпано. Перед ним обыкновенная молодая женщина, по-своему непростая. Вот она вежливая – красивые глаза то зеленоют кокетливо, то чернеют сердито. Простоты в них нет, есть вынужденная уступчивость. Послушает, послушает и пойдёт в обратную атаку, пойдёт и стопчет!

«Кто такие женщины дома? Конечно властительницы или, как говорил дружок Серёга, «диспуты», то есть деспоты».

– Днём на работе. Приду, а он с Пальмой. Отвяжет, и след простыл. Про дрова, про уголь думать некогда, я уж молчу об уроках. Пристрелил бы кто собаку, авось нам охранять теперь нечего.

– Нет, тут вы зря, – возмутился Пётр Иванович. – Собака ни при чём. Скорее, наоборот, от неё только польза, она же делает мальчишку добрее.

Мать расценила слова учителя по-своему, мол, понимаю, вам надо так говорить.

– Может, вы и правы, – с сомнением отвечала она, – только что такое доброта? На ней далеко не уедешь.

Отвечала твёрдо, уверенно, – знала, что говорит. В школе пускай говорят одно, а дома будет другое.

Стоит ли объяснять, зачем нужна доброта? Мать выслушает, согласится, но поступит по-своему. Учитель перевёл разговор в другое русло. Он умел говорить с родителями, знал: каждый из них любит, когда его ребёнка хвалят.

– У вас растёт сообразительный парень, трудолюбивый, на дежурстве лучше других умеет убирать класс.

Мать опустила глаза, конечно, её Юра самый лучший. Опять она казалась Петру Ивановичу броско красивой. И он уже корил себя за крайность, в которой он увидел мать Юрия. Она, в конце концов, хорошая мать, защищает сына, и это её дело, как одеваться. Да и пальто ей к лицу...

Пётр Иванович продрог, уже вторую неделю улицы насквозь продувал промозглый ветер. Предприятие, на основе которого и возник город, строили специально на «розе ветров», и норд-ост веселился. Он, видимо, не любил людей и с удовольствием катил их шляпы, раздувал полы курток и пальто, леденил лица и руки. Ветер рвал и метал: гнал тучи, шевелил голые вязы и заставлял забыть о том, что время уже приблизилось к началу апреля. Губы учителя как задервенели.

– Мож-ж-жет хор-р-рошо заниматься, – дрожал он, ноги так и приплясывали. – На празд-д-днике птиц играл р-р-роль орла.

– Мой Юрка? Тоже скажете, – мать не удержалась от счастливой улыбки.

...Фигура у неё тяжеловата, что же, понимаем – по-следствие родов, зачем осуждать.

– Да, он у вас неплохой сын, но он же, представьте, ударил девочку ногой в живот.

– Ох, да разве можно? Хотя нынешние цацы тоже хороши, так просто Юрка бы не стукнул.

Учитель начал раздражаться. Он замёрз, стоя на ветру, как на юру, ради чего, непонятно. Какая уверенность, однако. И не от простоты, а от нежелания понимать.

– Не знаю, Ольга Ивановна, но это жестокость. Он и новенького из своего класса унижает. Вместе с дружкой Дранных бьют его, притом исподтишка.

Кроткие глаза женщины разом потемнели, стали холодными и колючими.

– Паразитина! Я куплю тебе мопед! Такой мопед куплю, на печке будешь ездить! А Драного, кошку эту белобрысую, на порог не пущу. Это он, бродяга, сбивает моего сына с толку.

– Простите, – учитель с сожалением покачал головой, зябко кутаясь и с сочувствием поглядывая на растрёпку-голубя, гуртующего вокруг бегающей от него голубки. – За что же вы делаете ему дорогие подарки?

– Сын он мне, – пожала плечами родительница, удивляясь глупому вопросу. – У нас на улице машины дарят.

Ольга Ивановна словно спохватилась, сникла, сказала виновато:

– Пообещала, не помню уже и за что.

– И отец участвует?

Глаза полоснули зелёной насмешкой.

– Отец... да... участвует, как же, обмывает. Сроду игрушки не купил, отец – одно название! Всё я на себе волю, – забыв о начале разговора, Ольга Ивановна нервно теребила широкой ладонью ремешок кожаной сумочки.

Она чуть кокетливо и пытливо смотрела в глаза классному руководителю, оглядывала его поношенную куртку, пересчитывала пятна на рукавах.

«Какой он худой, как его, такого ребятишки в школе слушаются, он же сам как ребёнок. Жена, наверное, не кормит, вот и дошёл до ручки. И одёжка так себе, весь застыл». Она медлила, ждала, когда можно будет сказать главное: видимо, робость перед учителями осталась в ней ещё с детства. Ольга Ивановна инстинктивно почувствовала, что на неё смотрят как на женщину, уловила ловкий переход к похвалам и всё-таки стыдилась. Могла ли она предложить такое своим учителям, которые учили её в маленькой восьмилетке? Правда, время сейчас другое, а у этого, она слышала, и угла своего нет.

– У нас Пальма вот-вот оценится, вам щеночка не оставить?

Пётр Иванович с сожалением покачал головой. Родительница понимающе улыбнулась, помялась, затем спросила быстрым и таинственным шёпотом:

– Мясо вам не нужно? Филе, без костей. Я же на комбинате работаю.

– Спасибо, – растерялся учитель, – но ведь... неудобно...

– Все мы не без этого, не без греха... Чего неудобно-то?

Навстречу плыли яркие девичьи фигурки. Длинные пальто шевелились, как русалочки плавники, распущенные волосы струились на ветру. Он загляделся.

«Какой же ты мужчина?» – рассмеялась одна, оглянувшись. Он помедлил в раздумье, жадно глотая стывший воздух.

– У нас есть, – попытался сказать твёрдо, но непрозвольно прибавил: – Если только язычков для детишек.

– Достану, достану, – просияла родительница. – Вам килограмма два, три? Юра принесёт завтра.

У Петра Ивановича пересохло в горле. Он, не поднимая глаз, упорно следил, как шевелится лёгкое пёрышко на асфальте.

– Что вы, полкило хватит! И не надо Юру... – он сунулся по карманам. – Деньги! Возьмите деньги. Я знаю, они по три рубля.

Ольга Ивановна, уходя, махнула рукой, мол, так достану.

– Я сама привезу, я и мяса привезу.

– Спасибо, мы получаем по талонам.

– Килограмм костей на месяц? Знаем. А вы ешьте, ешьте больше, сами-то. Извините, время у вас отняла.

Они разошлись. Ноги, согреваясь, потянули вперёд.

«Так вот зачем мне тут ля-ля-ля разводили, пока я за да против, рассуждал, пока рассматривал какая она, дама чётко определила, а каков я. И ведь точно знала, что я попытаюсь отказаться и не смогу, – он оглянулся, но родительница уже зашла за дом. – Непростой народ – женщины, с виду вроде деревня деревней, а меня раскусила мигом. Вообще глупо получилось», – топтался он на месте, представляя, однако, как придёт сейчас и порадует жену насчёт язычков.

Прошёл десяток шагов, и вдруг какая-то чужая, неподвластная ему сила сорвала учителя с места, отбросила в сторону его нерешительность. Сильный ледяной ветер дул в лицо, но оно горело. Как он мог? Как?

Он догнал родительницу возле восемнадцатого гастронома, сказал твёрдо:

– Не надо мяса, язычков! Слышите, никогда никакого мяса мне не нужно!

9. НЕ ЗАБЫВАЙ, ЧТО ТЫ В ГОСТЯХ

В эту среду учились с обеда. Плотный, круглолицый мальчишка с ожесточением пилил пахучие тополевые катыши и сердито косился на освещённый солнечным светом многоэтажный дом: «Отсвечиваешь тут!»

Стоило повести рукой назад, ладонь саднило и жгло, кожа тянулась, болезненно тёрлась – и вот вздулась пузырьрём.

«Зачем-то деду старую ножовку отдала, а эта неудобная, разводка плохая!» – Юрка кинул пилу на пень, подул, полизал болячку. Предстояло разделить ещё две толстые чурки, расколоть кругляши и наносить воды в куб. Он решил, что хватит, и пошёл в сарай за топором.

В Юрке угадывалась дремавшая недюжинная сила, та, что не в эту, так в другую весну вдруг вырвется и вымахнет парня – в сажень.

В строгом, чёрно-зелёном мерцающем костюме, как и положено, певец-скворец свистел, лаял, мяукал, ладно выводил знакомые мелодии, услышанные им внизу, во дворе. От волнения в горлышке птицы тренькало, она пощёлкивала клювом – и песня лилась над двором, над парившей чёрной землёй. И не свист, не лай, не мяуканье, а музыка звучала в ней, и пел её хороший певец.

Небольшая, остромордая собачка вылезла из растрескавшейся конуры, понюхала пустую кастрюльку и, увидев юного хозяина, направилась в его сторону, осторожно неся располневший живот. Чёткая строчка следов пересекла парившую землю грядки, и Пальма, гремя цепью, уткнулась носом в колени своего хозяина. Запах новой ткани был настолько силён, что перехватил дыхание. Пальма фыркнула и сунулась глубже, но мальчишка легонько оттолкнул её, мол, спешу, некогда.

Весна была всюду. Тот же самый серый двор, но только освещённый солнцем, разом повеселел. Весна пела, светила, грела, весна пробуждала к жизни, к новизне. Фея, добрая волшебница, не палочкой, а ладошками трогала стенку сарая, и просыпались паучки, мухи, жуки. Её тепло оживляло и скучную стену, и наваленные доски, изгоняло стылый дух, прикасалось к голове Юрки, будоражило, проникало в сердце, и непонятное творилось там. От необузданной радости хотелось скакнуть козлом, хотя приходилось сдерживаться.

Юрка с грохотом стал колоть чурки и вдруг подумал: «Опять «гуся» схлопочу по географии». Краска прилила к щекам при воспоминании о том, как мать за двойку тыкала дневником в лицо: «Не проси! Ни мопеда тебе, ни драндулета!» Он схватил ведро, вышел к колонке и вновь увидел многоэтажный дом.

«Успокойся, какие пустяки...» – тоненьким птичьим высвистом выговаривала весна, овеявая его тёплым платьем и щекоча пушистыми, вспыхивающими волосами, – то светилась под солнцем прошлогодняя паутина. Юрка раздул ноздри. Остро пахло свежестью, а где-то сбоку ещё не угасли плесени. От затхлых сырых, набросанных в углу у забора тряпок-утеплителей на мгновение перехватило дыхание, но дурной запах был разом отгеснён многими другими струями от подсыхающих, нагретых солнцем построек, ещё не проснувшихся яблонь, вишен, смородины. Эфиры прошлогодних листьев, подмоченной коры были так сладки, что мальчишка остановился, замер, с грустью вздохнул. Ему вдруг почудилось, что запах доносится из многоэтажного дома. Он брякнул ведрами и, подражая словам деда Левона, ухмыльнулся и сказал: «Вон кому лафа. Ни дров не надо, ни воды носить, и сортир прямо в квартирке».

Джинсы испачкались. Чёрт! Мать сто раз предупреждала, чтобы не надевал. Он хлестко выругался и... увидел стоящего у калитки соседа.

«Теперь этот ещё матери напоёт», – разозлился. Настроение испортилось. Что же делать? Сходил два раза за водой, затем остановился, задумался. Нужно было как-то исхитриться и обмануть мать, сделать так, чтобы похвалила. Он опять взглянул на новый дом, и в голову пришла простая мысль: пойти в «многоэтажку» к новенькому Честневу, ведь адрес тот вчера говорил на уроке, и списать географический кроссворд, а контурную скопировать. Юрка воспрянул духом. Вёдра, большие, десятилитровые, разом стали легче, не так расплёскивались, хотя носил он их чуть не бегом, с шумом опрокидывая ледяную воду в бадью.

Не переодеваясь, в старой материнской телогрейке, пошёл Юрка к однокласснику. Новый дом, словно игрушечный, сверкал в ярких лучах солнца. Две широкие берёзки, как две тётки, встретили его в недоумении, мол, куда же ты идёшь мимо. Не скворцы, а улица пела яркой расцветкой крыш и палисадников. Улица Духовская хорошо знала и провожала Юрку, каждый дом провожал, мол, не бойся, мы с тобой. Веяло теплом, тянуло тиной от подсыхающего песка, а ещё мёдом от цветущих верб.

Осмелевшие кошки перебежали через дорогу или нежились на солнышке на крыльце. Собаки бестолково носились друг за другом, приветствуя дружным вилянием хвостов идущего парнишку как своего.

«Чёрт, сколько их!» – удивлялся Юрка. Он громко шмыгал носом и ещё громче – тяжёлыми сапогами.

Скоро подошёл к дому. Тот и вблизи был красив, могуч, хотя выперлись, зарябили кирпичи и исчезла яркость. Зелёные двери, грязновато-серые лестницы, с

которых ещё не смылись ляпки раствора, бросились в глаза, показались больными, покрытыми пятнами.

«Асфальт тут у них, чистота, прямо как в посёлке», – Юрка сплюнул и ещё громче, словно подчёркивая свою независимость, зашаркал подошвами сапог.

Дом оказался не только высоким, но и широким. Новичок жил в третьем подъезде.

Красный коврик лежал у двери с номером 64. Юрка хотел и не посмел вытереть об него ноги, он постоял, затем, скрепя сердце, разулся. Чего он оробел? Ишь, расселились тут! Однако несмело нажал звонок. Стоит нажать – там легче. Теперь хочешь не хочешь, а жди.

Тёмно-зелёные стены неприятно давили, на лестнице дуло в разбитое окно. На стене была нарисована маска не то дракона, не то коровы, а под ней нацарапано огромными буквами: «Зубр». А под конопатой, хихикающей рожницей вообще подписана непонятная фраза: «Задержавшийся в детстве Леденцов». Толстая красная труба прошумела сверху вниз, что-то там тренькнуло внизу. «Сверху в мусоропровод сыпанули», – догадался мальчишка.

Коричневую дверь с кольцом вместо ручки открыл высокий, одетый в светлый плащ мужчина. Юрка увидел прищур внимательных глаз и отсутствие первого апрельского загара на лице. Он не отвёл взора и, стараясь скрыть своё напряжение, развязно спросил:

– Саша дома?

Мужчина покачал головой и протянул руку. Говорил густым басом:

– Сначала здравствуй, молодой человек, – он сгрёб ладонь мальчишки, крепко сдавил сбитый мозоль. – Как зовут? Юра? Проходи, раздевайся, Юра. Рука трудовая у тебя!

Юра облегчённо вздохнул, всё-таки он боялся чего-то, наверное, не хотел выглядеть смешным.

«Новенького отец, – определил парнишка, – точно, из Москвы приехал».

– Я здесь подожду.

– Мил человек, гостя не оставляют за порогом.

Мужчина прошёл по коридору, приоткрыл внутреннюю дверь.

– Сашок, к тебе пришли. Дай товарищу тапочки, а мне пора.

Коридор был самым обыкновенным, обклеенным коричневыми обоями, походил на такой же коридор в квартире у дяди Валеры.

– Я тут постою, я на минутку.

Саша, он и сейчас выглядел подтянутым, был копией отца: такие же чёрные глаза, чёрные волосы, та же улыбка. Он вышел и занёс Юркины сапоги.

– Папу в больницу вызвали, проходи.

На стене коридора висели два велосипеда, рядом три пары лыж, детское белое корыто. Обувь аккуратным рядком стояла на полке, одежду прикрывала полупрозрачная клеёнка.

Велосипед Юрки с прошлого года валялся в сарае. И одежду он обычно не вешал, оставлял там, где раздевался, в любой из комнат, а где теперь лыжи, не помнил.

– Ты один сейчас? – спросил глухо.

Глаза Саши, упакованные в густые ресницы, выглядывали оттуда напряжённо и тревожно. Он никак не ожидал прихода Козыря.

– Мать на кухне. Пошли ко мне.

Юрка относился, по его мнению, к тем ребятам, которые не прочь покрасоваться силой. Он выглядел и плотнее и выше Саши, он мог оконфузить и унижить при всех, мог высмеять, но мог и защитить. Новенькому приходилось туго. С самых первых дней его невзлюбил Андрей Дранных или Дрюня. Он нашёл, что новенький обличьем

и тихим нравом похож на девчонку и не давал проходу, особенно потешался над тем, что тот не любил и не хотел драться. Как Жорка, в анекдоте, только завидит, сразу вцепится: «Ты меня уважаешь?» – «Уважаю, уважаю», – поспешно отвечал бедняга, отходя подальше.

«Значит, боишься, кукла-моргушка! – взлохмаченный, ершистый, выцветший после долгой зимы задира, похожий на драчливого кота, отвешивал пинка своим старым, выдавшим виды, а потому особенно противным ботинком. – Ха, заячья душа, труса празднуешь? – подхихикивал и эдак презрительно вежливо предлагал. – Пойдём, подерёмся, девчатник!»

Каким-то ничтожеством, просто болячкой казался он степенному Саше. Тайком тот ненавидел Дрюню.

Дрюня подначивал, а за его спиной мрачной фигурой маячил Козырев, косился недобро, мол, ты городской, а мы деревенские, ну, кто сильнее?

Они прошли в небольшую комнату, Саша плотно прикрыл дверь.

– Ты чего? – спросил, напряжённо глядя на нежданного гостя.

– Да так... – замер тот с открытым ртом.

«Вот здорово, своя комната, что в ней хочу, то и ворочу, если закрыться. Классно!» – думал Юрка, с любопытством осматриваясь. Комната была небольшой, потому казалась очень высокой. Деревянная кровать, стол, зачем-то еловые шишки в вазе и палас на полу – всё совпадало по цвету. Комната казалась коричневой. Это тоже было неспроста – причуда городских жильцов. Его мать, к примеру, да и тётя Таня, любили броское и светлое, так, чтобы в комнате было веселее. У него на кровати лежало ярко-синее покрывало, на стене висел атласный ковёр с оленем, клеёнка на столе полыхала алыми петухами, а по окнам цвели красные и белые герани.

В глаза бросились блестящие боксёрские перчатки, тоже коричневого цвета. Они висели на гвоздике. Рядом на полке стоял высокий кубок.

– Боксёр, что ли? – гость щёлкнул пальцем звякнувший металл.

– Да нет, отец подарил. Я болел долго, – Саша улыбнулся. – А кубок дали за шахматы. Прошлой осенью я личное первенство в клубе выиграл.

Гость увидел на столе, рядом с пустым аквариумом и стопкой книг, раскрытую клетчатую доску. Он присел к столу.

– Может, партию? – обрадовался Саша.

– Не, не уважаю. В карты сыграл бы, – подражая взрослым, отвечал Юрка. – Хошь, срежемся в очко?

Он сунулся в карман, зацепил болячку, дёрнулся и стал дуть на руку. Саша увидел содранный мозоль.

– В секции гимнастики занимаешься?

– Ага, – Юрка не задумывался, – вот на турнике солнышко крутил.

Хозяин нервно теребил шахматные фигурки и пытался догадаться, зачем пришёл Козырь. Он не знал, о чём с ним говорить.

Гость посидел, болтая ногами, погрыз, будто пёс косточку, ферзя, потом спросил, как бы между прочим:

– Слух, Честень, у тебя есть эти, как их... что отгадывать... по географии?

Он поднялся со стула, не веря глазам. Среди вырезов, наклеенных на стене, висел рисунок: его Пальма и два сидящих рядом щенка. Откуда? Он подошёл ближе.

– Это Найда. Собака у нас была до переезда сюда, – Саша смотрел исподлобья, говорил виновато. – Там осталась, у бабушки.

«Наверняка бросили, козлы, вот он и оправдывается», – не поверил Юрка, продолжая рассматривать

порадивший его рисунок. Теперь он знал точно, что это не его собака. У Пальмы на груди выделялось беловатое пятно и уши были с кисточками, мягкими рыжими лоскутками, пламеневшими на кончиках. Излом бровей тоже был другим, нос темней. В одном они были одинаковы: обе живо и хмуро глядели на людей. И эта настороженность в глазах поразила мальчишку.

– Отец нарисовал – на память.

– Отец, – удивился Юрка. – Здоровски! Такая строгая получилась... точь-в-точь... глаза особенно. Когда Пальма оценится, то никого чужого к щенкам не подпускает.

Мальчишки почувствовали, что думают об одном и том же, покосились друг на друга и отвернулись. Вот-вот у Пальмы появятся щенки, рисунок живо напомнил об этом.

– Это, по географии дай.

Саша кивнул и достал общую тетрадь, из черновика вырвал два листа. Юрка поспешно начал срисовывать. Закончил, приподнял голову и усмехнулся.

– Дрюня не отвязался от тебя, а то я его враз отважу?

Честнев пожал худенькими плечами, покусал тонкие губы.

– Я его не трогаю, – заговорил возмущённо, – привяжется со своим «уважаешь» и лезет, и лезет.

– Заводной! Зря ты его боишься. Раз в глазак заехал бы и... отвязался от тебя как миленький. А... контурной... нет?

Когда всё было кончено, гость встал. Он пребывал в добром настроении: знал, теперь отличник под боком.

«Всё на мази, пятак ставь и не тормози! – пело у него внутри. – Матери покажу – видишь, как учиться стал, скажу, ля-ля! Хорошо, что в эту среду в школе учимся с обеда».

Он подошёл к двери, та распахнулась, и Юрка едва не столкнулся с Сашиной мамой.

– Извините, я без стука... тут гости? Здравствуйте, идёмте пить чай.

Козырев ушам не поверил, перед ним извинялись. Он робко поздоровался, желая одного: поскорее удрать.

Удрать не вышло, пришлось идти на чай. Угощали его словно министра, за большим обеденным столом. Положили протёртой клюквы с сахаром, семья, оказывается, переехала из далёкой Сибири, пододвинули вазу с конфетами, отрезали два куса пирога.

Бедный мальчишка оказался не готовым к такому приёму, лучше бы, наоборот, его в шею вытолкали. Он краснел и бледнел.

Не было никаких замечаний, не было приказного тона, а потому он всё сильнее стеснялся. Юра понимал: так и надо при людях и потому улыбался своим глубинным мыслям, не доверяя непринуждённости взрослых. В конце концов, он пролил на скатерть заварку, а на палас уронил хлеб с маслом. Он бросился подтирать и... обиделся на добродушный смех. Долго отнекивался от свежих яблок, которые ему дали с собой, и, наконец, просто оскорбился, когда его, как маленького, стали одевать.

10. МАЛЬЧИШКИ, МАЛЬЧИШКИ, НУ КАК НЕ ЗАВИДОВАТЬ ВАМ?

К обеду изрядно разогрело. После бесконечных ветров весеннее настоящее тепло было особенно благостным. В фуфайке стало жарко. Юрка расстегнул пуговицы и громко присвистнул. Высокие вязы в перелуке были облеплены чёрными шумливыми грачами.

В этом году он обязательно пошарит по гнёздам, попробует галчонка выкормить.

По дороге бродили две пёстрые курицы и пышный красный петух.

«Ко-ко-ко! – звал цветистый кум своих залёток, желая попотчевать живой розовой лапшинкой. Он заругался на проходившего мимо Юрку: «Куд-да ты, куд-да ты!» – и затряс крыльями.

Две яркие бабочки-крапивницы, порхая друг за другом, замельтешили перед глазами, как маленькие летающие цыганочки в переплясе. Маня за собой, они перепорхнули за изгородь и исчезли. У завалинки углового дома красным полукружьем отогревалось целое войско клопов-солдатиков, будто армия на привале – в форме с полосками крест-накрест. Парад весны. Ать-два! – вышагивал браво мальчишка.

У себя во дворе он увидел Дрюню. В школьной форме, но по-прежнему непричёсанный, ошетилившийся, с картофелиной в руке, тот следил за белым крадущимся по забору котом.

Юрка обрадовался дружку. Он вышел от «городских» Честневых с чувством облегчения. Не выпуская из виду обоих, моля, лишь бы «мяу» не удрал, ещё один охотник присел, нашаривая округлый камешек. Вот первый охотник прицелился и, позвав: «Киса», швырнул картофелину как раз в тот момент, когда дичь собралась спрыгнуть вниз. Кот вякнул и, царапаясь о столб, с треском сорвался с забора.

– Прости меня, Вася, – спел звонко Андрюха и в ту же секунду сам скакнул козлом, взвизгнув звонче «мяучьего отродья».

Камешек, который метнул Юрка, хлестанул его ниже спины.

– Тпру, стоять! – крикнул, хохоча Козырь. – А ты думаешь, кисе сладко?

– Осёл, больше никто! Пупина-дубина развязанная!
– Отвечаешь за осла? – подошёл дружок. – Почему меня не обождал?

– Во, сдурел, что ли? У меня же сзади глазов нету!

– Ну и не ори! Пускай в другой раз будут. Ты чё, к деду припёр? Скажи ему, наблюдательный пост взорву, набыю карбидом бутылку и швырну, точняк, без очок останется!

Мальчишки задержались у ворот, Колька усиленно чесал ушиб.

– А, он и за мной следит, ведь я на чужое прост, а на своё тем более.

На дорожку выбежал знакомый белый кот, увидел мальчишек и рванул за дрова.

– Это дедов. У меня в прошлом году кошкар всех голубей потрескал, даже лохмача.

– Брешешь, глот, сам пожрал!

– Угу, тебе, держиморде, скормил.

Юрка сжал пальцы.

– На, – звонко щёлкнул по лбу дружка, – не обманывай старших!

Дрюня ойкнул, попытался ответно дать пинка обидчику, но Козырь поймал его ногу и стал выкручивать, затем отпустил. Белобрысик сначала упал на руки, завопив:

– Тварь, отпусти, схлопочешь! Мешок я тебе, что ли?

Не удержавшись, бедняга уткнулся носом в песок. Он расшвирипел, вскочил, швырнул портфель.

Сумка угодила в сохнувшую на колышке алюминиевую кастрюлю, которая со звоном слетела вниз и покатила по земле. Прихрамывая, грозный Дрюня схватил посудину и бросил в обидчика.

– Мыть будешь! – заорал Юрка, убегая к дому. – Мать в ней кашу варит.

Белобрысый дружок разозлился не на шутку. На глаза ему попалась половинка красного кирпича... схватил...

Насмешник понял: хорошего ждать нечего и нырнул в дом, захлопнув дверь. Дрюня погнался за ним с воинственным кличем.

– От меня ни один семёновский бандит не ускользал!

Он навалился, открывая прижатую дверь, а та сама распахнулась, и через ногу «вскипевший чайник» полетел в корыто с намоченным бельём. Звонко плюхнуло. Для острастки слетели сверху и накрыли «психа» сорванные плащ и пальто.

– Ги-ги-ги-ги! – мелко затрясся Юрка, словно выплёвывая мелкую дробь. Он укатывался, хватаясь за живот.

– Всё, Козырь, всё, садист! Считаю, тебе конец!

Через мгновение друзья, сцепившись клубком, катались в зале на кровати, сорвав со стены атласный ковёр.

Хитрый Юрка сообразил крикнуть, мол, мать пришла, и остановил свалку. Ему хотелось пойти в школу в джинсах, но он побоялся военрука, который строго следил, чтобы все носили форму. К тому же собрался Козырь за пятёркой, а в такой ответственный момент надо быть осмотрительным, к пуговице придерутся, и всё рухнет.

Но он не утерпел, тяжело дыша, козырнул:

– А я кроссворд сделал!

Они вышли из дома, оба красные, потные, только Юрка был доволен, а Андрей шёл злой, как чёрт. Ещё бы, его оставили с носом. «Козырь как огурчик, а я в сыром, комканом костюме, – психовал Дрюня. – Нет, так не играют!»

– Я и контурную сделал, – подтравливал дружок.

– Трепло, губени пупком завяжи и другим не скажи...

– Не веришь, не надо...

Тёплый, напоенный солнцем воздух распирал лёгкие, как же, оказывается, здорово идти в школу с приготовленными уроками! Дранчику этого не понять, сам же нарвался, а теперь трещит, будто кто-то виноват. Дурак! Через неделю один лихач покатит на мопеде по лужам, а другой, судьбой обиженный, умрёт от зависти.

Подходя к школе, они увидели новенького. Дрюня недобро усмехнулся. Дружки пересекли стадион и, перепрыгивая через лужи, нагнали Сашу.

– Погоди-ка! – азартно крикнул Андрей, ухмыляясь.

«Уважаешь» оседлал новенького, будто казак своего дончака, прыгнув на спину.

– Как я устал, кто, думаю, меня подвезёт? Но-о, девчатник!

От неожиданности Саша присел. Показалось, будто ласковое весеннее солнце упало, померкнув.

– Отстань! – то ли от натуги, то ли от злости потемнело его лицо.

Юрка быстро зашагал вперёд, предупреждающе обернулся и погрозил дружку кулаком. Тот понял.

– Отвечаешь, боишься? – азартно запрыгал Дрюня над «девчатником», насев с головы. – В бараний рог согну!

Положение Саши – хоть плачь. Он вспомнил про Козырева и попытался вырваться.

Они топтались на месте на глазах идущих, белобрысок под их одобрительный смех громко потешался:

– Внимание! Гну в бараний рог! Последний раз спрашиваю, ты меня боишься?

Он навалился, подмявая новенького под себя, и тот, споткнувшись, плашмя растянулся на мокром асфальте.

Это уже был перебор. В окно Юрка видел, как вскочил задира, а следом медленно поднялся второй. Воз-

мечтавший «без драки попасть в большие забияки» задира махал руками и что-то говорил, а новенький молча отворачивался от него, затем подобрал отлетевший в сторону портфель и пошёл прочь.

Юрка соображал: конечно, Дрюню он не променяет, всё-таки дружбан, как мать сказала, «подлокотник», но и отличника ему упускать нельзя.

В зелёном, увешанном стендами коридоре, кроме дежурных старшекласников, гоняющих шарик, никого – все военрука боялись. Из столовой аппетитно пахло обедом, напоминая, что мальчишка пришёл в школу не поевши.

Ввалился довольный задира. Заржал жеребёнком, высунул язык.

– Видал, чудной, шуток не понимает.

Юрка хотел сказать, что, мол, от твоих шуток крысыдохнут, но смолчал, лишь кивнул.

– Глянь, домой попёрся – за плащик заперезживал, я вон не трясусь за костюм, который ты мне испоганил.

– Отца приведёт, – не утерпел, чтобы не подначить, Юрка, морща чуть приплюснутый нос, – он у него врач, укольчиком уколет – вавочка бобо.

– Ха, да у меня батянька – чемпион по бегу, до сих пор не сыщут, где он, а я в него, усёк, Васёк? – Дрюня передёрнулся, выбросив кулак. – Девчатника тогда урою!

Козырь фыркнул: «Придурок жизни, осколок счастья». Он дружески толкнул приятеля и попросил пойти к дежурному за талоном, хотя в кармане лежали два. Тот вскинулся, крикнул с гонором насчёт «холуев», но Юрка только усмехнулся и поднял руки, мол, прошу. Он знал, что Дрюня тоже не обедал.

– Не в службу, а в дружбу, первое отдаю.

Андрей швырнул портфель на подоконник, заорал во весь голос: «Червонец!» и направился к старше-

классникам. Смуглый десятиклассник на миг оглянулся и опять бросился к шарикю с криком: «Зашибу!»

– Червонец, дай талончик.

– Чего тебе? – оглянулся тот. – А, припарочку... ну-ка, пацаны, горячую ему для начала... а теперь холодную... стоп, стоять!

Изощрялись, кто как мог. Отливали пиявки, шантики, щёлкали по лбу, затылку, ушам. У несчастного на глазах выступили слёзы. Дрюня вырвался и, отчаянно крича: «Червонь черномазая!», кинулся мимо Юрки наверх – в «лапы» военруку, тот как раз подходил к лестнице.

– Ты что... тут... опять бегаешь! А? Что скачешь... спрашиваю? Стоять! Руки по швам! – донеслась сверху сердитая ругань.

– Дисциплину не будешь нарушать! – старшеклассник повернул своё кунье лицо, хищно сверкнул зубами в довольной улыбке. Поправляя повязку, степенно крикнул Юрке: – Не делай резких движений в коридоре, понял?

«Хитёр Червонец, – смеялся Козырь. – Только военрука услышал, сразу как деловой заговорил».

На всякий случай он поспешил к туалету.

11. И ВОТ ПОЧТИ СЛАДИЛ!

Андрей Драных явился в класс, опоздав едва ли не на половину урока. Лицо у него было красное, словно побитое.

– Можно? – спросил отчуждённо, ни на кого не глядя.

Встретили вояку весело, заполошный воробей опять явился «раньше всех».

– Можно, – кивнул учитель, – ты же так спешил, прямо раскраснелся, и вдруг нельзя. Проходи!

Все, кроме новенького – тот отвернулся, рассмеялись. Учитель тоже улыбнулся, любопытно поморщил нос, мол, откуда такой – из бани?

– От военрука!

– Понятно, – вздохнул один из мальчишек, – из самой парной!

Класс опять рассмеялся.

– Вас бы туда! – скривился герой.

Он прошёл и сел рядом с Юркой, сказал шёпотом:

– Ни за что клок волос выдрал.

Дрюня повернулся, нагнув голову, и Юрка увидел красную плешину булавочного размера. Козырь хмыкнул.

– Орал?

– Ещё бы! – Андрюха вытер рукой лицо. – Горит, как окурок приложили. Гля, и девчатник тут. Без отца пришёл?

Саша почувствовал, что говорят о нём. Дружки одновременно оглянулись и увидели: новенький следит за ними. Юра приветливо кивнул и подмигнул по-дружески, мол, я с тобой. Саша невольно улыбнулся в ответ.

«Чего лыбишься?» – чуть не крикнул Дрюня. Ему захотелось вскочить и врезать. Он заёрзал от нетерпения. Но Юрка спохватился, сунул соседу локтем, мол, тише, и зачарованно уставился в рот Петру Ивановичу. Ему и по ботанике нужна была пятёрка.

Саша не был ни тихоней, ни девчатником. Дрюня ошибался: новенький был мечтателем. Воображение легко уносило его то в будущее, то в прошлое. На нарисованной во всю стену масляными красками картине парили в небе, бились в воде, вылезали на сушу, грызли друг друга серо-коричневые со зловещим металлическим блеском на роговой чешуе, как на доспехах богатырей, чудовищные ящеры эпохи динозав-

ров: крылатые птеродактили, ихтиозавры, похожие на гигантских рыб, травоядные диплодоки, наводящие ужас зубастые тиранозавры. Красно-лиловый цвет солнца отражался в их застывших, упрямых глазах.

Выше, у скалы, мускулистые первобытные дикари метали дротики и камни в лобастого медведя. Несколько женщин сидели у костра, готовили пищу и выделывали шкуры. У ручья молодая дикарка любовалась на своё отражение в воде.

Сбоку, из-за горы, выходил огромный лохматый мамонт. Он трубил, предупреждал о грозной опасности надвигающегося ледника.

Лиловое солнце светило снизу, за древовидными папоротниками, и потому тепло зари, розово-сизые блики на огромных листьях были с одной стороны, а бело-синий холод – с другой. Не потому ли на дикарях надеты шкуры, что ледник надвигался сверху?

В центре картины, возле камня, выглядывал из травы черноволосый, похожий на непричёсанного цыганёнка, малыш. Это был он сам, Саша.

Мечтатель не понимал, что тут слиты воедино сотни миллионов лет. Он видел миг борьбы, сердцем чувствовал зловещее приближение чего-то ужасного, гибельного и боялся за первобытных дикарей.

В классе хорошо, спокойно. Высвечивает зелёным квадрат аквариума, в котором дремлют маленькие и мирные рыбёшки, зеленеют жалкие, мелколистные цветы на окнах, кривится от всего этого рисунок стебля в тетрадке. Но вдруг всё переменялось, стало большим, мелким и неинтересным по сравнению с тем, что нарисовано. О чём-то рассказывает, как выражаются тут в школе, в своём, одном и том же чёрном «прикиде шнуток», то есть учитель, даёт советы по содержанию кошек и собак, а то никто не знает этой чепухи. Вот что у новенького на душе, никто не знает. «Дикарёк»

на картине был сильнее, он выглядывал из-за камня, не боясь класса, и звал туда – к себе... и мальчишка бежал...

Устали от ботаники, от растений, разговорились о животных.

– А у тебя, Александр, есть собака? – Пётр Иванович подошёл к мальчишке, ласково взъерошил тёмную копну волос.

Дрюня исподлобья посмотрел на новенького.

«Почему меня про это не спрашивают? – ревниво вскипел он. – Мой Топсик лучше любой овчарки. У, подлиза!» Он вытянул шею и прошипел гусакком.

– Собака в комнате опасна, может покусать девчатника.

Саша оглянулся, сверкнул глазами, но ничего не сказал. Учитель вернулся к своему столу.

– Ты хотел бы иметь собаку, Честнев?

– Мне мама не разрешает.

Многим в классе родители не разрешали держать в квартире животных, но сказать об этом во всеуслышание считалось позорным. Многое из правды говорить нельзя. Наивные мечтатели никак не хотят этого понимать, чем удивляют и злят окружающих.

– Гля, желторотик, ему мама не разрешает, – скривился Дрюня.

Он повернулся к дружку, со смехом повторил эту новость, но тот отмахнулся с сердитым видом. Юрка Козырев сидел прямо, словно истукан, и старался не вызвать замечаний.

«Ты что, деляга?» – толкнул его в бок непоседа. Тот отсел, не отвечая.

– Гля, гля, – придвинулся и зашептал косматик, – что-то не узнаю делована, стал похож на болвана!

Юрка сердито отвернулся, повёл хитрым глазом в сторону отличника и остался доволен: тот ему верил.

– Ребята, а кто из вас держит собаку? – спросил учитель.

– У меня здоровенный, с меня ростом, белый кобель, – громко, на весь класс, гордо закричал Дрюня.

Он встал, сияя синими глазами.

– Собака знает, кто её кормит, верно?

Он хотел толкнуть Юрку, а тот скромно поднял руку, да не утерпел, объявил за него.

– А вот у Козырей собака скоро оценится!

Тренькнул звонок. Шесть минут, оставленные учителем на сокровенный разговор, закончились. Мгновенно загалдели голоса в рекреации, затопали бегущие ноги, шлёпнулись брошенные у двери кабинета саквояжи и пакеты. Вторая смена спешила на обед.

На выходе Юрка, как бы невзначай, мимоходом прижал вечно голодного, а потому прущего напролом дружка к новенькому, а последнему сжал руку, шепча на ухо, мол, не робей, воробей.

И Саша не отступил, посмотрел вызывающе, в упор.

«Вот тебе возможность проявить настоящую силу воли, – внушал он себе, – возьму и дам сдачи, если что». Он забыл про поговорку, что лезть на дичку – груши рвать, ещё и платье драть.

– Что ты под ногами путаешься? Тебе же мама не разрешает! – заорал Дрюня и бесцеремонно схватил «девчатника» за нос, затем толкнул локтем и попал в солнечное сплетение.

Саша согнулся и осел, к своему стыду споткнулся о чью-то ногу и упал на бок, остро ощущая, как мало осталось кислорода в пыльном воздухе коридора.

В школе, где полторы тысячи учащихся, на переменах, как в часы пик, теснота. Упавшего новенького несколько раз стукнули, выругали и, схватив бесцеремонно за шиворот, отшвырнули, как кутёнка, прочь. Саша

сжался в комок, стараясь подняться. А этот гад начал ещё издеваться.

– Ха-ха-ха, – держался он за живот, – полз заумный клоп, со мной столкнулся и о землю хлоп! Кто это тебя так, девчатник?

Ослеplённый стыдом, Честнев был готов убить пересмешника и не сомневался больше – драться ему или не драться. Он встал, поправил трясущимися руками перепачканный пиджак и сжал кулаки. Влез, как говорится, по пояс, влезай по горло, тем более белобрысык так и напирал.

– Может, что-то имеешь, девчатник? Или тебе мама не разрешает?

– Дурак ты и не лечишься!

– Отвечаешь за чирик-куку, умник? – Дрюня подступил вплотную. – Схлестнёмся?

– А вот и не подерётесь, не подерётесь... – начали подтравливать ребят.

Кругом бежали, спешили, а двое стояли и испытующе мерили друг друга презрительными взглядами.

– Пацан, набей Дрюньке глаз, засвети ему фонарик! – хмыкнули, проходя, старшеклассники.

– В ухо мочи! – закричали со смехом.

– Надоело пугаться, решил подрасться, но ведь дрейфишь, когда страшно? – зловеще поднимал кулаки задира, используя привычно один из распространённых приёмов устрашения у драчунов. – Вытер пол один раз, – он вдруг схватил новичка за рукав, – сейчас ещё раз вытрешь!

Страх застревал у Саши в затылке, давил на глаза, заставлял жмуриться. Он дёрнул рукой, защищаясь от замахнувшегося драчуна, зацепил липнувшего к ним лупоглазого мальчишку, сгоравшего от нетерпенья и кричавшего в ухо Дрюне: «Да бей ты его! Бей, бей,

бей!» Лупоглазый крикун зажался, словно его ударили, затем злобно отвесил новенькому пинок.

Зрители жаждали крови, а потому ребята быстренько образовали круг.

– Врезать? – сжал покрепче кулаки белобрысый забияка. – А то могу зубы пересчитать!

Честнева парализовал страх. Он беспомощно оглядывал чужие, как ему казалось, злые, смеющиеся над ним лица, и ни у кого не находил поддержки. Юрка Козырев, как назло, куда-то исчез. Саше было плохо, очень плохо, он был один, и он боялся.

Дрюню ребята хорошо знали. Они советовали ему, подталкивали, желая драки. Все жаждали избить бедного, нахохленного новичка.

– Подачу справа, – подогревали кругом, – лепи!

– Мочи его, Дрон! В торец мочи!

Лупоглазый крикун азартно толкнул новенького в спину, тот, защищаясь, выставил руки и попал врагу по губам. Дрюня взвился, не размахиваясь, ткнул кулаком «под дых», другим – в глаз.

Саша по книге учил, как надо драться, пробовал даже отработать приёмы: для защиты нужно было выставить ладони ребром, прижать локти к туловищу и рубить вправо, влево. Но вот в деле вышло иначе. Страх и злость перемешались и выплеснулись в ярость. Болезненный удар в глаз лишил его последней выдержки, и слёзы градом хлынули по лицу. Визжа и царапаясь, он, под всеобщий смех, вслепую замахал руками.

То ли лупоглазый крикун, а он вился тут же ужом, подставил ножку, то ли от удара Дрюни, но несчастный Честнев упал ещё раз.

– Семёновские бандиты лежачего не бьют! – вытер губы рукавом Дрюня. – Вставай, мешок с отрубями!

– Шуба! Шу-хер! – закричали сзади. – Скорее расходитесь!

Устроить в здании школы свалку? Это же ЧП, можно стёкла побить, мебель испортить. Ещё чего! Выяснить отношения в другом месте, тайно, где-нибудь за углом.

Братья-цыганята растолкали дерущихся, а ребята окружили их, чтобы учителя не увидели красных, побитых лиц, и не было нудного дознания.

Саша не замечал ни смеха вокруг, ни того, что правый глаз горел огнём, а на пиджаке не хватало двух пуговиц. Он переборол себя, переборол страх, а это главное.

Тут, как раз вовремя, появился Юрка. Он угодливо подхватил Честнева под руки, отвёл к умывальнику и доверительно зашептал:

– Говорил, не бойся... и вот, почти сладил. Это ему ещё лупастый Шмырь помогал, лез, хотя его никто не просил.

Саша понимал, что он не сладил, но ему было приятно услышать доброе слово.

– Я не дрался никогда, – сказал он честно.

– Ничего, я ему ещё в ухо врежу, вообще от тебя отстанет. Слух, Честень, я к тебе завтра приду, ты мне... на время, перчатки не дашь?

– Какие, – холодная вода казалась сладкой, – боксёрские? Хоть нынче приходи, отдам.

Нет, он не маменькин сынок и не девчатник!

А Дрюня, вот уж поистине щедрая на подвиги душа, отчаянно махался за углом с лупоглазым крикуном, изворотливым и цепким змеем-искусителем. Не вовремя тот затеял вышучивать драчунов, ой не вовремя – Колька уже по-настоящему, в бешенстве, бил головой. Спроси у кого, почему он пожалел новичка и безжалостно дубасил Шмыря, он бы не ответил.

12. О РЫБАЛКЕ

Сумерки серые, как мыши, окутывали идущих. Веял свежий ветерок. Пётр Иванович с коллегой возвращались из школы. Валентин Николаевич предложил не ехать на автобусе, а прогуляться. Биолог согласился, день прошёл в пыльном классе, потому весенний ветер утолял возжаждавшую свежести голову. Школа, слава Богу, удалена от дороги, и онпил ипил сладкий густой воздух, в котором витали таинственные лиственный духи, занятые приготовлением ароматного весеннего кваса. Милые малюсенькие феечки, видимо, добавили в свой терпкий напиток кусочки прошлогодних листьев (вот и пахло аппетитно грибами), сыпнули дольки румяных желудей (потому и дух такой, пресный), покрошили оранжевые нежные лепестки цветов мать-и-мачехи (ух, какой медовый и сладкий аромат), разумеется, кинули свежую траву (оттого и разлеталась вокруг одуряющая свежесть). Квас бурлил, проливался, а потому и земля, да и сам воздух был пропитан вкусным ароматом, источавшимся от распускающихся тополевых почек, от берёзовых серёжек, от сырой тучной земли. Бодрящая свежесть весны возвращала утраченные силы, помогала обрести свою силу духа.

Идущий рядом учитель-подвижник, седоватый, около пятидесяти лет, в тёмно-зелёном поношенном плаще, шляпе той же расцветки, сильно помятой (не удивительно, если он сейчас начнёт рассказывать, как играл этой шляпой с ребятами в футбол), слегка огрузневший, что характерно для такого возраста, попросил не торопиться, надышаться властью.

Они разговорились. Пётр Иванович рассказал, как спрашивал сегодня у десятиклассников разрешения называть их на ты.

– Со старшеклассниками сложнее, – согласился коллега, его глухой и мягкий голос успокаивал. – А мы сегодня не разбирали, кому сколько лет и кого как звать. Играли с малышами в американочку, бегали... и все на ты... Мне без году пятьдесят прозвенело, а им, кому восемь, кому десять... так уводили, что мокрым от пота стал. Сторожа приглашали поиграть, а он на нас гуду-гуду – заворчал, и смех и грех.

Классы, в которых работал Пётр Иванович, были слишком взрослыми для игр. Сегодня у него воистину был перегрузочный день – одиннадцать уроков, то есть почти четыреста человек, доведших учителя до полного изнеможения, до хрипоты, до истерики. Но, вот ведь удивительно, день промелькнул как один миг. В пружины из сорока пяти минут сжатого донельзя времени надо было вместить и игривость продолжающейся перемены, и спрятанные портфели, и исчезнувший мел, и разлетевшиеся воробьями тряпки, и опоздания, и «забыл тетрадь», забыл «выучить», забыл «книжку», и шипенье подсказок, и гордое «я вас не понял», «не зацепило», а то и «вы же так объяснили». Нужно было умудриться повторить, послушать четверых, а то и пятерых, запомнить рой дополняющих, оценить, оговорить, объяснить порой просто необъятное новое, продемонстрировать опыты, закрепить, записать в дневники и... обязательно повеселить тех, кто упорно отмалчивался весь урок по привычке или по другой причине. Ему таких жалко, жаль и тех, кто перегорел от желания выстрелить распирающим их потоком знаний, кто дёргал руку до небес и выше, но его не спросили. И те, и те, видимо, возненавидели его в тот миг, вот он и должен был что-то предпринять. Как-то дать отдушину. Но он не успевал, так как предательски звенел звонок. Учитель, осыпaeмый бесконечными претензиями, злясь, что опять не успел, старался мягко

улыбаться ребятам, успокаивал себя, мол, они-то при чём, сам же чисто на автомате, спешно надевал на рукав красную повязку и спешил в рекреацию, а то опять от организатора последует замечание, да ещё директору докладная, что не дежурит. Но когда дежурить, если на следующем уроке – лабораторная работа...

На последнем уроке восьмиклассники, походя, сломали цветок бегонии. Он на секунду отвлекся, чтобы занести микроскоп в лаборантскую комнату, услышал шлепок, вскрики, но когда вышел, то класс опустел, а отломанная верхушка с пышным красным соцветием валялась у батареи. Но не это было главным, что так утомило и так расстроило Петра Ивановича. Его глушили, словно рыбу в пруду, старшеклассники подчёркнутым равнодушием к предмету. Ребята уже определились и решили, что биология не нужна, ведь им, прагматикам, этот предмет в институте не сдавать.

Валентин Николаевич всё осматривался, кричал и сиял, как пятиалтынный, а Пётр Иванович от этого его лунного сияния становился ещё угрюмее. Непросто было сбросить с себя слишком большое нервное напряжение дня. Он вновь и вновь варился в кипящем школьном котле. То настырная Оля Воротникова опять звенела ему на перемене в ухо, налезая сзади на шею, требуя ответа, почему ей поставили тройку за практическую работу, то удушливый дух плавящегося линолеума мешал дышать (поставил в стакане воду в лаборантской комнате на пол, желая вскипятить для чая, но забыл, вода выкипела, стакан раскалился...), то... толстяк Леженин нагло влезал в класс и, не обращая на учителя ни малейшего внимания, просил пару сигарет и зажигалку, то...

Им навстречу шла в сером пальто и широкополой шляпе с красным бантом высокая дородная женщина – директор. Она улыбнулась большими тёмными, пол-

ными загадочности глазами, поздоровалась и просто спросила:

– Устали? – потом тронула Петра Ивановича за рукав. – Что надулся, как индюк? В семью идёшь, к своим детишкам. К тем, ради которых сутками пашешь. Конфет им купи, папаша. До свидания.

На миг какая-то удивительная сила, пусть на минуточку, но оторвала от школы и... перенесла домой. Сейчас его встретит волшебная семейная страна, состоящая из звоночков и вопилок, осенённых крылом Елены прекрасной. Будут смотреть в его глаза, читать по ним свои дальнейшие планы. Если в них не растает лёд, то мигом исчезнут, убегут подальше, спрячутся, так как пришёл Сердитка...

Шедший рядом коллега заметил настороженную угрюмость биолога, столь долгое необычное молчание, ведь он знал, что тот по природе болтлив не менее, чем сорока.

– Что там у тебя? – мягко спросил Валентин Николаевич.

Биолог вздохнул и даже позавидовал. Всегда улыбается, всегда доволен и жизнерадостен. Физику уже пятьдесят, тоже после уроков, и, подумать только, меня пытается успокоить... Боже...

В душе вдруг всклокотала обида. Её только сейчас не хватало. Неужели одиннадцать прогнанных на бешеной скорости уроков подействовали, словно опьяняющий и дурманящий голову напиток? Всё, надо отлепить от себя эту школу. Он вдруг спохватился, что это несёт, прижав левой рукой? Господи, едва не рассыпал. Ах, да, решил грамоты домой забрать. Сначала хотел порвать, выбросить в мусорку, а потом оставил.

– Вот, гляди... гляди, раз глаза разул, да... столько грамот и все мои. Двенадцать штук. В основном первые места. Но сейчас я работаю плохо. Так органи-

затор в отчёте на педсовете указал, ведь моего Колю Драных в милицию на учёт поставили за то, что в магазине самообслуживания колбасу украл. Ты же знаешь мой «Б», теперь 43 ученика: шахматисты, футболисты, баскетболисты, театралы, просто хорошие труженики, помощники. Эх. Перемешалось всё в башке. Мне всегда казалось, что я – неплохой учитель, а, главное, хороший воспитатель. А теперь в душе сумбур. Спроси нас, да и любого в школе, кто же он такой – хороший учитель. Вот она, куча грамот, думал, ткну, прикроюсь, так сказать. Не помогло. Скажи, где критерий?

Мягкая, светящаяся темнота окутывала фигуры. Фонари, как космические корабли, делали медленные витки и светящимися рыбами, оставаясь позади, погружались в тёмную глубину.

Валентин Николаевич не отвечал, долго смотрел на небо, качал головой, соглашаясь, но, как всегда, оставался при своём мнении. Он был вдумчивым и весьма немногословным.

– А я бы, наверное, не так ответил на твой вопрос об учителе, вот был у меня лет тридцать назад, – задумчиво проговорил он, – крутой перелом. Ты не спешишь?

– Чем ледяные глаза дочке и сыну показывать, лучше дождусь, когда родные улягутся спать.

– Я первый год после института в сельской школе работал. Не удивились, что прибыл восьмого сентября, посоветовали посмотреть расписание уроков на следующий день, спросили заодно про сапоги, про ватник, чтобы было в чём на свёклу ребят возить. Директор отъехал в район, а потому завхоз проводил до старого дома из красного кирпича, порекомендовал квартиранта бабушке.

Я тогда шёл и... почти спал. Ведь только что вернулся из Ленинграда, с похорон нелепо разбившегося на мотоцикле двоюродного брата. Три недели слёз,

ужаса, безнадёжных ожиданий... в больнице. В поезде всю ночь проговорил с молодым, но очень грамотным батюшкой Николаем. Мы быстро сошлись в главном – в гуманном отношении к человеку. Я доказывал, что власти должны всегда поступать гуманно, а батюшка, соглашаясь, поддакивал, мол, гуманность – это всеобъемлющая любовь Бога к людям и к каждому человеку. Так и сказал на прощание, что гуманность – главное для учителя.

Оказавшись у бабушки, я поставил вещи, погрел руки у горячей печки, а потом, ступив в свой скромный уголок за цветную занавеску, попросту упал в кровать, даже не раздеваясь, и... захрапел.

Пришёл в школу пораньше, чтобы посмотреть, а есть ли какая наглядность, необходимая для проведения лабораторных и практических работ, ну, хотя бы электрофорная машина, то есть демонстрационный прибор по теме «Электричество», состоящий из двух встречно вращающихся дисков. Без этого прибора физика – не физика. Но кабинетов в этой школе не было, учились по классам. С чего же начать? Полистал журнал: из 24 восьмиклассников – 14 девочек и 10 ребят, это хорошо. Раздалась пронзительная трель электрического звонка...

Зашёл честь по чести в класс, строго подождал, когда встанут, представился, отметил отсутствующих, а их, кто на картошке, кто на свёкле с родителями, оказалось больше десяти. Отметил про себя, что в классе, почитай, одни «Кузнечики» да «Орлы», то есть Кузнецовы и Орловы.

Девочки все в белых фартучках, лишь одна в красной кофте, смотрели с нескрываемым любопытством, а лохматые, с виду вроде бы некрупные мальчишки, держались солидно. Девчонки по сравнению с мальчишками выглядели совсем взрослыми. Тишина навис-

ла то ли зловещая, то ли неопределённая. С чего же начать?

– А пруд у вас есть? – спросил и сам удивился своему вопросу.

Все так и выгаращались от удивления, даже переглянулись, не грязный ли кто из них. Математичка, оказывается, любила выговаривать: увидит у кого руки в мазут испачканные (а его не отмоешь) и ехидно спросит:

– Пруд есть, а что же ты с руками немывтыми пришёл?

Смуглый парнишка опустил голову и, сверкнув исподлобья недоверчивыми глазами, басом отрезал:

– Есть, да не про нашу честь.

– Есть, это уже хорошо, значит, и рыбка есть: карасики там, плотва, верно?

– И сазаны есть, и карпы есть, да не про нашу честь.

– А-а, глупости городите! В своём селе вы хозяйева. Здесь всё ваше. Если только шутите, а то не понимаю.

Пацаны чубами трясли, переглядывались, ага, шутят! Не знает ничего, а спорит, им не верит.

– Да говорят же вам, нельзя нам в пруду рыбу удить, даже подходить нельзя, с милицией ловят.

– Кто ловит?! Кто! Да вы что.

Такого странного учителя ребята видели впервые. Непонятно, что тому надо.

– Кто-кто... пред наш... ну, председатель... Рыбу колхоз запустил, теперь охраняет....

– От вас охраняет? – не верил я, открывая и закрывая учебник физики, потом как хлопну им по столу. – Охраняет... от вас... и от тех, кто поменьше, кто вот... носик кнопкой и ещё картавит...

В классе поднялся гвалт, кто кого перекричит, возмущались и девчонки.

– У моего брата удочку поломал, спиннинг, грозился избить, если ещё раз на пруду появится. А брату девять лет.

– А сами там с милицией ловят. Приедут на козлах и тянут сетями.

Я предложил ребятам воскресную общешкольную рыбалку. Поблагодарил за поддержку и уже после этого приступил к физике.

Набралось одиннадцать человек. Остальные не пришли: то ли забоялись, то ли уехали с родителями на свёклу. Пожалуй, самой счастливой среди нас была Витькина собака. Даже репьи в её хвосте, на шее и там, где чуб, только украшали Вьюна. Просто оглушающие запахи были многочисленны, свежи и пьянили пса долгожданной свободой. Забыты и цепь, и конура, виток за витком пробегали быстрые лапы, а нос успевал выследить десятки нор. Детство есть детство – одинаковое для всех, а Вьюну было только восемь месяцев от роду. Я же обострённо чуял сердцем: ребята боятся, сильно боятся. Даже восьмиклассники, а их пошло пятеро, и те угрюмо помалкивали. Я тоже боялся: размышлял о том, что не пристало начинать работу в сельской школе со скандала.

День выдался тихим и знойным. Лето резко покапало на спад, то есть плавно перешло в бабье лето. Широкая долина околицы вплоть до лозин выглядела оголённой. Коровы сделали тропки террасы, уводившие вдаль. Под ногами росла дурная, несъедобная трава, там и сям серели коровьи следы, колючий татарник.

Вот свернули круто вправо, в один из густо заросших зарослями тёрна отрожков, как раз туда, где прятался за берёзами и осинами колхозный пруд. Председатель пять лет назад нагнал в это место техники и соорудил довольно высокую и широкую плотину, на которой посадил множество ив. Теперь, когда ивы разрослись, а запущенные мальки карпа, взятые за довольно приличную цену, выросли в килограмм и больше, водное хозяйство решили охранять.

Скоро между кудрявых, всё ещё зелёных ив серебряной лентой блеснула долгожданная заводь. Я разом вспомнил про председателя, про предупреждения ребят и с тревогой подумал: а вдруг впрямь произойдёт стычка, вдруг он явится и начнёт кричать, чтобы убирались вон? Что делать? Нет, нельзя показывать ребятам, что волнуюсь.

Я серьёзно ахал и жалел, что не взял купальных принадлежностей, а ведь денёк-то воскресный задался жарким. Рассказывал, что стометровой ширины Дон перемахивал ещё в пятом классе, несмотря на довольно быстрое течение. Хвалился, как на обрыве тягал из норок раков, а уж рыбу всякую ловил, и ушастую, и зубастую, одних пятнистых щук зацапывал по сорок штук.

Белёсая завеса из тростника и серебристых кустов загоразивала противоположный берег. Шедшие впереди ребята вдруг резко остановились и испуганным шёпотом предупредили:

– Там председатель и... милиция – на газиках приехали.

Все напряжённо замерли, лишь весёлый Выюн помчался к воде и стал звонко лакать языком. Я, признаться, тоже оробел, вот она – решительная минута. Хорошо хорохориться, а теперь надо выбрать правильный вариант. Можно потихоньку отступить, спрятаться в кустах и... молча ловить, а можно...

– Ребята, – кричу радостно и громко, – ваш пруд просто великолепен! В нём сейчас искупаемся. Приехал с колхозного поля, со свёклы, сел на велосипед и – стрелой – сюда. А рыба-то тут есть? Развёл для вас тут рыбки председатель? Развёл, говорите? Отлично! Идёмте рыбачить.

Мы вылезли всей гурьбой из кустов и теперь были явно видны милиции, которая синела рубашками и

краснела погонями на той стороне. Что же, полюбуйтесь на нас, на колхозных детей.

– Доставай удочки, ребята, где вы их оставили? Что остолбенели? Хватит бояться, вы на своём пруду. Я с вами, в конце-то концов. Я за вас головой отвечаю!

Однако ребята, не желая связываться с милицией, предпочли отступить. Вернулись к отдалённому, спрятанному за бугром, рукавичку, который напоминал большой палец на гигантской руке, состоящей из воды. Тут топырилась старая, разветвлённая ветла с толстым дуплистым стволом, а под ним расстилалась покрытая изумрудом травы полянка. Место, на самом деле, подходящее.

Мальчишки вслух жалели о том, что «выперлись» перед председателем и милицией, они один за другим выбегали на бугор, чтобы проверить, не едет ли в их сторону машина.

– Успокойтесь, – уверял я настойчиво, – всё будет хорошо.

Витёк с ещё одним мальчишкой загатили четыре места в высоких камышах и, как положено, начали прикармливать рыбу, то есть швырять горсти липкой перловки.

Постепенно успокаивались и рассаживались с удочками. Рядом со мной замер, блестя глазами, самый маленький и самый заядлый из рыбаков – Орлик.

– Лови и моей, – я встал, – пойду твоей сестре на помощь.

Воскресный отдых, а столько переживаний. Может, зря проявил легкомыслие? Может, зря спровоцировал ребят? Я посмотрел на единственную девочку в ребячьей компании, на её проворные руки – а те быстро чистили картошку, и разом успокоился. Я в тот миг почувствовал себя отцом, Нину представил матерью, а остальных – детьми мал мала меньше.

Орлик вдруг поймал, первым поймал. Мальчонка ойкнул и испуганно вскочил. Сестра тоже ойкнула, ведь она так переживала за брата. Я подбежал к счастливцу и... стал уговаривать, чтобы тихонько тянул, не спешил. Ноги маленького рыбака напряглись, шея вытянулась в струнку, а руки начали вращаться по кругу. Гибкое и длинное ореховое удилище изогнулось дугой. Орлик потянул удилище, отступил и пошёл потихоньку назад, переваливаясь то в правую, то в левую сторону. Его рот широко раскрылся, язык высунулся, заалел красным лоскутком от напряжения. Оступившись, упал на колено, не выпуская удилища, медленно приподнялся, потянул и плавно подтащил к берегу крупную рыбину, которая водила леску то вправо, то влево. Из воды показался, блеснув золотом крупной чешуи, красавец – зеркальный карп. Как маятник, рыба махнулась на берег, забила и, неожиданно сорвавшись с крючка, упала на зелёно-белую дорожку из примятых камышей, рядом с водой.

Забыв про все условности, я бросился на карпа, как кот на мышь. Сильный удар по голове не остановил меня, падая, успел отбросить рыбину подальше от воды.

Оказывается, мы столкнулись головами с бедным Орликом, который отлетел в сторону. Мальчонка не заплакал, лишь усиленно потёр уши. Сбежались ребята, взвесили первый улов по очереди на руках – наши, что не меньше килограмма, позавидовали и... уже по-настоящему, по самые уши ушли в рыбалку, в ту самую рыбалку, когда забываешь про всё на свете. Улеглись и страхи.

Я помогал Нине, срочно готовил для рыбаков обед. Нина стеснялась, краснела, потом не утерпела, спросила, мол, почему же «вы не ловите».

– Только тайна, – признался, – в детстве жил в том месте, где ни речки, ни пруда не было. Я никогда не рыбачил, даже плавать не умею. Ради ребят стараюсь.

Целый день мы пробыли у пруда, обжигаясь то горячей ухой, то ледяной водой, и никто нас не прогонял. Играли в волейбол, я показывал, как принимать мяч на мягкие пружинки пальцев, как пасовать, как глушить. Уходили тоже не с пустыми руками, каждый нёс домой улов. Тридцать лет назад это было, а как вчера... разве забудешь свой главный урок?

Крепчал ветер. Луна с любопытством глядела на двух приплясывающих от холода мужиков-чудаков, которые бесконечно провожали друг друга от одного дома до другого – то вперёд, то назад. На девярых, а может на десятых проводах один из них спохватился, ведь он был постарше, соответственно мудрее:

– Совсем я тебя заговорил и... заморозил... я в плаще, а ты в костюмчике.

– Когда мы идём в вашу сторону, то мне с вами весело, а когда в мою, то вообще весело, – Пётр Иванович переставил ударения, обыгрывая фамилию своего коллеги. – А потому продолжайте, продолжайте...

– Давно это было, но с тех пор, кажется, нашёл для себя главное.

– Поймали, так сказать, свою рыбку.

– Да-а-а, поймал. Ты спросил про то, каким должен быть учитель. Вот я и попытался ответить на твой вопрос.

Мысленно Пётр Иванович устроил провожатому благодарную овацию. И ещё он был согласен с Валентином Николаевичем в его главном. Гуманизм вечен. Он был главным тогда, тридцать лет назад, он является главным и сейчас. Пётр Иванович поспешил домой. Родные уже спали.

13. ЩЕНЯТА

По восточному календарю каждый год проходит под знаком какого-нибудь животного. Наступивший 1992 год был годом Собаки. Козыревым в этот год привалило счастье – им дали квартиру.

Рыжая Пальма принесла пятерых щенят. Они появились на свет не в конуре, а в дровах, на опилках, между двумя чурками, слепыми беспомощными комочками. И теперь, тщательно вылизанные, накормленные малышки спали, сбившись в тесную кучу подле задних материнских лап.

Пальма была начеку, глаза сторожили любой миг, брови хмурились, и недоверчиво глядела мать в спокойный, налитый солнцем и голубоватым воздухом двор. В тёмных, блестящих собачьих глазах золотились солнечные искры, было и впрямь жарко. От усталости ей зверски хотелось спать, и Пальма часто зевала, чуть постанывала, блаженно потягиваясь, бороздя по опилкам мохнатыми когтистыми лапами.

Ольга Ивановна вернулась с работы расстроенной: переругалась с мастером, и та не позволила ей взять мяса.

«В такой момент... знает, мне квартиру получать, и назло не даёт, – вскипало на душе, – сама ам, а другим не дам! Хорошо девчата поделились по-свойски».

Она хлопнула калиткой, направляясь к закутку взять ключ, и увидела возле кучи опилок собаку. Не оставившаяся, не обращая внимания на то, как виляла хвостом, как выжидающе смотрела на неё ставшая тощей Пальма, прошла мимо.

– Теперь ещё щенят определяй, – процедила она сквозь зубы и, остервенело повернув ключ, хлопнула тяжёлой дверью.

Юрка подоспел почти следом за матерью, толкнул ногой скрипучую зелёную калитку, швырнул шутки ради надоевший с поломанными углами ранец в сторону собачьей будки и проорал хриплым баском:

– Мам, умираю, хочу есть!

Его удивило, что Пальма не выбежала навстречу, лишь из-за брёвен несколько раз мелькнул рыжий хвост. Он шагнул к дровам, и его встретили остро заблестевшие, улыбающиеся хозяину и другу собачьи глаза.

Мальчишка забежал за брёвна и ахнул.

– Щенки!

Он с радостью оглядел гнездо.

«Вот они у меня какие», – виновато виляла хвостом худенькая Пальма.

Чиста детская душа. Вспыхнули восторженно зелёные Юркины глаза. Хотя в Семёновке говорили, мол, разводись, не разводись, всё равно первый муж оставит жене свою копию, если, конечно, в семье родился ребёнок. Юрка же и обличьем, и фигурой, даже походкой напоминал мать. Особенно схожими были широкий нос и округлые губы, за которые ребята долгое время дразнили его Пупком. Зато характер был отцов.

Он присел перед щенками, распустил вытянутый вперёд узел губ в широкую улыбку.

– И белый есть, и рыжий, на Пальму, как две капли воды похожий, и вот серой масти, точняк от Мастюхинского кобеля... ишь, как смешно спят, хы-хы... этот лапульки кверху задрал... – он забыл про всё на свете и начал ласкать свою Рыжушку, как иногда, в минуту нежности, звал собаку. – Лисосья моя хорошая, верная... как сразу похудела, – он ласково гладил собаку, запуская пальцы в космы линялой шерсти. – Что глядишь пугливо? Ничего я им не сделаю.

От гнезда и от щенят тянуло крепким собачьим запахом. Он был похож на запах серы, какую старше-

классники сожгли сегодня в туалете. Правда, сейчас он казался почему-то приятным, даже желанным.

Юрка, низко наклоняясь, замороженно любовался на слепышков.

Щенки просыпались, смешно поддывали, потягивались, выпрямляли малюсенькие лапочки. Переворачивались, толкаясь задними ножками, разъезжаясь ещё слабыми передними, наползали на пегое набухшее вымя с отчётливыми, похожими на бутылочки, сосцами. Их потешные мордашки по-утиному тыкались во все стороны и жадно искали аппетитно пахнущий источник молока.

– Есть захотели, – фыркал в кулак и тёр усиленно лоб мальчишка, и восторг так и прыгал, так и плясал в его округлённых, малахитового цвета зрачках.

«Малюсенькие какие, прямо с булавочную головку, – восхищался он, слегка касаясь пальцами ушек и носиков малышков.

Он осторожно брал мяконецкие, жаркие тельца на руки, подносил близко-близко к лицу, щекотал лапочками собственный нос, фыркал и звонко чмокал крохотную братию в умильные мордочки.

Щенята, теряя сосцы, начинали обследовать тёплые руки мальчишки, затем его щёки, губы и чесавшийся от щекотки нос. Вот белый «крупняшка» завозился, заурчал баском и начал, вздрагивая похожим на пипетку краником, отливать в рукав хозяйину.

Юрка потрепал малышка по холке.

– Отчаюга, что делает. Значит, при доме будет жить, примета есть такая.

Натруженно крякнула дверь, мать, видимо, наблюдала за сыном в окно.

– Есть-то думаешь идти? – вышла она на крыльцо.
– Ну, чево ты во всём новом расселся? Марш переодеваться!

Юрка махнул рукой: погоди, мол, затем радостно оглянулся.

– Мам, Пальма оценилась... пятеро у неё!

– Ох, какое зарочье случилось, если бы пять утят, поросят, куда ни шло, – мать зевнула, запахнула полы голубого фланелевого халата. – Иди, я щи разогрела, а то остынут.

– Иду, иду! Тощая стала, как щепка, сквозь шерсть рёбра пересчитать можно. Пять сразу, надо же.

Юрка был один в семье и, как ни удивительно, но он позавидовал собачьей компании.

«Подрастут щенки, – представил он, – весело им будет».

– Мам, я нынче пять получил! – вбежал счастливец на крыльцо. – Ни за что не догадаешься, по какому предмету!

– Как же не догадаюсь, – отвечала мать с иронией, – когда я в дневнике погляжу.

Юрка нырнул в дом. Брошен школьный костюм и пионерский галстук, распотрошён портфель – он поспешил на кухню, желая козырнуть. Мать наливала пахучие жирные щи. Раздуваясь от важности, герой сунул ей под нос открытый дневник, дёргаясь и щекой, и ногой от нетерпенья, мол, удостоверься.

– Ну-ка, ну-ка, а то, как батяня твой, врать не устанешь, было бы кому слушать. Переоделся, ешь.

Мать полистала мятый дневник, отложила его и, ничего не сказав, ушла.

– Что я говорил? Точно же пятёрочка? – самолюбиво крикнул ей вслед сын.

Он торопливо хлебал на подоконнике томлёные, тёплые щи, жадно глотал крошёное мясо и наблюдал за своей Рыжушкой. Вот собака встала, встряхнулась и продолжительно, с укором, посмотрела в сторону двери.

«Сейчас, сейчас, кости соберу, тебе вынесу, и шей с мясом оставлю», – с теплотой в сердце думал мальчишка.

Пальма ещё раз глянула на щенят и куцей рысцой засеменила в калитку.

«Ничего, вернётся и поест», – успокоил себя Юрка.

Он забылся, щи пролились на новые штаны, застыли блёсткой на полу, хлеб застрял за щекой – так раз мечтался. Он представил, как продаст щенков на Птичьем рынке в Воронеже за кругленькую сумму, ведь его собака такая умная, значит и породистая. Одного щеночка он обязательно «прикарманит», то есть оставит себе.

Стайка серых живчиков – воробьёв, слетев, облепила дрова и сливу.

– Сорок восемь и все арестанты, – рассмеялся Юрка, – один крошку украл, а всем, фр-р-р-р, приходится сматываться!

Воробьи и впрямь шумно сорвались и исчезли.

Он увидел, как мать, переодевшись, вышла со старой сумкой в руках, той сумкой, которой его пугали в три годика, мол, вот придёт злой Сидор, посадит «плохиша» в чёрную сумку и унесёт. Телогрейка матери была наброшена на халат, оттого она походила на смешного, доброго клоуна в чёрных огромных калошах.

– Вот вам и Пальма, скажу пацанам, ха! Те от зависти лопнут, точняк – и денег заработал, и щенок лучше Ромычева, хотя тот его за двадцатку покупал, – грезил купец-молодец, распуская толстые губы в довольной улыбке.

Похожая на смешного клоуна мать подошла к щенячьему гнезду и склонилась над ним.

«Что она делает, – дёрнулся Юрка, – в будку решила переправить, опилки ей, что ли, жалко?»

Его детское, ещё не очерствелое сердце наперекор хитрости и премудрым рассуждениям о купле-продаже вдруг тревожно заколотилось.

«Зачем она их берёт-то? Зачем складывает в проклятую сумку? – тут он в единый миг понял всё. – Нет! Нет! – сердце упало. – Нет! Не надо!»

Юрку охватил жуткий страх. Он никогда так не боялся Сидора, как испугался сейчас широкой спины матери. Мальчишка широко открыл рот, вжался губами, носом в стекло, замер, не дыша. Он всё ещё не верил, он всё ещё надеялся.

Мать складывала щенят в чёрную сумку. Затем она встала, не спеша взяла её и, переваливаясь, как бабка Варя, направилась в закуток. Юрка догадался – за лопатой.

Он выскочил вон и застыл на крыльце. Густо пахло свежестью от вскопанной земли, тянуло древесным дымом, кто-то запалил костёр, а по двору шла страшная, квадратная, хлобыстая калошами, его мать с лопатой и чёрной сумкой в руках.

Слова звякнули битым стеклом.

– Иди к ручью, там зароешь, а то я, видишь, не одета. Так за день ухайдокалась, еле ноги таскаю. Иди, я пока с мясом определяюсь: холодильник забит, в сенцах тепло, вот и думай, куда девать!

У Юрки округлились глаза, надежда и ужас были в них.

– Не надо, мам!

– Что, мам? – вскинулась Ольга Ивановна, темнея глазами. – Ты погляди, какой комнату оставил, что ты там натворил!

Сын опустил голову, стоял и неотрывно глядел на страшную сумку.

– Опять твой Дрюня приходил, пакость белобрысая?

– Я говорил, а он, как бешеный... кастрюлей швырялся...

– Господи, кому от чужих, а нам от своих тошно. В следующий раз с треском вышвырну! Деда сверзал, тот, бедный, не знает, что и делать, теперь тут взялся безобразничать. Чтобы ноги его больше в моём доме не было! Понял?

Говорила негромко, стискивая зубы.

– Понял.

– Иди!

14. «ЗНАМО С СЕЛА»

Пётр Иванович вызвался помогать хозяйке. Решил устроить себе желанный отдых. Он распахнул дверь времянки, чтобы проветрить комнату, вывесил пожелтое детское одеяло, пелёнки. Малышку в обед уложили спать на свежем воздухе, и мать увезла её на прогулку. Надо бы ещё сделать генеральную уборку да починить летнюю обувь, но не уважить хозяйку нельзя. Вечером собирались искупать ребятишек, а как попросишь ванную? К тому же хозяйка уже не раз напоминала его Елене, мол, цены на жильё повысились, и квартиранты с детьми теперь платят как минимум по пятьдесят. Скажет доплачивать по пятнадцать рублей, и никуда не денешься.

«А тут, глядишь, может и не скажет, седьмую весну, как-никак», – подумал с надеждой, домывая крыльцо и полной грудью ощущая запах только что наколотых дров, пресность гретой жести и сладость аппетитных щей одновременно.

Солнце жарко грело шею и спину, а стылый сквозняк задувал в потный бок снизу, было, как говорится, ни жарко, ни холодно.

Вот и на душе вроде праздник, вон как скворушка старается, насвистывает целым оркестром, и мышцы

наливаются силой, а голова, наоборот, отдыхает, только внутри нашёптывает предупреждающий голос: не забывай, чтобы одержать маленькую победу, нужно долго кормить большое войско, за благо надо дорого платить, неспроста же опять с женой поругались.

Решил обеда не ждать, хлебнуть молока с булкой и бежать. Висевшая на кольшке фуфайка, как секретарша старой хозяйки, напомнила ему, мол, пора, мой друг, давно пора. Догрыз кусочки хлеба, запил простоквашей из бутылки и встал быстренько, горько сожалея о том, что не сдержался. Он уже взял в привычку доедать за детьми остатки, желая и на этом как-то сэкономить деньги, хотя жена не хотела, чтобы он экономил на желудке. С Еленой с утра не разговаривали, она уехала с ребёнком на прогулку едва не в слезах, он упрекнул её за беспорядок.

Очень трудно досталась ей вторая дочь: месяцы на сохранении, родовая травма... в инфекции почти весь февраль, под капельницей...

«Пётр ты, Пётр – камень, сам же выл волком, а у жены уже седина, волосы выпадают... – корил он себя, – и ты срываешься, попрекаешь. Самому, чёрт бы тебя побрал, надо быть поразворотливей!»

Выключил газ, схватил фуфайку и побежал на огород. Хозяйка управлялась на низу, она наносила кучу опилок и перегноя – приготовила для него, для Петра. Следы её тяжёлых ног чётко выдавлены на мокрой чёрной земле. Вода с низин рассосалась, ил поблёскивал между грядок полопавшейся коркой. Клейкая липкая грязь, вперемежку с мульчей и навозом считалась ценным удобрением.

Грядки тянулись высоко. Только у сада да на самой низине клубника не росла. Сочный лук-батун водянистыми пуками зеленел рядом со стёжкой. Чеснок зелёными иглами проколол мягкую почву и ровно в шесть

рядов выстроился на трёх грядках следом за луком. Мать-и-мачеха, словно из уважения к хозяйке, метила золотистыми, похожими на монетки, цветами стёжку.

Учитель, как мальчишка, воровато глянул в сторону низа, щипнул тройку листьев пахучего и совсем не горького лука. Съел скользкие и горьковатые трубки махом, сглотнул слюну, желая ещё.

У его матери не такой огород, куда больше. Чернозём. Похожий на длинное полотенце, он отделялся от других участков высокими стёжками, прозванными за росшую на них пышную траву гривками.

В каждом селе, как говорится, по-своему с ума сходили: в одном сажали лук, в другом – подсолнухи, в третьем – веники, мать – напролёт – картошку.

Зелёные в бурых окантовках, как в гнёздах, кусты клубники курчавились по грядкам.

«Вот сорта, – удивлялся Пётр, – слегка приплюснуты к земле, а как будто и под снегом, и под водой росли».

По широкой, будто слегка вдавленной долине, всюду на огородах копались люди: рыли, возили, городили.

– Здравствуйте, – громко крикнул учитель, так как старушка была с глушью, – началась потеха с землёй, ради ягодки золотой.

– Уж и руки посинели, и колотье прострелило, – простуженным голосом отвечала хозяйка. – Просила Господа, поможи, а он – сама, раба, не лежи!

Он присел подле, потеребил удивительно рыжий весенний колосок хвоща.

– Мне что делать, прорывать?

Было время, на этот вопрос тётя Маша усмехнулась недоверчиво – «а умеешь», но увидела в деле, похвалила: «Знамо с села».

– Намешивай, что я вон для тебя приготовила, и совковой лопатой разноси. Начинай-ка с крайних грядок, я там листву обшкарпала.

И улыбался, и грустил Пётр – и желанная, и чужая земля, терпко пахнет тинной и липнет, как клей. Чуть сошёл с тропы, и на сапоги нависли пудовые ошмётья.

«Ослаб, – удивился, – еле ноги волочу, а раньше мог целый день намахивать. Уходит молодость, уходит сила».

Разом вспотел, от кислого молока появилось ощущение изжоги и голода. Как наваждение, стали всплывать щи, да ещё приправленные зелёным лучком, а потому слушал невнимательно.

– Сына моего старшего в Воронежу свекровка сверзала. Был кровь с молоком, а стал, не хужея тебя, шкелет шкелетом. Уж я нет-нет, а деньжонок ему подсуну, нехай подхарчится.

Хозяйка страдает одышкой, её землистое лицо болезненно морщится, но пальцы проворно шарят по земле, обирают кусты. Привычка – вторая натура. Это его уже замутило, остановился передохнуть.

– Вы про Николая говорите? – спросил.

– Про него, все ручки объела, сколь просила, не езжай, дьявол, из дома, нет, не послушал.

Мать тоже упрекала сына, напоминала о своей старости и по-своему была права. Думая об этом, Пётр Иванович всегда задавался вопросом: ради чего он столько учился? Ради того, чтобы мать с гордостью называла его учёным, раз он шестнадцать лет «по улицам не гонял, а книжку целовал», нет, пожалуй, не для этого, тогда для чего? Конечно, ради того, чтобы добиться успеха в жизни. Но знала бы, старая, в каких он остался дураках. Хотя как остался? Быть учителем – значит приносить себя в жертву – так надо понимать предназначение свыше. Разве не этим мы гордимся, не за это ждём соответствующей награды? Вот уже десять лет он терпеливо ждёт. Дети, то есть ученики, не понимают его страданий, им вполне хорошо. По хромосомам

или наследству память об этих страданиях не передаётся, как бы ни мучилось и ни голодало старшее поколение ради будущего.

...Но погоди, погоди, ради чего же, выходит, он учился, окончил институт с красным дипломом? Чтобы не иметь права на... всё, или жить как все – цивилизованно, по заслугам? Кто заплатит за его способности? Неужели он будет унижаться? Бабка Алёна не захотела унижаться, не стала побираться в голодовку и умерла, а дед пошёл, побирался, унижался и родил Ивана, а тот – его, Петю, кто прав, кто?

А может, учим одному, а в жизни нужно другое, может, в жизни надо всего добиваться умело, по-хитрому? Вот он для Клавдии Августиновны, директора школы, можно сказать, стал своим. Конечно, в этом году его опять обошли, квартиру отдали сыну председателя горсовета, но он стерпел, не высунулся, ведь его семье же лучше.

«Зато теперь мне положена трёхкомнатная, и следующую квартиру получу я, – он усмехнулся, – а военрук подождёт, у него детей нет. Дела помаленьку разворачиваются: родитель помог достать дефицитных лекарств дочке, теперь мать Юры Козырева снабжает семью мясом, хотя сначала я пытался отказаться. А за мясо и стираем в ванной, и на газе готовим, мочёные яблоки дают деткам за мясо-то. Да, с мясом хорошо, но, переступив раз, теряешь уважение к самому себе. Ощущение такое, будто влез в шкуру с чужого плеча, вроде и удобно, да тошнит от запаха. Нет, это меня замутило от усталости, с непривычки. Пожалуй, трёх грядок хватит. Пока туда да сюда растаскал, дополнительный замес сделал – часа два прошло, не меньше, пора идти обедать».

15. НЕТ, ТЫ НЕ УБИЛ ИХ

Юрка должен был отказаться, всей натурой должен был отказаться. Но он сделал как раз наоборот. Он сделал так из-за страха. Холодными пальцами взял сумку и лопату.

Мать привыкла сама и с малолетства приучала сына «слушать её». Если мальчишка упирался, начинал проявлять любопытство: «А зачем?», она нетерпеливо и сердито кричала: «Ты будешь меня слушать или нет?» Её зелёные глаза то темнели, то белели в приступе ярости. Руки хватали за волосы и начинали тыкать мальчишку, как щенка, – носом в стол.

Злое одёргивание шёпотом, шлёпанье с трёх лет, стеганье хворостиной с шести научили «слушать». Зелёный и нежный травостой открытости и доверчивости оказался смятым, цветы жалости сорваны, в душе прорастал чертополох страха, обманчивый дурнишник. Любят взрослые водить своих чад по таким полям под великолепный марш: «Если он тебя слабей, подойди к нему и бей!»

Юрка шёл придавленный, злой. Почему вышло не по его?

– Проклятый Дрю, нос расквашу, – стиснув зубы, сопел он, – из-за тебя в доме бардак, вот мать и злая... и ты ещё не вовремя оценилась, – упрекнул и собаку заодно, затем обиженно сплюнул. – Отец вон тогда сразу рубль дал, а ей и пятёрку по географии показал, и дров сколь напилит, а она всё равно орёт.

От несправедливости в груди вскипали горечь и обида. Ему хотелось теперь делать назло.

– Да, зарюю, зарюю, только подавись! – невольно повторил он привычные слова отца. – Привязалась!

Стало просто – зарыть. Даже шаг прибавил, словно и впрямь это будет матери в укор. Он огрызнулся на

укол своей же совести, мол, раз вам меня не жалко, то и мне не жалко. Мать виновата, она приказала, при чём тут он? Сердце ожесточилось.

Под жёлтой, пахнущей мёдом ракитой, возле заросшего резной осокой Семёновского ручья Юрка вырыл в податливом, затхлом от ила песке широкую ямку. Постоял на берегу под свежим ветерком, следя за прыгающими пятнами света и тени, что пробивались сквозь ветлы от побагровевшего, «расстроенного» солнца.

«Неужели ты, слабак, испугаешься... ха, раз плюнуть! Породистых тут нет, купить никто не купит, а так, какой прок кормить вас? Нечего...»

Решительным жестом схватил сумку, сделал это резко, наступил на притулённую к кривому стволу лопату и, споткнувшись, сунулся о край заступа ногой.

– Чёрт бы вас подрал! – выругался про себя и с холодной злостью вывалил пёстренькую шлёпку в блеснувшую водой ямку.

От удара и внезапного холода слепышки проснулись, заскулили и закопошились, наползая друг на друга.

– Ещё пищать! – выругался мальчишка, злясь на жгучую боль в ноге. – Долго с вами не буду возиться!

Он выпрыгнул на берег и начал с силой рубить лопатой, рвать с корнями песок вместе с грязью. Мигом набросал холмик, под которым придушенно плакали обречённые щенята.

Остановился, замер, тяжело дыша. И тут, преследуя, нахлынула жалость.

«Пупок, Пупок, зачем сделал, кому что доказал?» – спросил себя.

Задыхаясь, из последних сил стонали несчастные малышки. Жалея их, возмущённо трещали лягушки. Мерцающий пером скворец-домовик присел на плачущий холмик поискать червяка и тут же, закричав

сердито, улетел прочь. Где-то в стороне, близкой к Юркину подворью, завыла собака. Не Пальма ли почувала гибель своего потомства? Могла ли она поверить, что их убил её верный друг и хозяин?

Дело сделано, можно возвращаться.

«Иди, матери похвались, теперь и она рублик даст, – передёрнулся, – ты же за-ра-бо-тал».

Он трясущимися руками схватил лопату и злобно набросился на ненавистную ему сумку, словно она была виновата.

А щенки плакали, только тише, тише.

«Не мог их просто под кустом оставить всё в той же сумке», – Юрка почувствовал, что совершил непоправимое. Он вдруг отчётливо представил настороженные глаза Пальмы под чёрными хмурыми бровями, ведь как чувала «лисосья», не доверяла никому. Что он теперь ей скажет?

Тяжело дыша, Юрка подошёл к холмику и, словно в угаре, спешно разрыл его. В сером месиве валялись совсем не похожие на щенят грязные комья. От них не пахло терпкой жжёной серой, разве что затхлой водой. Сердце сдавил ужас.

Он стоял, зачем-то переворачивал чумазые трупики один за другим и вспоминал с тоской, как по очереди брал тёплых щенят на руки и ласкал всего какой-то час назад. Ну, почему он их не оставил под кустом, просто не оставил? Потом пришёл бы сюда с Пальмой. Не в силах больше «любоваться» на своё творенье, отошёл, отвернулся, сжимая и разжимая красные кулаки. Теперь щенята были мертвы, и их нужно было закопать ещё раз.

Юрка вновь начал копать ямку, суеверно оглянулся и испуганно вздрогнул: белый, грязный комочек пошевелился. Мальчишка дико вскрикнул, сам не зная почему, схватил ожившего щеночка и бросился вон

со страшного места. Ветви, будто сабли, секли грудь – глубоко, напополам, и там зияла ссадина.

Он остановился возле поваленного дерева, где извилистый ручей делал поворот, начал спешно вычищать изо рта и из ушей щенка песок. Малышок дрожал, отогреваясь в ладонях, но пришлось окунуть его в воду, а уж потом сунуть за пазуху.

«Господи, а вдруг и остальные живы...» – ноги уже, не разбирая, понесли обратно. А вот и цветущая золотистая ракета, а вот и щенята, то есть... копошащиеся грязные комочки... Слава Богу, живые! Надо их обмыть, обогреть... скорее, скорее... он собрал их в злополучную сумку и бросился к воде. Мыл, чувствуя до ломоты холод ладоней, потом грел на груди, выпрашивая прощения. Потом долго сооружал из сухой листвы, ветвей тростника и листа кем-то брошенного ржавого железа временный домик для питомцев. «А пусть остаются прямо в сумке, – решил, вставая, потом спохватился. – А если щенков заберут? Вернусь с Пальмой, а их уже нет? Лучше будет, если одного возьму, вот этого, белого...

– Простите меня, родненькие, я обязательно к вам мамку приведу.

Он возвращался домой окружным путём. Стоял тихий лиловый вечер. На низине луга выглядывали из-за листьев и смеялись золотыми глазами купальницы. Плесневый запах прелой листвы с привкусом горьковатой коры ольхи перемешивались с холодным, неприятным духом подступающей ночи.

Юрка шагал и не замечал ничего этого, его преследовал удушливый серный дым, он шёл угрюмый, злой, бережно придерживая греющегося за пазухой беленького кобелька.

У соседского высокого, из плотных досок забора увидел кутающуюся в старую фуфайку мать, о чём-то разговаривающую с дедом Леоном. Он инстинктивно

спрятался за ствол старого вяза, уткнувшись лицом в жёсткую кору. Мальчишка решил подождать, пока уйдут «эти», а потом кликнуть Пальму.

Голос матери был удивительно спокоен.

– Левон Семёныч, у тебя человечка нет, кто мог бы нашу собачку забрать? А то мы же переселяемся, квартиру дают.

– Вон как вам подфартило, а наша сторона не получит ни хрена! Повезло, так что нечего о собаке какой-то голову ломать, пушай бродяжкой бегают.

– Мой дуралей с ней таскается, сюда повадится приходить...

– Тогда надо пристрелить, нехай.

Юрка колупал кору ногтем, бил, осушая пальцы, по сухому суку кулаком – вон и Пальме конец. А рассудительный бас деда рокотал так спокойно, так мирно, будто речь шла о том, что на земле с этого момента рай наступил. Он пыхнул папироской.

– Можно, конечно, свесть, ну, желаешь, на свалку, для близиру, как я своего кобеля. Сбесился, зараза, Ваню Гоманка, сволочуга, искусал. Сначала на верёвку привязал, так, тварь, перегрыз, назад прибёг. Тогда я его на проволоку прикрутил и там оставил.

Темнело, но Юрке было видно щетинистое лицо деда, окутанное сизым, плывущим дымом, сбоку виднелась широкая спина матери.

– Не, я не поведу, – вздохнула Ольга Ивановна, переступая ногами по хрустнувшим веткам. – Своему зайкнулась, он забранился, мол, тебе что, не жалко.

– Мягкотел, вот и хоронится от всех, как улитка в ракушку, днями его не видать.

– Он, дубина, только пить здоров! Из долгов не вылезаем.

– Вы своё наверстаете. Что упускать, коли счастье-це гужом тикеть.

– Ага, кому счастье, а кому одни напасти!

Помолчали. Сумерки спускались всё ниже, всё гуще делался воздух, всё мутней. Темнело. Юрка уже мог не опасаться, что его заметят.

– Слышь-ка, вспомнив важное, кашлянул дед, – Алексея попроси, он у вас в милиции служит, пистолет имеет... бабахнет – и готово.

– Точно, надо ему сказать, – зябка поёжилась мать. – Весна весной, а счѐй-то холодрыга.

Они разошлись, оставив Юрку наедине с собой. Злые холодные сумерки сжали дом в тѐмных мохнатых лапах и сдавили в бесформенный чѐрный ком. Куда теперь идти? Мальчишка стоял в нерешительности. Хотелось найти Пальму и покормить щенка. Он, напряжѐнно шаря глазами по залитому тѐмно-серым мраком двору, подошѐл к крыльцу.

– Ну, что, щенков определил? – стеганул кнутом хриплый и любопытный голос деда Левона.

Юрка вздрогнул, растерянно остановился, выгнув сутуло плечи. Глаза шарили по земле, кровь с шумом стучала в ушах. Он поспешно хлопнул калиткой. Голос догнал.

– Слухай, Юрка, к тебе мой внук Андрюшка взавтра не придѐть случаем?

Юрка не отвечал, молчаливо лазил по тѐмному саду. Несколько раз подходил к опилкам, но там, кроме серного запаха и охладелой сваленной шерсти – никого и ничего.

«Где, где она?» – метался мальчуган, стараясь не слышать всхлипов щенка за пазухой. Он бестолково бродил по саду и по двору, забыв от пережитого потрясения, что будь собака дома, она сама давно нашла бы его. Но ему казалось, что Пальма прячется, скрывается где-то за кустами или за сараем. В углу за времянкой он наткнулся на кучу земли, закрыл в испуге глаза, но в них, как наяву, увиделся плачущий холмик.

Выходил дважды на скрипучее крыльцо дед Левон, и оба раза мальчишке хотелось швырнуть в огонь папироски камнем. Он был зол и на мать, и на соседа.

«Вон вы, оказывается, куда Топсика дели!.. А теперь и Пальму мечтаете определить, – грозил кулаком, – только обломаетесь, больше ничего у вас не получится».

Собаки Юрка не нашёл и не дождался, щенка завернул в тряпочку и спрятал в старом сапоге, в закутке. Сам промёрз, в дом полез через форточку. Уже перевернулся и коснулся ногой подоконника, но тут в комнате зажёгся свет. У стены в длинной белой рубашке стояла мать, смотрела с удивлением.

– Аль ополоумел? Дверей, что ли, нет? Чево хорошишься? Я переживаю, мне завтра рано вставать, а ты!

– Не подходи ко мне!

– Ох, ох, штаны порвал! Знаешь, сколько я заплатила, паразитина?

– Не подходи! – звонко, с остервененьем закричал Юрка. – Не надо мне твоих штанов... не подходи!

– На мать не ори! – грозно шагнула вперёд Ольга Ивановна. – Говори, что случилось.

– Стекло разобью! – истерично взвизгнул сын.

– Ты что, ошалел? – одумавшись, мать остановилась, тоже тяжело дыша. – Ладно, не будет тебе ни мопеда, ни драндулета. Собиралась купить на днях, а ты как развернулся. – Она, поправив рубашку, схватила с вешалки пиджак.

– Не нужен мне твой мопед! Где Пальма?

– Минцанер увёл и пристрелил, что стрескал?

Кажется, тренькнуло стекло. Нет, то лопнула струна, за которую держался Юрка – нервы его не выдержали и лопнули.

– Ты всё обманываешь, всё-всё! И не подходи! – забился он в истерике, чудом держась на подоконнике.

Мать, набежав, ловко схватила сына за холодные красные руки, дёрнула вниз и, не обращая внимания на опрокинутую герань, звонко треснула по лицу.

– На, дрянь такая, на! То джинсы ему, то мопед, то куда собаку дели... забыл, чьё мясо жрёшь каждый божий день...а ну уймись, уймись, что с тобой?..

Юрка будто рвался из постромок, бился о материны руки и рыдал.

– Это ты... ты заставила их... убить! – дрожал он осенним листом и лязгал зубами. – Ты, ты, ты!

– Кого? А, ты про щенков, всего-то, – отшатнулась мать, – я уж и забыла о такой ерунде. Слабенький какой, кренделя тут выделяешь – щенков жалко, а матери родной не жалко? – Ольга Ивановна всхлинула.

Сын вздрагивал телом и отрешённо молчал. Мать, пытаясь успокоить, приподнялась, вытирая глаза. Сказала жалобно:

– Сказать по правде, сама не знаю, где собака. Убежала, и нет её.

– Не обманывай, – заплакал Юрка, пуская пузыри на яркие горевшие губы. – Я слышал, как вы с дедом договаривались её убить.

– Пойми, глупой, так лучше, не возьмём же мы её на квартиру.

– Чумак на свалку отве-дё-о-от и про-воло-кой при-кру-ти-ит.

– Хватит, здоровенная дылда, а ревёшь из-за пустяка. Сумка с лопатой цела? – мать сняла пиджак.

– Там всё...

– Дурак, каких свет не видел! И сумку, и заступ оставил. Завтра сходишь и заберёшь, понял?

Мальчишку знобило. Он закрывал глаза и слышал плач щенят, затыкал уши и всё равно слышал, упрашивал Бога, чтобы закопали его самого.

Часа в два встал, тихонько прошёл на кухню и налил молока в бутылку. Долго искал и не мог найти соску, вышел без неё, боясь, как бы щенок не издох. Нет, малышок скулил. Тряпочка была мокрой и охладилась. Юрка опять сунул «беляшку» за пазуху – греть. Попробовал дать молока из бутылки, только себя облил и мордочку щенку намочил. И тут мальчишку осенило: он сам хлебнул молока, раскрыл щенку пасть, сунул туда свой язык, свернув его трубочкой и начал поить. Дрожа лапками, утыкаясь мордочкой в губы, «псинка» жадно зачмокал, засосал Юркин язык. Завтра он обязательно принесёт молока остальным щенятам, обязательно...

16. НОВЕНЬКИМ ЛАПШУ ВЕШАЙ

О случившемся никто не знал, а мать – в таких вопросах мальчишки – заядлые правдоискатели – сама была виновата. Мать и сын не обмолвились и словом, но между ними возникло негласное соглашение – об этом помалкивать. Они даже не виделись утром: Ольга Ивановна ушла на работу, когда Юрка ещё спал, ведь ему нужно было к третьему уроку. Тем не менее, проснувшись, он знал наверняка решение матери.

Отец не вернулся с шабашки, и матери пришлось запереть дверь на внутренний замок. Юрка не понял: не то сам проснулся, не то стук разбудил. Он выглянул в окно и отпрянул: у двери стоял непричёсанный Дрюня.

Мать Андрея Дранных тоже носила растрёпанную причёску и имела хлёсткое прозвище – Кошка драная. «Шестерых, окромя родного», как выражалась соседская бабка, пришлось мальцу называть папой, потому отца вообще не стало.

Нередко за окнами слышался чуть визгливый, сильный голос: «Ах, зачем эта ночь так была хороша?..» Мать любила петь, выпив вина.

Сын приходил домой и кого там только не встречал! Лицезрел в своём доме и пьяного отца Юрки в ночное время, хотя дружку об этом не сказал. А когда попался с велосипедной кражей, то узнал следователя в красных погонах, которого тоже видел в своём доме пьяным, в неприглядном виде.

Взрослые много говорили ему о всяких правилах и порядке надоели. О правилах, наверное, матери надо было говорить, но выполняй она их, то и сына у неё не было бы, так что Дрюня был рождён против всяких правил, то есть вполне по-человечески, и был, как подобает, – из одного места – ветер, из другого – дым.

Он старался как можно реже бывать дома и походил на бездомную собачку. Претило, когда очередной «папа Серёжа» располагающе усаживал за стол с водкой, путая с матерью, лез обниматься.

Нужно было где-то ночевать и питаться. Ночевал в теплосети, в школе, изредка у деда Левона, но с едой дело обстояло хуже. Дома – ничего, дед тоже не баловал, только Козыри подкармливали мясом, а потому и зачистил к Юрке. Стоял сейчас, глотая слюнки, и сердцем чувял, что его не хотят пускать.

Он специально погромел обувью по крыльцу, сбегая, и нырнул к крайнему окошку. Так и есть – его наблюдают.

«Козёл!» – сплюнул Андрюха, сунул руки в карманы и неторопливо пошёл к деду. По пути заглянул в пустую собачью конуру, поддал ногой блюдечко.

Юрка облегчённо вздохнул: «Припёрся, ждали побироску». Унимая внутреннюю дрожь, он жадно выпил черпак ледяной воды.

В школе Юрка приветливо кивнул дружку, скорее по привычке послал Дрюню за талончиком к старшеклассникам, пообещав суп. Тот, кольнув глазами, вежливо отказался.

– Уже сыт. Поел, когда ты мне дверь не открыл.

– Ключа не было, – попытался оправдаться Юрка, испытывая нервную дрожь.

Пристальные Дрюнины глаза ответили усмешкой.

– Не ври!

– Что? – у Юрки затряслись коленки, сжались кулаки, из-за кого так со щенками получилось, в конце концов.

Гордость особенно болезненна в том, кто унижен. Дрюня прочитал мысли Козыря в его потемневших глазах, но шагнул специально ближе.

– Кладут во что? Раскозырился... но я тебе не Пальма со щенками, усёк, Васёк?

Душный запах серы мешал дышать. Юрка, покрываясь пятнами, отступил.

– А что, собака нормально, – пробормотал он растерянно, – отец со щенками в деревню увёз.

– Новеньким лапшу на уши вешай, раскручивай, а передо мной заподянки не получится. Знаю твою деревню... видел кое-кого на низу с лопатой.

Андрюха ушёл, а Козырь стоял, сжимая и разжимая оцарапанные пальцы, глотал комок в горле.

«Проклятуший Чумак рассказал, больше некому», – догадался он.

Он долго стоял, горько сожалел. Как просто, и что он не догадался сразу отправить собаку в деревню. Удрать бы и спрятаться у деда Ивана.

«Найду, обязательно туда отведу, – решил упрямо. – А после уроков рвану к щенятам, может быть Пальма уже там».

17. В ВЕСЕННЕМ ПАРКЕ

Пётр Иванович специально надел тёмно-вишнёвый спортивный костюм, он решил сегодня вволю набегаться со своей командой по парку.

– Идите одни в парк, нас не ждите, – собирала старших детей Елена. – Я подремлю, пока Галулька не проснулась, а потом вас найду. Будьте там же, где всегда, у Апельсиновой горки.

Апельсиновую горку днём открыла трёхлетняя Анюта. Открытое солнцу местечко пряталось недалеко от сосняка за двумя семьями высоких и раскидистых дубов, которые росли из одного изумрудного мшистого гнезда...

Звоночек – так он звал старшего Васю, начал считать дубы, то есть стволы дубов. Малыш уже к концу третьего года чётко выговаривал рычащую букву, а в четыре с половиной года умел считать до десяти.

– Один, два, – тыкал он чуть согнутым пальчиком в сторону тёмной коры, – три, четыре, пять, согнутый сес, то есть шестой, какой прячется, седьмой...

А Анюта застыла в изумлении, перед ней возвышалась совершенно оранжевая от цветущих одуванчиков, залитая солнечным светом, горка.

– Папа, папа, – позвала она тогда взволнованно, – посмотри, какая апельсиновая гока!

С тех пор Апельсиновая горка стала их тайной.

Словно специально для Петра Ивановича и его весёлой гвардии в парке птицы давали залиvistый и разноголосый концерт. Соревновались между собой забористые зяблики, тенькали и пенькали звонари-синички, даже воробьи и те оглашённо чиликали и спорили между собой. Там и сям дробно барабанили дятлы, нахохлившиеся сойки мяукали кошками и высвистывали флейтами. Казалось, молодые сосенки с краю парка

танцевали в своих светло-зелёных с желтоватым отливом платяцах, там и сям украшенных желтеющими пуговицами тронувшихся в рост почек.

Парк был светлым, залитым ярким апрельским солнцем, живым и тёплым. Он, радуясь малышам, хитро улыбался смешными рожицами, которые легко можно было разглядеть на стволах деревьев. Для ребят же он был большим и таинственным лесом.

Маленькая Анята любопытно морщила нос, таращила синие хитрющие глазенята из-под голубой шапочки и, хватая отца за руку, тянула и тянула вперёд.

– Камаиков набеём, на масинке повезём.

– Звоночек, идём в сосны собирать шишки.

Вдруг, вот удача, Пётр Иванович услышал шорох палой листвы под высоким дубом в кустах крапчатого бересклета, он подошёл и увидел ёжика. Радуясь, словно маленький, его недовольному фырканию, присел, касаясь ладонью вздрагивающих острых игл. Молодой ёжик мигом свернулся в колючий клубок.

– Ребята, – восторженно позвал Пётр Иванович, подцепив недовольного фырку пальцами с мягких седоватых боков и снизу, – смотрите, кто у меня в руках? Вась, Анят, вы где?

Остановились две молодые мамы с колясками и с двумя девочками. И взрослые, и дети с удивлением и нескрываемой радостью говорили:

– Смотрите, ёжик!

– Какой смешной и колюченький...

Ёжичек серый, кончики иголок седые. Повис на пальцах и развернулся в ладонях умной мордочкой, водит чёрненьким носиком, глазками-смородинками в седеньких кружочках глядит.

Анята подбежала, распахнула, как она умеет, огромные, как у мамы, синие незабудки глаз, рот открыла, руки протянула, да так и ахнула от восторга.

– Папа, я поделзу, и я хосю! Дай!

Звоночек тоже отца услышал, взглянул с любопытством в его сторону, как тому подумалось, на ёжика.

– Доча, сына, на ёжиковы ножки, обутые в чёрные кожаные сапожки, полюбуйтесь.

Звоночек шагнул ближе, потом подбежал к рукам отца и, глядя через них куда-то вперёд, прозвенел восторженно:

– Ой, какое большое, какое красивое колесо!

Пётр Иванович удивлённо оглянулся, проследил глазами, куда же смотрит сын. В ямке валялось наполовину засыпанное бурой листвой колесо от легковой машины со старым ржавым ободом. Да-а, ничего не попишешь, вот уже больше полгода его Васятка болеет колёсной болезнью.

Волшебная полянка за Апельсиновой горкой стала совершенно синей. Звоночек помчался по ней, как белый парус по лесному озеру, при этом рычал и изображал машину:

– Пчёлка-шмель – мотор для моей машины, а божья коровка – кабина друзей-путешественников! – звенел его отчаянный голос.

И тут он набежал на сестру Анюту, пухлощёкую и жизнерадостную. Больше всего на свете она любила улыбаться всем и всех жалеть. Анюте повезло: гуляя по дорожке, она нашла блестящий крупный шарик с тёмной полоской в середине. Шарик был довольно тяжёлым, так как был сделан из металла. Она достала из кармана шар и показала брату. Звоночек увидел, протянул ладошку и потребовал:

– Дай эту семяну.

– Моя, – ответила толстенная Аня, темнея глазками и прижимая шарик к груди. – Не дам!

– Давай семяну посадим, – предложил малыш и побежал за своей красной пластмассовой лопаткой.

Анюта увязалась за ним, затея ей понравилась.

– Давай, – согласно кивнула она. – А что выластет?

– Травка, – уверенно отвечал Звоночек.

– Нет, не тлавка, я видела, как мамка тлавку сеяла, сыпала из пакета много малюсеньких купинок.

– А что же? Подсолнушек, да?

– Он из чёлных семечек выластает.

– Тогда тыковка?

– Она из бееньких большых.

Непростое это было семечко, блестящее. Звоночек даже засопел от досады. Так ему захотелось узнать, что же вырастет из такого большого и блестящего семечка. Он подумал-подумал и торжественно объявил:

– А я знаю, из каменных семян растут дома, а вот из зе... из железных растут... машины... для дружъёв-путешественников.

– Каких длузьёв? – не поняла Аня.

– А вот вырастет из семянка машина, мы сядем и поедем в город, где много-много разных машинок живут, будем дружьями-путешественниками.

Посадили они это семечко на поляне за Апельсиновой горкой, окопали, полили из оранжевой леечки, даже веточками огородили.

* * *

Шло время. Анюточка давно про блестящую семяну забыла, а Звоночек упорно водил отца на волшебную поляну. Исчезли синие колокольчики, зато вылезли другие разные травы. Надели белые шапочки одуванчики, а волшебное семечко всё не прорастало. Васёчек переживал, гадал вслух, какое же оно такое железное дерево, на котором машины растут? Так малыш ждал и верил, что однажды после лёгкого дождика, когда и на дубах стали появляться одежды из нежно-зелёной

листочковой ткани, случилось необыкновенное чудо. Пришли папа со Звоночком на заветную поляну и ахнули.

– Папа, выросла, машина из зе... из железной семяны выросла! – закричал мальчонок. – Ура! Ура!

И впрямь с краю небольшой полянки у Апельсиновой горки блестело металлическое дерево, на котором висела красная, большая и совершенно новая игрушечная поливальная машина.

– Это же, – набежал Звоночек, впрямь звеня колокольчиком и стараясь перекричать пересвистывающихся синиц и зябликов, – это же мой компотовозик из семяны вырос! – руки подхватили бесценный плод. – Папа, надо ехать срочно! Там друзья-путешественники пить хотят ужасно... мы их сейчас компотиком угостим, всех-всех угостим: и другу пенёчку нальём, др-рын-др-рын, и грибному царю чашечку дадим, и весь желудёвый детский садик напоим, правда, др-рын-др-рын... Эй, ребята-желудята, сюда сбегайте, свои кружечки подставляйте, прибыл компотовоз, он всем чаюху привёз!

Дерево было старым велосипедным рулём, с которым Звоночек любил бегать вокруг дома, изображая машину, а поливалка прежде продавалась в детском магазине, но это уже было совсем не важно. Кстати, Анюта на Апельсиновой горке тоже кое-что интересенькое нашла. Она тоже теперь, как и мама, качала и убаюкивала на руках ляльку, звала Галей.

18. МЫ НИЧЬИ

Оставленного белого щенка Юрка назвал Топсиком. Он терпеливо, но спешно учил уроки, затем бежал на секцию, захватив бутылку молока.

Мать и отец были довольны: собаки не стало, и сын остепенился, а секция самбо и силу даст, и уменье в драке.

Мальчишка спешил в сторону комплекса, оглядывался, не видит ли кто, и сворачивал в сторону, к колдцам теплосети. Поспешно лез в тёмный подвальныйчик, туда, где его ждал нетерпеливый друг.

Щенок скулил, взлаивал, стремясь на волю, вылизывал ему щёки и с жадностью, наливаясь бочонком, лакал молоко. Юрка ласково трепал тоненькую шею, мол, ешь, ешь.

Друзья уходили на низину за дамбу, там подолгу резвились наперегонки.

Белый, с чёрными пуговицами глаз и завитушкой короткого хвоста, вечно дёргающегося осколепчика, Топсик проявлял неуёмную прыть и ловкость. Он азартно гонялся за мальчишкой, звонко лаял от возбуждения и пытался игриво кусать его за ноги.

Иногда мальчишка останавливался, хватал и тискал мякотьную куклу, как сумасшедший, так что щенок взвизгивал, суча толстыми, сильными лапами, вырывался и бросался наутёк.

Устав, весело пили, наклоняясь с травянистого бережка и свешиваясь так, что чуть шея не отрывалась.

В чёрно-голубом отражении Юрка видел белое облачко с красным лоскутком трепещущего язычка.

Топсик громко лакал воду. По запруде шли, закруглясь, волны – голова Юрки, мордочка щенка, кусочек начинавшего зеленеть берега приходили в движение: щенок волновался, совался носом поглубже в воду, едва не сорвавшись, отскакивал, чихая, бросался прочь.

Охотничий инстинкт гнал его за мухами, и он, подпрыгивая, звонко клацал зубами. Неугомон залезал в осоку, сочно зеленевшую на пути ручья, и с треском

шарил там, тревожа птиц. Скусывая нежные молодые ростки трав, щекотал нос, смешно фыркал и стучал нетерпеливо, по-заячьи мокрыми лапами.

Раздолжны и зелены заливные луга. По ним, тоже наперегонки, бегали рогатые чёрно-белые птицы. Они взлетали и кружили над головой, с тоской спрашивая: «Чьи вы, чьи вы?»

– Мы ничьи, – отвечал им Юрка, – ничьи».

И опять на него словно накатывало: хватал тугого, вырывающегося щенка и мчал, мчал, то есть бежал до одури.

Хотелось раствориться в сини донских низин, навсегда исчезнуть в рыжем краснотале, спрятаться от самого себя, сунувшись под плети колючей ежевики.

Не убежав, лежал неподвижно, глядел в высокое и тихое небо. Плыли грязными серыми комочками облака – останки тех, кого он закапывал. Какая же пустота была в сердце – просто наказание Божье! Да, он тогда вернулся к ручью, но ни сумки, ни лопаты не нашёл. Пальмы и щенят там тоже не было.

Топсик-неугомон вертелся тут же, пыхтел, утыкался холодным носом в щёки, лизал их, скуля от нетерпенья, залезал грязными лапами на лоб, соскакивал, виляя хвостом, заглядывал в глаза.

– Стыло ещё, – ощущал холод от сырой земли вспотевший мальчишка, – отвяжись.

Как-то он притащил из дома куриных косточек и кусок варёной колбасы, желая порадовать питомца. У входа в теплосеть увидел сварку, рабочих... и тут же катающийся белый колобок.

«Плохи дела, – понял Юрка, – так нам долго не продержаться: или Топсика уведут, или, что ещё хуже, узнав про обман по поводу секции, мать дома засадит». Помыслив, он решил снести щенка в школу.

* * *

В строгом чёрном костюме, с красной повязкой на рукаве, классный руководитель, как дежурный, ходил по коридору из Ленинской рекреации в рекреацию воинской славы. Многочисленные громоздкие стенды были ободраны и разрисованы, на звёздах написана всякая чепуха, но стоило стереть художества, как появлялись новые, потому на это не обращали внимания, хотя военрук на каждом собрании ругался, грозился привести стенды в порядок.

В Ленинской, более тёмной рекреации были разбиты выключатели: любили лихие каратисты устраивать короткое замыкание, разбегаясь и ударяя по стене ногами.

«Надо предупредить администрацию, – поспешил вниз по лестнице дежурный учитель, – а то на меня повесят прошлые неполадки».

Он встретил Юрку с удивлением: рано тот явился, к тому же не в форме. Правая рука мальчишки прижимала оттопырившийся карман куртки, ноги переминались.

– Пётр Иванович, здравствуйте.

– Здравствуй, Юра, на продлёнку, что ли, пришёл?

Учитель покосился на выпучившийся бок куртки – что там?

«А если пакет с язычками? – оробел он внезапно. – Сейчас вынет». Он оторопело огляделся.

– Это... Пётр Иванович, я вам принёс...

– Что? – схватил его за руку учитель, заглянув пронзительно в зелень глаз.

– Вот, смотрите, – Юрка, по-детски улыбаясь, полез под куртку и достал белого пушистого щенка.

Пётр Иванович не ожидал, он расхохотался: то снега сугроб на голову, то сахара из-за пазухи ложку, так и пробуем всего понемножку.

– Хорош! – воскликнул он. Рукам сразу захотелось потрепать и поласкать белую тугую штучку с чёрной пуговкой посредине.

Стайка разноцветных воробушков – первоклассников, звонким ручьём льющаяся по лестнице, мгновенно обступила счастливцев, расчирикалась восторженно, округляя глаза и рты. Каждому малышу не терпелось потрогать щеночка.

– Дядь, а он чей?

– Пф... – фыркнули вокруг вопрошавшего мальчишки, – это же... хи-хи!

– Дайте и мне погладить!

– Дядь, ты вели, чтобы он нам щенка дал.

– Это не дядя, – шептались, горя глазами, девчонки, и смех и страх, любопытство отражались в их быстрых взглядах, – это учитель из биологического кабинета.

Ноги были готовы задать стрекача, а руки тянулись потрогать белую шёрстку.

– Здорово, Пупчан, – махнул, проходя, Червонец. – Продаёшь полярного медвежонка?

– Ага, тебе по благу, так и быть, за сотню уступлю.

– Дай и нам потрогать, – упрашивали Юрку первоклассники.

– Брысь отсюда, – отмахнулся тот и чуть подался к учителю.

– Возьмите в живой уголок.

Учитель огорчённо развёл руками, мол, нельзя.

– Хоть на время...

Снизу на лестнице показалась секретарша и попросила Петра Ивановича к директору.

«Опять торчи при начальстве, – недовольно поморщился тот. – Скажу, что я должен дежурить».

Юрка стоял и уныло глядел куда-то в потолок.

– А ну, давай щенка! Пошли-ка.

«На продлёнку разрешат, должны, ведь я сам попрошу», – придумал он и решительно зашагал в кабинет.

Вошли трое.

– Можно? – сказал весело Пётр Иванович. – Гляньте, каков белый ангелочек, прелесть. Мой ученик в живой уголок принёс, можно мы его в продлёнку определим, малыши от него просто без ума.

– Нет! – не дослушала и побагровела Клавдия Августиновна, махнула рукой и рассерженно бросила бумагу. – Иди, мальчик, иди! Дома щенка держи!

Юрка вышел с притихшим Топсиком восвояси.

– С ума сошли! Санэпидемстанция только этого и ждёт, чтобы оштрафовать, – закричала директор и даже замахала руками, как капризная барыня. – Ну вас к чёрту, вместе с собакой!

Юрка стоял в темноте между дверями и слышал. Он вынырнул и заспешил прочь.

Пётр Иванович возмутился, что за ласковая встреча.

– Хватит с меня вот этой жалобы, – ругалась директориса, – глянь, не узнаёшь почерк? Сказали – твой. Глянь, глянь, вот тебе и продлёнка...

Учитель глянул, чуть щурясь, туда, где пальцы сердито теребили исписанный лист, и поспешил на выход.

– Проверьте внимательнее, – прокричал, оглянувшись, – сравните – через лупу и... извинитесь!

Увидел невдалеке знакомую куртку, догнал и, обняв, заговорил проникновенно.

– Клавдия Августиновна пообещала, как только уберут учебный комбинат, сделать живой уголок.

– Я слышал, что директор говорила...

– Слышал и хорошо, – Пётр Иванович огорчённо развёл руками. Увы, санэпидемстанция не разрешает держать в школе живой уголок.

19. ЗЫКЕНСКИЕ ЯБЛОЧКИ!

Выпало дежурить. Напарнице понадобилось срочно на тренировку, и она испарилась. «Фиг с ней, – решил Саша, – помою».

Тряпка оставляла на доске белые полосы, а воды в кране не оказалось. Пришлось идти на первый этаж. Возле двери валялся красный Дрюнин портфель.

«Ого, – охнул Честнев, – приставала тут шастает, привяжется опять со своим «уважаешь», хуже банного листа».

Он кое-как холодной водой промыл тряпку, сильно набрызгал на пол и на ботинки, ибо измалёванный и порванный с боков саквояж раздражал, как красная тряпка быка, мешал сосредоточиться.

А может, успеет удрать? Саша спешно вытер парты, поднял стулья и затрусил веником пыль – скорее, скорее, но тут вошёл взъерошенный задира. Беспокойство запершило у Саши в горле, закусило глаза, веник, словно пастух овец, погнал пыльное стадо бумаги за батарею.

– Один, что ли, Честень? – спросил Дрюня, кивнув.
– А девки где?

Не зная, что отвечать, Саша пожал плечами, стараясь теперь выгрести сор из-за батареи.

– У Носопырки точно баскетик, но Анисья, щи прокисли, могла бы остаться, – он почесал макушку, живо заглянул за шкаф и подмигнул, извлекая ещё одно ведро. – Желаеть, подмогну!

От слов разом перешёл к делу: из столов начал выгребать шелуху от семечек и огрызки.

– За это и цепляются. Класс вроде чистый, а проверяющие в столы глянут и всё – двояшник обеспечен, усёк, Васёк? Подожди подметать.

Он подошёл к новичку, подмигнул по-свойски и забрал веник.

– Цветки лучше полей, Федя!

Саша кивнул, ободряясь, и пошёл к учительскому столу за лейкой, а белобрысик зашуровал веником под столами.

– Погрызть не поищешь, девчатник, хоть жести кусок, лишь бы съедобная. Ты сначала банку поставь, – заржал он, – чё дёргаешься, не под током!

Саша прямо с водой рванулся к сумке, у него там яблоки. Нашарил сразу два.

– Мне одно, – Дрюня жадно отхватил полбока, – ты чего уставился? – он оглядел свой мятый и засаленный костюм, порванный рукав и беззаботно махнул рукой. – Мать с дедом давно уговаривают, чтобы шёл в интернат, там и жратва, и одежда, всё государственное.

Саша ничего не понял, в интернатах вроде живут те, у кого нет родителей.

– Надоело мне дома: сплошные ковры – по-простому не ступишь, посуда хрустальная и в ней каждый день мясо, мясо. Апельсины, мандарины, персики надоели, вот яблок нету, понял, Гаврила? Зы-кен-ски-е яблочки. Неси тряпку, – перевёл он разговор, – на швабру накидывай.

Саша понял, что его яблоки пришлись по вкусу и вовремя. Лучшего момента, пожалуй, не придумать. Позвать бы Андрюшку к себе, а он, дурак, взялся объяснять, чуть было не испортил всё.

– Я отцу про тебя рассказывал, давно ещё, – он плюхнул тряпку в ведро, – и он, знаешь...

– Ерунда, – перебил Дрюня, – на меня все тюльку прут, я привык. – Он перестал подметать и бросил веник. – Правда, я поначалу думал, что ты на меня не настучал.

– Я не про это совсем, зачем мне быть дешёвкой, отец не любит жалоб.

– Дешёвкой? Ха, девчатник по-пацаньи забакланил! И ты, значит, из серебра пургу мёл, хвалился, как меня

излупил, – прочитал его мысли Дрюня и лихо замахал руками, – хрясь, хрясь – и в глаз!

Саша усмехнулся, до чего точно угадал.

– Ничего я не хвалился.

– Ладно, без понтов! Тебе, небось, как отличнику, одних конфеток по килограмму покупают, а ты в школе драку устроил, Гаврила, да ещё гордиться этим удумал. Отец ремённой кашей не покормил?

– Андрей, пошли к нам, – отчаянно сказал Честнев.

Андрюха Дранных, хоть и был злостным вралею, однако уважал мальчишечью прямоту, которой так не хватало Козырю.

– Прямо сейчас или, может, домоем сначала?

Один поливал пол прямо из ведра, а другой тёр ногами, точнее, танцевал твист.

Дрюня недолго раздумывал: конечно, новенький какой-то чудной, но вообще-то необидчивый, а это главное.

– Ты меня уважаешь? – звонко крикнул он.

Саша отбросил лохон, то есть тряпку для пола: «Может быть». Он приготовился защищаться.

– И боишься, значит...

– А вот и не угадал, не отгадал, – смуглый новичок набросился на взъерошенного воробья.

Он был сильным, девчатник, Андрей просто не ожидал. Они возились, пока не ухнуло под ноги ведро с грязной водой.

Кот-чародей превратил жёлтый свет в золотой, дал людям крылья, полетайте, мол, а я мышей спокойно половлю. Саша всю дорогу домой витал в облаках.

* * *

После ужина разомлевший гость расстегнул замок на тёмно-голубом свитере, разлёгся на стуле и, оглядывая Сашину комнату, сделал своеобразный вывод.

– Это у тебя родители не такие и ты не такой, усёк, Васёк? – Андрей привередливо прищурил один глаз, что, мол, заморгал, как кукла-моргушка, не понимаешь? – Ты тихоня... не будешь же собирать бычки, ну папиросные окурки и смолить их в туалете, военруку назло... что плечами жмёшь? Я, по-твоему, курю... не, правда, не понимаешь или притворяешься?.. Ну, а дымилку ты хоть раз подбрасывал, журнал у училки воровал?

Заливное подавалось отменно. Главный герой это умел.

– ...С ниженскими угнали лодку со станции. У нас тут Лодочная, в том месте, где ручей с Доном стекают. Погнали на меловые горы под Сторожевое. Там в логу у нас замаскирован блиндаж немецкий, классный. Мы в нём штык нашли, заржавелый, и патронов штук двадцать. Вечером костёр разожгли, патронов сыпнули и еле залечь успели, как начало бж-бжикать во все стороны. У меня газетную пилотку сшибло, не веришь...

Санька верил, почему же... он тоже из мышинных нор по пять стаканов кедровых орехов доставал, а по весне в ямах щук метровых руками хватал...

– ...Пистолет настоящий тоже есть, к нему патроны маленькие, их в барабан натыкаешь и крутишь... вот с ним я на любой клубничник зайду, тем более меня тут знают, я не буду долго лялякать. Не даёшь ягод, получай пулю в лобешник! А то Ваня Гоманок, когда у меня пистолета не было, гнался до кладбища, вилы кидал, психопат. Хорошо, что острияки об лозинку зацепились, а то бы насквозь пропороли. Я ему за это потом пригоршню соли из пистолета в мягкоту вогнал, до сих пор ни сесть, ни лечь не может, уже лет пять стоя спит. Не веришь? А зря, я правду говорю.

Фантазёр умолк, вцепился в спинку стула и, уронив голову на грудь, захрапел. Потом открыл глаза и подмигнул.

– Хотишь, этим летом тебя с собой возьму? – поглядел испытующе, – гляди, к Гоманку полезем. Он сидеть и лежать не может, зато лётает, как пёс.

Честнев, согласный в эту минуту хоть в Америку, замирая сердцем, закивал головой.

Азартность внезапно слетела с фантазёра. Он умолк, подошёл к наклейкам на стене и с удивлением, тербя вихры, долго разглядывал рисунок с собакой и щенками. Ничего не говоря, лишь присвистнув, гость приблизился к боксёрским перчаткам, занял стойку и сделал резкий выпад. С видом знатока пощёлкал по блестящей коже пальцем, понюхал.

– Хороши!

– Я их Козырю хотел отдать, – Саша снял одну перчатку, протянул гостю, – но он что-то не пришёл.

– Этому козлу? Шустёр Пуп, однако, – усмехнулся Дрюня, примеряясь. – За что ты ему наобещал?

Он опять вернулся к рисунку. Саша, вынимая руки из карманов, засовывая обратно, замылся, ну, почему обещал, просто менялись. Гость присвистнул.

– Не сочиняй! Думаешь, я не знаю, кто твой заступник?

Уши у захваченного врасплох Честеня запылали.

Андрей усмехнулся, только взглянул пронзительно.

– Пуп хитрый, меня на тебя натравляет, мучить заставляет, а тебе заступу обещает... за списывание, за перчаточки, – главное, недаром. У него всё недаром, усёк, Васёк? А Козырь, случаем, про свою собаку не рассказывал? Откуда у тебя её фотография?

– Рисунок, Найда, – сипло отвечал Саша.

– Какая Найда? А, да, ваша... но Пальма такая же, точь-в-точь.

Саша тоже уставился на портрет, будто видел впервые. Хмурые собачьи брови сомкнулись, отчаянные глаза глянули укоризненно, мол, забыл. По спи-

не мальчишки поползли мурашки, волнение затрясло руки.

– Козыри переезжают, – как приговор, сурово и беспощадно рубил Дрюня, – и собаку со щенками уничтожили. Сделал это твой преподобный заступник Пупчина-паучина, понял?

Саша вцепился в приподнятый погончик школьной формы, сжал так, что Андрейка передёрнулся.

– Не, зря, я знаю, где собака.

20. ПЕРЕЕЗД

Полторы недели назад Козыревым дали ордер на новую квартиру.

В долгожданное солнечное воскресенье семья вместе с роднёй на двух машинах отправилась в новый дом. Младший брат Михаила, обтянутый голубой «джинсой» худощавый брюнет, вёз гостей на синих «Жигулях», а сам Михаил – на своей «Вишенке». Переполненные людьми легковушки летели мимо закружившегося сосняка и неожиданно напоролась на постового. Гости примолкли. Младший брат Валерка лихорадочно соображал, сколько сунуть милиционеру, мысленно ругал Михаила с его новосельем. А тот спешно вышел, в радостном волнении.

– Это же свои! – протянул руки. – Здорово, служба. Понимаешь, дело такое, макуха!

Милиционер недовольно выдернул ладонь из потных пальцев Михаила.

– Хоть бы ремни пристегнули...

– Пристегнём, сейчас пристегнём... тут ехать один шаг, – хозяин попахивал перегаром и был очень возбуждён. – Лёха, приглашаю, новоселье у меня!

Алексей отрицательно покачал головой, мол, некогда, – на службе. Они постояли с минуту, поговорили. Михаил сказал, что поршневые цилиндры к «Москвичу» расточил и завтра привезёт.

– Да ладно, – милиционер поправил фуражку и, опять став строгим, махнул рукой, – счастливо отпраздновать!

Михаил подмигнул брату, мол, а ты боялся, и сел за руль.

– Алексей, с гор потока, ждём обязательно, – обернулся он, трогая машину.

Постовой кивнул, улыбнулся, затем нахмурился и чуть исподлобья проследил за сыном Михаила, круглолицым Юркой, который грозил ему кулаком.

«Вот кто сволочным вырастет, – подумал милиционер с досадой, – папаша – делопут и торгаш и сынок туда же. И форма моя ему нипочём».

Мальчишка грозился неспроста, собака не нашлась, её вполне могли пристрелить из пистолета.

Возле голубого, окутанного лёгкой дымкой пара водохранилища, на Набережной возвышалось пять панельных домов. Синий и белый цвета делали здания лёгкими, похожими на группу гигантских птиц.

Михаилу как хозяину вручили большие портняжные ножницы, Ольге – жёлтый картонный ключ. На мгновение все притихли, так что был слышен треск разрезаемой ленты, затем, грянув «Ура», дружной, разноцветной гурьбой прошли внутрь.

– Счастливый ты какой, унучик, теперича своя комната будет, – дедушка стиснул напрягшиеся плечи мальчишки.

Тётка усмехнулась.

– Теперь, Юрка, уроки не сделаешь, в комнате закрывайся и никого не пускай.

Цементная пыль на порожках казалась сладкой, действовала как веселящий газ. Правда, не на всех, родня смеялась, а Юрка отворачивался.

– Я не впущу, – мать покосилась на сына и возмутилась. – Идёт, дуется! Какое ему дело, что родители комнату для него отстарали?

На миг воцарилось неловкое молчание, лишь слышались сопенье, кашель и гулкий топот.

Веселящая пыль снова подействовала, и через мгновение по дому опять разносились возбуждённые голоса.

– Это что за зверь с кольцом в пасти, неужели лев? Дёрнем за кольцо, дверь и откроется. А вот и квартира.

– Ого, какой широкий коридор, это хорошо, и комнаты несмежные.

– Туалет и санузел отдельные, сверкают ослепительной белизной.

– Светлая квартира, ликом к солнцу и обои подходящие – бежевые.

Женщины отправились на кухню, а мужики вышли на лоджию покурить.

Чистое синее небо просторно раздвинулось. Белая лоджия, словно нос корабля, зависла высоко над водой. Весенний воздух тянул прохладой, звал в голубеющие низины заливных донских лугов. Юрку поразило приволье, но радости не было. Душа бунтовала. Мысли возвращались к оставленному дому, куда должна вернуться Пальма. Зря он тогда потешался над новичком, который сказал: «Мне мама не разрешает держать собаку». Ему тоже не разрешат, так что сидеть теперь щенку в теплосети и сидеть.

– Я куме гутарил, хорошо тут. Каков вид!

– Мишк, станция как на ладони! Вон и пятый блок, где я работаю.

Взрослые усердно курили, плевались сверху и ликовали.

– Гля, рыбаков сколь!

Юрка знал, что за станцией мусорная свалка. А вдруг Пальму туда увели и держат, ведь дед Левон работал на свалке? Он представил Рыжушку накрепко привязанной верёвкой к дереву и сердцем зашпешил к ней.

– Воет, воет, а что толку! – сказал громко и вздрогнул.

Мужики галдели что-то по поводу электростанции, дымившей миролюбиво градирнями, но он не слушал их. Женщины накрывали столы и на мальчишку не обращали внимания. Он поспешил за дверь.

«Моя комната больше, чем у новичка, – машинально сравнил он, оглядывая новую деревянную кровать и притуленный к ней жёлтый шкаф. – А я не буду вешать рисунков, – подумал ревностно, – у меня есть живая собака». Он сердито погрозил кулаком в сторону кухни и пообещал.

– У меня всегда будет собака, поняли, всегда!

Утерянное стало очень дорогим. Юрка рывком сел на охнувшую кровать, сбросил каляные джинсы и переоделся в привычное старое трико.

Он дождался, пока гости сядут за стол. Грянула музыка. Воспользовавшись тем, что мать и гости собрались в столовой, проскочил к выходу и начал поспешно обуваться в коридоре. Музыка умолкла, говорили речь. Говорил мамин начальник с мясокомбината:

– Мы давно знаем Мишу и Олю как честных и очень добрых тружеников. Семья, можно сказать, с ладом и складом. Поздравим их с хорошей квартирой. Старички Семёновские как говорят: «Свой уголок, свой простор!» Выпьем за новоселье!»

«Забыли про меня, лишь бы вытрескаться», – Юрка кубарем скатился по запылённой лестнице.

Вода сверкала золотом и серебром, манила искупаться. Там, где собирались строить пляж, теперь ва-

лялся мусор, висели таблички, которые строго предупреждали: водоём технический, купаться запрещено.

До Дона от посёлка далеко, там течение, и мальчишки игнорировали запрет, синюю пену и дохлую рыбу, они хотели купаться в родном водохранилище. Проходя мимо зелёного мыска, Юрка увидел свой облюбованный уголок. Пальма не любила плавать и приходила в сильное волнение, вырывалась, если он пытался тащить её в воду. Ещё сильнее волновалась, начинала скулить и лаять, если её хозяин, отплывая подальше, нырял в глубину.

Далее несостоявшийся пляж переходил в обрывистый, усеянный корягами берег хутора «из пяти дворов». Отсюда до электростанции было не более двух-трёх километров. Юрка побежал.

«Не успеешь, не успеешь, – заколотилось сердце, – и об этом пожалеешь». Мальчишка поднажал.

Белая сияющая электростанция, приближаясь, делалась всё более величественной, она выглядела мирной и спокойной, будто другое царство из бетона и алюминия блистало с противоположной стороны широкого водоёма.

Неподалёку от станции темнел мёртвый обугленный лес. Расклёванные дятлами, как обглоданные, в чёрных лоскутках коры сосны, казалось, уныло бродили в синеватом мареве бывшей гари и молчаливо задавали Юрке один и тот же вопрос: «Что с нами сделали?» Они хватали мальчишку за одежду, загоразивали путь кучами наваленных веток и спрашивали, спрашивали!

Может, и не спрашивали, а Юра сам задавал себе тревожный вопрос: «Кому понадобилось сгубить столько сосен?»

В гудящей голове в единое целое соединились и грязный пляж, и этот мёртвый лес, и кучи обломков бетонных плит, труб, арматуры. Сияющая станция воз-

вышалась над всем этим, словно другое государство, отгораживаясь от варваров слоями колючей проволоки и высокой стеной. Это таинственное государство, казалось, тянулось бесконечно, но, в конце концов, стена резко оборвалась, свернув вправо, и издалека завиднелась дымящаяся, усыпанная какими-то белыми листками траншея. Маленькие, словно игрушечные, машины подъезжали с другой стороны по трассе. Жёлтый трактор, как жучок, ползал туда и сюда. Впереди зелёными шапками выстроились холмы. Где искать? Юрка вытер пот, соображая. Решившись, зашагал напрямиком к свалке.

Заливались, пели жаворонки, солнце припекало макушку, тянуло сладкой пылью от цветущих ив. Противоположный бугристый берег Дона голубел вдали и будто плыл в струях тёплого колеблющегося воздуха.

Ощущение залитого солнцем пространства захватило Юрку, он не утерпел, рванулся вниз, по песку и мигом вскарабкался наверх. Какое приволье! Мальчишка перевёл дыхание и с диким восторгом прыгнул с горки. Жаль, нет Дрюни, вот бы полазили! Он запнулся, кувыркнулся через голову, хохоча, проехался на животе и встал, выплёвывая песок. Над головой прокурлыкали, медленно взмахивая крыльями, две серые цапли.

«Ишь, длинношейки голенастые, полетели лягушкам смотреть устраивать, – проследил мальчишка их полёт к блистающим четырёхугольникам прудов рыбхоза, – сейчас и мы полетим!»

Душа ликовала. Теперь он играл по-настоящему. Он карабкался наверх холма, хватая рыжие головки осок-пушиц, заядло свистел и мчал вниз, поддевая ногами сплюснутые шары перекати-поля.

Юрка незаметно добрался до целой кучи разбитых каркасов каких-то очень крупных приборов. Он сначала

ла не обратил внимания на забытый металлолом, мало ли его валялось кругом. Но неширокая ядовито-жёлтого цвета песчаная тропа пересекла его путь и вернула обратно, разом напомнив, зачем он здесь.

Тропа привела к каркасу с другой стороны. Он обо-гнул перекорёженный остов трансформатора, и в нос плотно ударил тлетворный запах. Испытывая брезгливое чувство, увидел останки белого пса, связанного ключей проволокой. Тощий и жалкий левонов Топсик лежал, вжавшись боком в песок. На оскаленной морде ползала изумрудная муха. Неожиданно она слетела и, покружившись, села Юрке на губу. Мальчишка вздрогнул и гадливо вытерся.

Пальмы тут не было.

21. НАЙДЁНЫШ

Чумак торопливо нёс найдёныша домой. Он давно подыскивал подходящего беленького кобелька, и вот нашёл.

День внезапно померк, набежали на солнце рваные тёмные облака, и разом посерела пустынная улица. У деда ночью ломило зубы, и он не вытерпел, с утра за-семенял в аптеку.

«К перемене погоды взыграли, на ягоде, видать, про-сквозило, – кряхтел бедняга, – аналгин не поможет, схожу и выдерну, к едрёне-матрёни!»

Забыты больные зубы... само собой всё унялось.

– Вознаградил меня Бог за муки, – усмехнулся Левон, – рупь за тебя слесарям отдал, – потрепал щенка, – тут, вижу, есть за что, злой будешь.

Он остановился, сжал найдёныша и начал пальцами размыкать ему зубы. Щенок вырывался, слюнявил провонявшие табаком, в грязных трещинах пальцы, но

дед настойчиво разжал ему пасть и, наклоняясь пониже, заглянул внутрь.

– Нёбо чёрное, – он ощерился, торжествуя, – враз определяю, каким вырастешь. Злой будешь, ох, и злой! От хорошо-о-о...

Щенку надоело, он затряс головой и зарычал: «Фу, съешь мне в рот несвежие сосиски!»

– Ух, ты! Ух, ты! – смотрел именинником старый. – Сразу на цепь тебя надо сажать, а то зашалавишься.

Щенок залаял. Тявкал весело. Он не ведал, куда его несут, но, главное, теперь не один, не в темноте. А потому вертел головой, с любопытством озирался по сторонам, а его великолепный чёрный нос, размером с большую пуговицу, чуял, кажись, даже вяжущий дух растущей травы. Но особенно остро, так что заурчало в пустом желудке, Топсик чувствовал аромат пекущихся блинов, который волнами наплывал на него от большого, обитого толем дома.

Резко пахнуло серным запахом, он взволнованно дёрнулся – так пахла его мать. Он резко обернулся и чуть не ткнулся носом в чёрную собачью морду. То была Жучка. Щенок забарахтался в испуге. Жучке неведомо было, что это сын Пальмы, только знакомый запах говорил сам за себя. Он растворился, смешался со многими другими запахами: табака, тины, металла, мочи, тем не менее, оставался знакомым, и Жучка подбежала, нежно, по-матерински лизнула щенка. Топсик же в испуге забился сильнее, в отчаянии залаял на отогнанную сердитым окриком незнакомку.

Дед Левон внёс найдёныша во двор, но не отпустил его, а привязал на бельевой шнурок у собачьей будки.

– Посиди, пока цепь достану.

Топсик вильнул хвостом, с любопытством оглядывая незнакомый двор, доверчиво побежал за новым хозяи-

ном. Увы, бечева натянулась и не пустила его к крыльцу. Щенок дёрнулся, отбежал назад, виляя хвостом и ожидая, что сейчас выйдет Юрка и вынесет молока с блином.

Время шло, напрасно он ластился в сторону крыльца, никто не появлялся. Тогда щенок завизжал и начал кататься по земле. Шнурок натягивался и больно резал шею.

– Поскули, поскули, попривыкай, – хмыкнул Левон, выглянув в окно, – ишь, разошёлся, поестъ захотел, знамо. Сейчас дадим.

Он неспешно докурил и пошёл в чулан поискать подходящую посудину. Не найдя удобной черепашки, чтобы налить молочной лапши, открыл мазанку.

– Говорил ей, колоде, собачью посуду не хватать, – бурчал на старуху. – Нет, под рассаду определила.

Щенок яростно грыз бечёвку, в нём сказывался, не смотря на возраст, характер отца. Жевал, мочалил её неотрывно, крутил, дёргал и, наконец, перекусил наполам. Получив свободу, не бросился вон, а прытко полез на крыльцо за блинами. Вкатился в открытую дверь и начал обнюхивать углы в поисках еды. На всякий случай оставил пахучую метку – лужицу под табуреткой. Из-за другой двери, обитой войлоком, пробивался свет, и аппетитно пахло кипячёным молоком. Дитё заскулило, но тут дверь с треском распахнулась, отбросив мальчика в угол.

Дед Чумак вышел на крыльцо и глазам не поверил – щенка возле будки не было. Лишь валялся обрывок размочаленного шнура.

– Во как! Я его выручил, а он меня на рупь выучил! И ведь только-только удрал.

Дед выругался и поспешил с крыльца – искать.

А Топсик в это время забежал в раскрытую дверь и начал жадно лакать молочную лапшу, которую хозяин

второпях оставил на полу. Он залез в кастрюлю с лапами, ел жадно, хватом.

– Шарик, Тузик, – звал рассерженный дед, переходя из одного угла сада в другой. – Дружок, фью-фью! Вот дрянь какой, сейчас найду, схвачу за ногу – и об дорогу! Шутки шутить со мной вздумал? Бобик...

Ему показалось, что кто-то взвизгнул и белым шаром мелькнул в соседнем козыревском дворе. Он поспешил к внутренней калитке.

В это время Топсик скатился тугим барабаном с крыльца и, облизываясь, блаженно прилёг на тряпку, вместо подстилки. От хриплого голоса шенок испуганно вскочил, насторожился (дед распекал кошек), а затем, заслышав его приближающиеся шаги, трусливо юркнул в малинник.

22. БЕДНАЯ ПАЛЬМА

А что же случилось с кормящей матерью? Пальма выбежала со двора и, жадно внюхиваясь в струи льющих запахов, потрусилась, вздрагивая лисьим хвостом, вдоль по улице. Сводило бока, она хотела поесть, а хозяйка ничего не вынесла и на щенят её не взглянула.

Возле дома знакомой девочки она нашла заветные косточки с остатками мяса и жадно набросилась на них. Хозяйка в окошко увидела рыжую собачку с белым пятном на груди, красивыми кисточками на ушах и, с криком спрыгнув с крыльца, выбежала из калитки.

– Пальма, Пальма, иди ко мне, – она присела перед покорно припавшей перед ней гостью на коленки. – Здравствуй, как хорошо, что ты прибежала.

Рыжушка покорно уронила маленькую голову на тонкие мускулистые лапы и завияла пушистым

хвостом. Она знала, что на улице надо быть ласковой и послушной, а, главное, хитрой. Человеческим прихотям нет предела, даже маленькие дети, которые иногда выносили ей из садика еду, норовили навалиться сверху или схватить за хвост, совсем не желая знать, что взрослой собаке и больно, и стыдно. Если бы она могла говорить, то обязательно рассказала бы про своих ещё слепых щенят.

– Исхудала как, – удивилась девочка, сама похожая на согнутую по частям соломинку, – тебя Юрка совсем не кормит?

– Сегодня совсем, – вздохнула по-собачьи Рыжушка, стучаясь мордой об лапы.

– И шерсть с тебя по весне лезет, давай я тебя расчешу?

Пальма слегка отшатнулась, мол, не надо, меня хозяин расчешет.

– Куда ты, жди, я ещё поесть принесу, – поднялась долговязая девочка и поспешила в дом.

– Пап, – сияли её круглые счастливые глаза, рот с неправильно росшими зубами хватал воздух, – к нам Рыжушка в гости пожаловала. Раньше она была такая толстущая, а сегодня – худышка, одни рёбра, и шерсть лезет клочьями. Я ей ещё молока хочу дать.

«Может больная?» – отец поглядел в окно, затем вспомнил и сказал про щенят. Дочь ойкнула и стала спрашивать отца сходить до Козырей, поглядеть.

– Ладно, ладно, Кать, неси ей молока, а то убежит.

А рыжая собачонка, подняв переднюю лапу и насторожив уши, смотрела в даль улицы.

– Пальма, Пальма, не убегай, – звала девочка, острожно, чтобы не пролить молоко, выходя из двери.

Возле забора, рядом с собакой взбил песок камень. Та, увиливая, шарахнулась в переулок. С крыльца долговязая девочка увидела ватагу одетых в школьную

форму мальчишек – ребят соседнего микрорайона во главе с Казаковым-средним из седьмого класса.

– Мазила! Охотник на рыжих лис упустил такую дичь! Ты что, Жбик? – пронзительно крикнул Казаков.

– В школу наглядность нужна, лиса на чучело...

– Ты сам рыжее чучело!

Ребята заготовили как встревоженные гуси. Освещённые сзади нависшим солнцем, они казались естественно большими, а их тени тянулись до забора, преломлялись и плясали там.

Девчонка знала этих ребят и побаивалась их. Её широко улыбавшийся рот разом сжался, молоко полилось на подол платья.

– Дураки, что в собаку бросаетесь? – закричала она сердито, не зная, что ей теперь делать с ковшиком.

– Ух, ты! – повернул к ней красные вытаращенные глаза атаман ватаги. – Нехилая мишенька.

– Жбик, вон у крыльца рыжий хвост мелькнул, слабо прицелиться! – крикнул басом маленький мальчишка.

– Счас, контейнер поставлю, – чернявый швырнул портфель к ноге.

В сторону девчонки полетел большущий ком земли.

– Анисья, заполучи гранату!

Та забежала в дом, высунувшись, закричала:

– Дурачки бамовские! Всё отцу расскажу.

Вслед ей грянул многоголосый свист, команда разом перестроилась и свернула в переулок, следом за Пальмой.

– Ата-с! – противным дискантом выл Казаков. – Тазы! Сматываемся!

Вот они вновь увидели рыжую худую собачонку, грызшую на помойке кость.

– Стой, стой! – остановил пацанов Казаков. – Давай окружим?

Беленький мальчишка подпрыгнул, забрызгав штаны атаману.

– Сенячья, гля, сиськи мотаются.

Его угостили подзатыльником, а чернявый на этот раз метнул гранитную плитку и не промахнулся.

– Зачем, дубина? – замахнулся Казаков. – У неё же щенки.

Но было поздно. Камень угодил собаке чуть повыше сосца. Бедняжка взвизгнула от боли и, скуля, прихрамывая, подалась прочь, оставляя на песке капли молока и рубиновые зёрнышки крови.

Воистину у собаки собачья жизнь: то ласкают, то хаот. Предстояло ещё обежать две помойки и не встретиться с Жучкой. Та не любила рыжую расцветку шубы и с удовольствием терзала убегающие лытки.

Пальма знала, где живёт соперница, знала её пахучие метки, а потому свернула в сторону и побежала к проезжей части, туда, где высились многоэтажные дома.

В это время «Икарусы» везли с электростанции людей. Красные автобусы подъезжали по два, и дамка, дрожа от боли, поскуливая, ждала, когда можно будет пересечь пропахший гарью асфальт. Она видела, как незнакомые люди вышли из машины и прошли толпой вниз.

Вдруг она почуяла опасность сзади – к ней со своей собак приближалась злая Жучка. Пальма вскочила и, резко повернув вдоль дороги, бросилась в сторону гастронома, надеясь забежать за крайний многоэтажный дом и скрыться там. Из переулка навстречу ей вышел одетый в чёрный костюм человек. Он неожиданно вскрикнул и взмахнул портфелем. Это был учитель биологии Пётр Иванович, спешивший, как всегда. Учитель был не в духе: набрал муки, макарон, мыла, подошёл к кассе, а денег не оказалось, забыл.

В дощатой ограде крайнего дома не нашлось щели, и Пальма шарахнулась в противоположную сторону, на асфальт. В этот момент как раз проезжал «Икарус». Он неожиданно свернул к остановке, на боковой стене которой румяnelа аппетитная клубничина – символ села Семёновки. Собачонка быстро бежать не могла: ногу сводила судорога, и она её подволакивала. Она, правда, метнулась, пытаясь увернуться в сторону, опрокинулась навзничь, выставив пегие, переполненные сосцы. Под рифлёным кордом брызнуло жёлто-розовое молоко.

Лаяла, выла набежавшая собачья свора.

«Зачем? Зачем? Зачем?» – залиристо спрашивала чёрная Жучка.

Задавленная Пальма поднялась на передние лапы, попыталась сдвинуться с места, но не смогла, лишь пронзительно смотрела вперёд, туда, где остались щенята.

«Вы-ы, вы-ы-ы-ы, вы-ы-ы-ы!» – плакала она жалко, глядя глазами, полными слёз, на Петра Ивановича, и в её гаснущем сознании золотые, оранжевые, круглые красные щенки яростно терзали живот. Слёзы лились на искусанную от боли лапу. Скоро она вытянулась и затихла.

Автобус стоял. Выходили люди и шли вниз. Многие с сожалением оглядывались на задавленную собачку. В кабине Пётр Иванович увидел усатого шофёра, грузного мужчину лет сорока. Хотелось заорать на него, но учитель стоял, унимая внутреннюю дрожь, понимая, что тут никто не виноват, что вышло случайно, что, слава Богу, не ребёнок оказался под колёсами, а собачка, но было жалко бедняжку.

– Скотина, ты, скотина, что ж собаку переехал! – крикнули с остановки.

– Я разве специально? Сама под колёса выскочила, – отвечал водитель, не оборачиваясь.

От парка к автобусу прошёл высокий старик с худым скуластым лицом и сумеречными, узкими глазами. Он застучал костылём в стекло.

– Что тебе? – приоткрыл дверцу шофёр.

– Выйди, – заиграл желваками скул и показал глазами вниз подошедший старик.

– Некогда, не видишь, людей везу.

Старик внезапно ткнул тростью и попал в грудь.

– Ах, ты! – охнул шофёр и попытался схватить костыль.

Дед проворно рванул трость к себе, замахнулся. Шофёр захлопнул дверь и, не желая связываться, тронул машину. Старик грозил вслед.

– Управы на тебя нет. Время пожалел, а животины не пожалел, тем более кормящей... Притормозить не мог! – он повернулся к уходившим людям. – Некогда всем стало.

– Да, некогда, – огрызнулась женщина с остановки, – тем более человек с работы людей везёт.

– Знаю, не роботов, – махнул дед костылём, – именно, лю-дей!

Пётр Иванович подумал совестливо, что и ему некогда: дитё не купано, по телу сыпь, видно, аллергия, надо купить череды. Он махнул рукой и быстро зашагал через дорогу в сторону парка. Он не заметил, как прошёл мимо Саша Честнева, который стоял у крайней сосны, бледный от приступа тошноты. Мальчишка увидел учителя, распахнул ему навстречу необъятные глаза – душу, но учитель прошёл мимо. Саша смотрел вслед и не хотел верить, что их классный не помог раздавленной собаке, ушёл и не оглянулся.

Саша издалека увидел бегущую... к нему... Найду, задохнулся от неожиданной радости, и тут подъехавший красный автобус свернул. Он заорал, бросился вперёд и упал, зацепившись за пенёк. Опомнился, ког-

да шофёр и старик ругались. Было горько и стыдно за нелепейшую мысль, что это не Найда.

Старик пошёл в соседний дом за лопатой, скоро вернулся расстроенный – не дали.

– Руками, говорят, копай, на собаку заступ не дадим.

– А давайте руками, – уныло сказал Саша.

Пальцы, ломая ногти, рыли весеннюю, пахучую землю, теперь мальчишку тошнило от свежей пряности грибов и прелой листвы.

– Палкой лучше расковыряй, – советовал старик, ногой отгребая песок, – на, хоть бадик.

Саша ожесточённо рыл пальцами.

– Прости, что не помогаю, спина не даёт возможности нагнуться.

Потом они постояли немного у светлого бугорка. На прощанье старик протянул холодную руку.

– У меня грязные, – пробормотал Саша.

– Ничего, – сгрёб его ладонь старик, – зато доброе сердце.

23. У ДУРАКОВ МЫСЛИ СХОДЯТСЯ

И Саша рассказал. Дрюня сопел носом, мрачнел глазами и молчал.

«Значит, набрехал дед, – думал он угрюмо. – Почему же Пуп ко мне не подошёл, вместе бы поискали. И на уроках сидит, как тумак надутый. Раньше выслуживался, а теперь, видно, мать мопед покупать раздумала?»

– Надо нам Юрке сказать, – услышал он.

– Ага, – кивнул и, отвернувшись, начал поспешно одеваться, собираясь уходить домой.

Саша сразу лёг спать. Лежал с открытыми глазами и словно летел в пропасть... в пропасть между ним и Юркой.

Дрюня брёл к себе.

«Зайду и всё, – решил, – пускай мать хоть обругается». Одна мысль не давала ему покоя: где же щенки?

«Тут дед прав, Козырь их закопал!»

Юрка подошёл к дружку первым. Ещё до уроков отвёл его в сторону, и они поговорили.

Оба сумрачные вышли из школы навстречу новенькому.

– Значит, там, где свалка? – сурово переспросил Дрюня.

Юрка кивнул, а на вопросительный взгляд Саши передёрнул плечами.

– Обойдутся уроки как-нибудь и без нас. Пошли в парк, покажешь, где... ну...

Саша понял, молчаливо кивнул и зашагал через стадион. Дрюня топал рядом, красный, будто наливной помидор.

– Ох и сволочуга! Мне хвалился, мол, «за двадцатку продал уваж-жаймыму товарищу». Пересчитаю я тебе, Чумачина, окошечки!

– Что ты, Андрюх?

– Дед его Топса колючей проволокой задушил.

– Как задушил?

Саша оторопело остановился. Он помнил, как хвалился задира своим кобелём, ещё завидовал ему.

– Как-как! А, пошёл ты!

Сверкала металлом дорога. Густая зелень душистых сосен была обвешена на верхушках ветвей кремовыми, пока ещё небольшими свечечками молодых побегов. Возле дороги на песке золотыми звёздочками цвели неприхотливые одуванчики. Терпко пахло бензином и удушливыми выхлопными газами. Неподдалёку на боковине остановки Саша увидел нарисованную аппетитную клубничину, удивился, ведь раньше её тут не было.

На углу парка, между соснами, ребята нашли небольшой светлый бугорок, на который уже успели налететь живые крылатки семян и нападать жёлтые хвоинки. Старая сухая ветка с двумя почернелыми шишками лежала рядом.

Ребята остановились. Саша взял ветку и зачем-то положил сверху на холмик. Он чувствовал себя виноватым, будто похоронил не Пальму, а Найду. Дрюня стоял злой и хотел одного: мстить немедленно. Юрка тоже был мрачен, боялся, что его спросят про щенков. Он посопел-посопел носом, раздумывая, затем отвернулся и поднял портфель.

– Ну, чё, пошли?

– Куда? – одновременно вскинулись оба дружка, напряжённо глядя в зелёные, вильнувшие в сторону глаза.

– У дураков мысли сходятся. Идём к теплосети, покажу кое-кого.

От сосен аппетитно пахло смолой. Янтарные капельки стылými слёзками печали и радости висли на пораненной коре. Да, Пальма погибла, но остались щенки!

«Одного обязательно беру, наверняка, и белый есть, – вздохнул свободней Дрюня, косясь недоверчиво на Козыря. – Обязательно назову Топсиком». Когда проходили неподалёку от дома, он рванул к себе, «на минутку».

Как сказать, что щенок один? Дрюня наверняка выболтал, что врать? Юрка решил молчать.

24. КОГДА В ТОВАРИЩАХ СОГЛАСЬЯ НЕТ

Белый щенок с обрывком шнурка на шее неторопливо бежал по улице, узнавая по очереди свои приметы: наклонённую вербу, кучу угля, жёлтый дом. Ещё

издалека увидел двух прогуливающих возле тепло-сети ребят, остановился, поставив уши торчком, но со спины по своим, особым приметам узнал хозяина. Галопом, зарываясь носом в листья, так заторопился, помчался вперёд.

– Козырь, вон же он! – крикнул как оглашённый чернявый мальчишка, протягивая навстречу пальцы.

Щенок ловко увернулся от чужих рук и повис в пахнувших потом, мылом и конфетами ладонях Юрки.

«Я вернулся, – торопливо взвизгивал он, прыгая от радости.

– При галстукe припожаловал, уже хотели привязать тебя, такого маленького, – гладил его чернявый. – Молодец, что отгрыз верёвку.

– Погодь, Честень, в чём это он? – хмуро оглядывал щенка Юрка. – Липкое что-то, не отрава ли?

– Какая отрава?

Саша нетерпеливо потянул щенка к себе, мне, мол, дай.

Топсик и Юркиного друга лизнул в нос: «Привет! Видите, я вас нашёл. А раз так, то давай знакомиться!»

– Где тебя носило, чертяку? – журил щенка хозяин. – Так и думал, что казаки увели, а они ведь убить могут.

– Дай, ты и так с ним всё время, – выхватил Топсика Саша. – Теперь он мой, никому его не отдам!

Не застав щенка, Юрка перенервничал вдвойне: и за себя, и за Топсика. Хорошо, Дрюни не было, тот сказал бы, что он наврал. Хорошо, конечно, что щенок вернулся, но куда теперь его девать? Тем более в тепло-сети начался ремонт.

Мальчишка стоял и ковырял носком ботинка изумрудный мох. Начал накрапывать мелкий дождик, настроение, хоть «мордой в лужу». Он опять вспомнил, как новенький на весь класс заявлял о том, что мать не разрешает ему держать собаку.

«Ну вот, – подумал раздражённо, – и самый честный брешет. Посюсюкает, как девка, а потом мне назад кинет».

Расстаться просто так, отдать шустрика, к которому прикипел, первому встречному было нелегко, в душе вскипала обида.

Когда же новенький предложил отдать щенка какому-то старику, тому, что за Пальму вступился, он зло буркнул.

– Да, конечно, щас, только и мечтаю!

– Он стоящий, зря ты сомневаешься.

– С чего ты взял, дурак? Ничего я не сомневаюсь, – Юрка наподдал ногой камень, пожевал толстыми губами, – я, может, из дома ушёл.

Саша замер от удивленья, как ушёл из дома.

– Вчера мать давай орать, я обманщик, её позорю... ну... в ответ обозвал её воровкой...

– На мать сказал, ты даёшь!

– Кинулась бить...

– Говорил, комната у тебя своя, больше моей, а выходит... Где теперь ночуешь?

– Неважно, не у тебя же, – Юрка распаялся всё сильнее, хотелось выплеснуть обиду... в рожу глупому отличнику. – Ничего ты не понимаешь, ведь она сама виновата, пускай теперь поищет!

Юрка не мог признаться в главном, что мучило его, хотел, но не хватало воли. Сейчас он искал виноватого за то, что щенка надо отдавать.

– И моя мать сказала, что это не игрушка – собака в квартире, а прихоть. Поубирайся за ней, одной шерсти – возы.

– Не понимаешь главного ты, Честень, – Юрка поморщился и с угрозой попросил. – А катись-ка ты лучше отсюда!

– Что?

– Ничего! – разозлился он. – А ну, давай Топсика и вмахивай!

– Псих, что ли? Я-то тебе что?

Они стояли друг перед другом нос к носу и орали, будто оба были с глушью. Щенок испуганно вздрагивал, но сидел до поры до времени тихо и совсем не понимал, что сейчас решается его судьба. Он давно хотел по нужде и ждал, подрыгивая ногами, когда же его отпустят.

– Ты, что ли, виноват, что Пальму задавило? Ты, наоборот...

– Много ты знаешь! Нао-бо-рот... – передёрнулся Юрка. – Не все такие пречестные сюсюкалки. Я тебе, Честень, сейчас твою честную рожу расквашу!

Саша тоже разозлился, разом вспомнил про разговор с Дрюней, про то, как Козырь его раскручивал. Он разжал руки, и щенок выпал. Охнув, белый шар перевернулся на ноги и поспешил к сосенкам – метить. Тихий, глухой шум слегка морозящего дождика прятался сверху в зелени, роптал на двух крикунов, а те как не слышали.

– Ага, я виноват теперь. Привык на других сваливать и орёшь. Стукни, попробуй, – сжал решительно кулаки.

– Сдался ты мне. Ты честный, даже фамилия такая, а у меня и мать воровка, и отец алкаш. Да... хочешь знать... это я... их... я... их.

Юрка вспомнил плачущий холмик и, повернувшись, завидуя и отличнику, и Дрюне, ведь они-то никого не закапывали, пошагал прочь.

– Хоть Дрюню подожди, припадочный!

Тот не остановился.

Щенок убежал в сосенки. Помедлив, Саша поспешил за ним. Топсик рылся под дубом в ямке с пахнущей душистыми грибами листвой. Мышиный писк и острые ароматы прели будоражили его охотничий

инстинкт. «Шр-р-р-р», – заработал он толстыми короткими лапами. Мыши скорёхонько удрали, но он, учуяв их, распаял себя рычаньем и всё глубже зарывался в листву.

Мальчишка потянул его за хвостик, стоявший торчком.

«Р-р-ры, гав-гав! Кто там ещё вмешивается?» – вырывался и фыркал Топсик. Вынырнув из ямки, он живо повернул грязную мордашку, на мгновение блеснул чёрными пуговицами глаз и носа, подёргал из стороны в сторону пушистым кончиком хвоста и опять сунулся в листву.

«Ему щенка жалко, а он не хотел виду показать, – подумал мальчишка про Юрку, – понятно, оттого разозлился и ушёл».

Ему тоже было жаль такого великолепного щенка. Он схватил Топсика, прижал отчаянно и начал вслух убеждать себя, что у бабушки псу будет хорошо.

Тихонько шуршал убаюкивающий дождик. Тяжелели, обвисали ветви, поблёскивал асфальт дорожки, свежела трава, пахла поджаристыми пирожками почва. Только что вроде бы сияло солнце, и было кругом ярко и весело. Теперь парк выглядел серым и совершенно безлюдным. Саша почему-то был уверен, что встретит старика с бледным, скуластым лицом и узкими, прищуренными глазами. Мальчишка прошёл до эстрады, оттуда спустился к детской площадке, свернул к холмику, где была захоронена Пальма, постоял там и медленно поплёлся обратно. Нигде не видно светло-серого плаща и бежевой шляпы. Иллюзии рассеялись, осталась тревога, куда теперь девать щенка, да прохлада, вместе с холодными каплями, падающими с веток. Что делать? Оставить щенка и уйти или взять домой, чтобы бросить потом по просьбе родителей? Лучше подождать, надо подождать. Саша

стал у эстрады, откуда лучше всего просматривались поблёскивающие металлом сквозь ветви деревьев асфальтированные центральные дорожки. Затем он сел под развесистое дерево на сухую ступеньку, а щенка отпустил побегать.

Дождь кончился. Тишина прерывалась резким криком зябликов и шлёпаньем редких капель на одежду.

25. ТОРГ ТУТ НЕ УМЕСТЕН

Щенка Левон не нашёл.

«Приплыл и уплыл», – подвёл он итог, дотла выкуривая вторую папиросу и откашливаясь, поперхнувшись остатками табака. Особенно взбесила его кастрюля и явные следы собачьих лап.

«Курослеп старый, в своей избе глядеть надо бы, а не в чужой! – бранился он, опять закуривая и пуская обильный дым в нос. – Бог дал, Бог взял, тут Его сила».

Он перекрестился, переоделся в старую телогрейку и вышел во двор.

Дождь кончился, небо отодвинулось ввысь, в стороны, засветило рваными ярко-голубыми оконцами. Сладко пахло мёдом от верб. На фоне почернелых построек двора зелень выглядела умытой и особенно изумрудной.

С топором и тележкой дед, гулко грохоча, затопал к калитке. Брякнул накидной петлёй и не спеша приседающей походкой пошаркал в своих «кирзаках» вниз. Тут опять «вдарил» зуб, аж в глазах потемнело. Нервный вулкан проснулся в давнишнем дупле.

Работа кипела на всей низине Семёновского ручья, разбитой узенькими тропками на участки – знаменитые ягодники. Ручей, обросший корявыми вёслами, высоким ольшаником, кугой и тростником, во многих

местах был перепружен. Огородники копили быстро убегающую под уклон воду, чтобы подключить насосы и поить клубнику. Пока в этом нужды не было.

Сосед раскидывал навоз. Он управлялся тачкой с широким резиновым колесом. На тачку было привязано корыто. На блестящей, как отполированной, стёжке к колесу не липла грязь. Однако приходилось вывозить снизу вверх: натруженно потрескивала тачка, и громко кряхтел потный, кряжистый мужик.

Он хрипло поздоровался с дедом, а тот, словно отмахиваясь, охал и ахал, отворачиваясь – зуб его сокрушил.

– Припоздился, видно, по ночам бабка замучила, потому и проспал? – крикнул сосед.

– Да-да, совсем замучил проклятый! – отвечал Левон, топчась по кругу.

– Пчела в скулу тяляпнула, ишь веселишься, – хохотнул сосед и с блямканьем поволок тачку выше. – Пульхерье пособляй! – крикнул, оглянувшись.

«...Лук в самый раз, рви на пучки и... по полтиннику. Парник надо прикрыть, помидоры вымахали выше колен. Укропу рублей на сорок наберётся, теперь только успевай, а тут зуб чёртов даёт жару!» – Левон чуть не заорал, так кольнуло и полез, словно распушим, деть некуда, а потому бесконечно цеплявшим за болячку языком в дупло, в самую «больноту».

Как ни было больно, рысий глаз всё примечал.

«Хватанула! Сотки четыре пробрала. Сор на дорожку навалила, ворона!» – глаз метнулся в сторону закутанной в чёрное пальто старушки. Бабка, которую он приветил в дом, была какая-то «с глупинкой» и раздражала в последнее время непрестанно. А тут ещё зубы замучили. Он прошёл мимо, но его окликнули.

– Левонтий, Левонтий, – иначе она его не звала, – ты куды?

– Закудыкала, добра не будя, плотину городить, аль ослёпла!

Вот-вот ягода зацветёт, а там, не успеешь оглянуться, спеши с распродажей. Часом опоздаешь – годом не поспеешь. Главное, поливать и поливать, тогда клубничка будет крупной.

– Левонтий, Мишка сказывал давчись, в хозяйственный магазин удобрения привезли всяческие. Брось запруду, сходи.

– Тебе, дуре, всех болей надо, лезешь. Не видишь, я уже колья вбил.

– Вот-вот, и на его долю бы купил.

С пяти часов Левон на ногах: колья заготовил, вбил, ивовых прутьев нарезал – под плетень. Он что, семижильный?

– Крестовину Бога мать, под руку не суйся! – заорал, швырнул инструмент и повернул обратно.

Бабка была права, сам просил предупредить, но сначала одно надо сделать, а потом за другое браться.

Порычал Чумак, но навоза у него не было, а подкормка нужна, потому засобирался в посёлок. Заодно решил зайти в больницу к зубному врачу.

Шагая наискосок по парку, он спешил в магазин и вдруг увидел знакомого белого щенка. Возмущённо сверкнул из-под седых бровей на сопляка, утащившего его покупку, и свернул к нему.

– Ты, мил друг, где взял эту собачку?

– Нигде, это мой щенок, – удивился в свою очередь Саша.

Дед усмехнулся, повёл сощуренными глазами.

– А верёвочку на нём разве не видел? Это бельевая шнуровка, я на ней подштанники стариковские вешал.

– Так вы его у меня увели и пытались присвоить, на верёвку посадили.

– Ловко, ловко, но собачонку я у слесарей купил, рупь заплатил, честь по чести, и вдруг она каким-то образом у тебя оказалась.

– Нет, это мой щенок.

«Ух, враль!» – рассердился Левон на хитрую бестию, однако сдерживал себя до поры до времени.

– Я тебя добром прошу, отдай, как внук деду, чую, ты добрый мальчик. Уважь, ведь и я добрый.

Мальчишка дружелюбно, хотя с опаской смотрел на «с дуба рухнувшего» деда, искренне удивляясь, как тот не понимает, что это его щенок.

– Нет, я не могу, – он прямо взглянул в колючие глаза старика, – я точно знаю, что это наш щенок, а вы спорите, будто у вас взяли.

Как тут сдержаться, если кобелька присвоили? Просто чудом удерживался Левон, чтобы не схватить «гадёньюша» и не придушить.

– Значит, не можешь? Тогда я куплю, ещё раз рупь заплачу. Ты, я вижу, этого добиваисси. Есть у меня рупь, только я его на хлеб и молоко приберегал. Я ведь, мил друг, тоже воевал. Но документы утеряны, и пенсия – кот наплакал. Давай, пионер, бери рупь! А то скажешь, дед жадный. Я и животных люблю, недавно в школу ежей приволок. В какой школе ты учишься, случаем?

Левон попытался схватить щенка, но тот испуганно дёрнулся назад, взвизгнул и нырнул в густой сосняк. В лицо деду брызнула с веток холодная капель.

– Я в четвёртой. Эй, вы, не трогайте мою собаку. Ко мне, Топсик, иди ко мне!

«Точно он, вон как его зовут», – Левон вспомнил про чёрное небо, сунул руку в карман и вдруг выхватил двадцатипятирублёвую купюру. Облизнул губы, увидев, что от мальчишки ничего не утаишь.

– Была не была, бери всю пенсию, разоряй, – сказал визгливо, сморщился и протянул деньги.

Саша стоял в растерянности. Он колебался, боялся, что и этот дедушка сейчас обидится и уйдёт, боялся, однако, доверить щенка неизвестному человеку. Он жалел, что сейчас с ним нет ребят.

– Или мало? Шустёр ты, скажу, – Чумак быстро зашевелил губами, словно зачитал молитву. – А Бога не боишься?

– Да нет, – отвлёкся от своих мыслей Саша, – мне денег от вас не надо.

Отчаяние охватило его, надо было решать за Юрку, а другого выхода не было.

– Спасибо, дедушка, мне, правда, денег не надо, это и впрямь ничей щенок, точнее, он принадлежал одному мальчику, но ему мать не разрешает держать. Возьмите, если хотите, только адрес скажите, мы будем проведывать. Сейчас я его вам поймаю.

– Хорошо, хорошо, вьюноша, – обрадованный Левон принял щенка и высоко поднял его, – только зачем тебе мой адрес? Рупь за него я уплатил, хотишь опять скрасть, не выйдет.

Потрясённый мальчуган опешил.

– Не брал я у вас рубля, не сочиняйте!

– Я сочиняю? – дед посерел лицом. – Ах ты, неуч сопливый! Навирал мне тут: дедушка, это мой, мой. Уволок у меня щенка и душу травмишь, вражонок. Я вот приду в школу, узнаешь, нехай!

Наверное, нужно было что-то предпринять, доказать правоту, но Саша стоял в растерянности. Несправедливо дед на него наехал, но ведь щенок обретал хозяина.

Саша вернулся к теплосети, ребята ждали его.

– А где Топс? – сердито закричал Дрюня. – Где мой Топсик?

Саша развёл руками.

– Я говорил, старику отдал, – сказал Юрка, – откуда мы могли знать, ты же не предупредил.

– Идите вы, – сплюнул Андрюха, – спешите с рук сбыть, – он взъерошил волосы, загрёб ногой песок. – Правда деду отдал?

– Угу, да только не тому, – Саша принялся рассказывать.

Дрюня нетерпеливо кривлялся, дрыгал ногами, комкал мокрый песок и с силой осыпал им ноги глупого новичка.

– Ловко облапошили. У нас в Семёновке любят раззяв. Пообещают рубль, а дадут в зубы.

Юрка помалкивал: что выступать, щенок определённый. Как ни жалко было Топсика, но он, как в тот раз с Пальмой, испытывал облегчение.

– За пятерик бы лучше загнал, – поучал Андрюха, – я бы ни за что не накололся!

«Я бы, да я бы, а сами удрали, щенка бросили», – отвернулся Саша.

– Нормальный дед, только небритый, а так, в костюме, в шляпе, говорил, ветеран войны.

– Вот как! – Андрюха насторожился. – А шляпа какого цвета?

– Кажется, коричневого.

– А костюм серый! – воскликнул Юрка.

Саша кивнул. Козырь схватил Сашу за грудки, притянул к себе.

– Скотина, Честень, идиот безмозглый! Кому отдал! Волку, волчине!

Юрка ожидал всего, но только не этого. Он размахивал кулаками, желая хлестануть новичка. А с другого плеча налегал Дрюня, разевая, как задыхающаяся рыба, рот. Однако, что срывать зло, Честень был ни при чём.

– Проклятый Чумак!

– А что, он плохой? – не понял Саша. – Где он живёт? Пойдём и заберём.

Мальчишки презрительно фыркнули.

– Дрюнь, ты хоть что-нибудь придумай, – взмолился Юрка, – подластись и стибри, ты же можешь стащить. Андрейка только сплюнул.

– Знаешь, кто ему крышу времянки камнями пробил? Соседка доказала, и он меня теперь на порог не подпускает.

– Я сам, – словно отталкивая всех, – двинул руками Саша. – Где он живёт?

Вызвался – делай, так уж водится. Мальчишки подвели дружка к высокому забору, за которым виднелся обитый тёмным толем дом. Оба знали, что у новичка ничего не выйдет, но не остановили.

По забору прыгал воробей, чем-то похожий на Дрюню, взъерошенный и боевой. В последний момент он, буквально под носом мальчишки, склевал сенокосца, длинноногого паучка. Оставшаяся, прилипшая к доске нога долго двигалась – косила сено.

Саша загремел щеколдой и был оглушён дробным, семиэтажным матом. Наблюдательный пункт был переведён ближе к парнику, где росли помидоры и редиска, а потому Левон издали увидел идущих в обход ребят.

Дальнозоркий дед узнал их и решил «распатронить почём зря».

Отступить Саше было некуда, а нога сенокосца всё дрыгалась и дрыгалась, словно смеялась. Он крикнул про щенка.

– Сейчас! Жди, отдам! Рожон возьму и по башке тресну. Уйдёшь добром или как?

– Отдайте щенка, – упрямо повторил Саша.

В щель была видна зелёная листва вишен, колючие ветви слив.

– Сейчас отдам, ружьё заряджу и отдам!

Хлопнула дверь, и стало тихо. Ребята позвали Сашу, но он упрямно стоял в напряжённой тишине.

Дрюня подбежал, схватил его за руку, потащил.

– Иди, он ненормальный, бьёт, чем попало.

Разошлись, твёрдо решив отомстить.

В эту ночь Саша и Юрка спали в своих комнатах, в своих кроватях, а Андрей в сарае, на выброшенном диване, свернувшись по-собачьи, калачиком.

26. СЧАСТЬЕ НЕ ВЕЧНО

9 мая в ослепительно-солнечный, словно начищенный до блеска день, четырёхугольные батальоны юных десантников в зелёных беретах и белых перчатках, с камуфляжными деревянными автоматами выстроились перед школой. В парадном костюме, словно помолодевший майор, с мегафоном через плечо, вёл мальчишек, которым преподавал военное дело, на парад.

Впереди девчонки несли большой зелёный венок, похожий на украшенную цветами и ленточками мохнатую лодочку для дикарей молодожёнов. Он был свит из сосновых лапок и благоухал хвоей.

Зрелище было торжественным и красивым. Майор, как кадровый военный, дело своё знал.

Конечно, и Юрка, и Дрюня, и Саша, стоя в стороне, смотрели разинув рот. Сейчас военрук не казался им страшным, наоборот, он очень нравился мальчишкам. Они обязательно станут военными и наденут форму.

По традиции их класс тоже пойдёт к памятнику, чтобы возложить цветы. Пётр Иванович предложил отправиться к обелиску жителям Семёновки, погибшим в годы войны, но девочки попросились к Звёздам Славы – мемориалу, расположенному на берегу водохранилища. Мальчишкам хотелось посмотреть парад, и они дружно закричали, что надо идти к «Звёздам».

Сдвинув зрителей в сторону от крыльца, встретили «смирно» саму Клавдию Августиновну. Она в красном костюме походила на священное знамя. Сопровождающие её завучи стали позади.

Ропот утих. Ребята смотрели на директора.

– Батальон, равняйся, смирно! – раздалась звучная команда.

Все замерли. Чеканя шаг, военрук подошёл к директору, щёлкнул пятками сапог.

Вдруг справа, рядом, кто-то присвистнул, да так громко, что Клавдия Августиновна повернулась, а военрук побагровел.

– Червонец, и ты при параде, – хмыкнул Дрюня. – И автомат заряжен?

Опять этот разгильдяй. Майор шагнул вправо.

– Иди сюда!

– А чё? – попытался раствориться в толпе ребят вихрастый оболтус.

Клавдия Августиновна улыбнулась.

– Пусть сюда подойдёт, – попросила она военрука.

Тот подвёл насупленного и, как всегда, взлохмаченного отчаюгу.

– Тебе нравится? – ласково спросило «знамя», то есть директор, и попробовала пригладить неподатливые ершинки его волос. – Ты бы кем хотел вырасти?

Андрейка глянул исподлобья на улыбнувшуюся ему Клавдию Августиновну и тоже повеселел.

– Я выучусь на десантника, буду прыгать с парашютом!

– Молодец, Андрей! – поворошила ещё раз отчаянную головушку директор.

И тут грозный майор подхватил сильными руками Андрея Драных, приподнял и со словами: «Из тебя получится настоящий разведчик!» поставил рядом с собой.

– Товарищ руководитель школы, – топорщил усы военрук, – разрешите подготовку к параду считать законченной.

– Разрешаю! – молодежато крикнула Клавдия Августиновна, порозовев в тон костюма.

Зелёные береты гаркнули слаженным басом.

– Спасибо, товарищ директор!

– С Богом, – махнула та рукой, и батальоны пошли.

* * *

У памятника, залитого золотом солнца и блистающего звёздами, стояли в орденах и медалях ветераны, директор электростанции, начальник военкомата и ещё множество всяких чинов.

Пётр Иванович находился в прекрасном настроении.

«Слава Богу, хватило мудрости у директора Андрейку, как говорится, пригреть, да и военрук сегодня повёл себя молодцом, – он улыбался радушно всем вокруг, – и, вообще, сегодня был необычный день. Мы победили, а потому всё будет хорошо. Воистину для нас май – больше, чем весна!»

Он готов был расцеловать каждого ветерана, каждую старушечку.

День голубел и зеленел. Звёзды, сверкая, возносили людей в чистое небо. Светлая водная гладь раздвигала пространство, склонённые почтительно зелёные ивы напоминали и о грусти, и о торжественности мига. Конечно же, венки от его школы были самым лучшим, на параде его школа прошла лучше всех, но самыми лучшими были его дети.

Жаль, что ему срочно надо вернуться в класс, очень жаль, а то бы он ещё побыл с ребятами на празднике, побеседовал бы с ветеранами, показал пятиклассни-

кам знакомые фамилии в списках павших, сводил бы их в кино. Он обязательно сделает это попозже. Однако некогда, его ждал срочный отчёт по школьному лесничеству.

– Прошу только об одном, – сказал он, прощаясь, – не вздумайте купаться! Половина из вас не умеет плавать. Родители мне вас доверили, и я отвечаю за каждого. Да и водоём технический.

Ребята удивлённо развели руками, громко объявили, что идут в кино. Впрямь, собравшись, направились в сторону кинотеатра. Он же поспешил в школу.

А спустя два часа или чуть позже пришла мать Алёшки Лунькова и начала громко возмущаться, мол, как же так, вы повели детей на митинг и оставили одних на водохранилище. Сами здесь «прохлаждаетесь», а дети брошены – одни купаются.

Зря он забыл про песенку, что после радости – неприятности по теории вероятности, тем более родительница пообещала пойти к директору.

Словно половину сердца отняли. Во рту появились сухость и горечь. Представил купающихся ребят, и сердце объял страх. Вдруг он вспомнил про Сашу, который принёс для свинки еду и теперь виновато прятался в лаборантской комнате. Разумеется, тот знал о заговоре и участвовал в нём. Ребята купаются, а он, вот ведь какой, молчит.

– Честнев, иди сюда! Марья Петровна!

Классный руководитель выскочил следом за матерью Лунькова, объясняя ей, что он не позволял лезть в воду и отпустил всех давным-давно домой. Затем он вернулся, хлопнул дверью и, грохоча стульями, забранился, сверкая глазами.

– Дожил! Начали обманывать! Маленькие умники, лиха беда начало!

Он схватился за сердце. Его понесло.

– Козыревы, Луньковы, Носовы!.. До каких пор я перед вами на задних лапках буду танцевать? И ты такой же... думаешь, если нянчусь, то всё позволено... нет! Раз своего учителя обманываешь, то делать тебе, в таком случае, у меня нечего!

Саша наклонил голову и пошёл к выходу.

– Иди, иди, и свинку выброшу следом. Привыкли, что я вам всё прощаю, – обогнал его учитель, сбегая с лестницы.

На кружок Саша больше не ходил. Да и не тянуло.

27. ХВАТИТ, А ТО НЕ ПОДЕРЁМСЯ!

Оболтусы, они же пираты, шли по улице. Их объединяли и радости, и горести, и мечты. Звали пиратов таинственно: Дрю-коз-чес, Коз-чес-дрю и Чес-дрю-коз – никаких Санёк, Колёк, Юрок. Объединившись, охладомоны мигом выдрали из себя лишние перья, чтобы не выделяться, чтобы стать единым трёхголовым пугалом для одних и бесконечно справедливыми для других, то есть для себя.

Честень телом и душой прилип к Козырю и Дрюне и, что удивительно, был счастлив в своём «дичании». Он перестал мыть руки, причёсываться и учить уроки. В школе демонстративно прятал галстук и смело передразнивал после очередных назиданий военрука. Теперь он не опускал глаза, когда Дрюня, становясь в привычную позу Петра Ивановича, растопыривал пальцы, будто лапы паука, и восклицал: «Мушки мои, как я вас люблю! Простите, – тут пересмешник сморкался и плакал, – что я вас собираюсь кушать, ведь я – Паук».

Козырь с Дрюней курили в классе, дали Честню «подуреть». Тот попробовал, ахнул, мол, какая га-

дось, голова поплыла, и он, то ли промахнувшись, то ли нарочно, бросил чинарик прямо в зелёный аквариум.

Утащили у Анисьи ключ, выпустили морскую свинку и со смехом долго гоняли, как говорится, в трое ворот визжащего Бурмистра, мол, беги к Пауку.

– Паучара, забоялся с нами в поход пойти, козёл, только обещать горазд! – кинул свой окурок в цветы Козырь.

– Обещает он много, – с жаром, уверенный в своей правоте, подхватил ту же ноту Честень. – Улыбнётся, мол, вот мы с вами... обязательно... поедем... поплывём... полетим.

Называть учителя Пауком Саша долгое время не мог, хотя его так и подмывало. В каком-то смелом азарте, от которого сладко подпрыгивало сердце, он, став Честнем для дружков, сбегал за семечками, и теперь они, переговариваясь, сплёвывали шелуху на пол.

– Анисья убирала, пусть с неё и спрашивают, кто в аквариум зёрен накидал.

От мелких пакостей у новичка дух захватывало. Ну вот, а Дрюня говорил, что он так не может, да он и не на такое способен. Конечно, он переборщил, аквариум трогать не следовало. На такое никто не решался. Но Саша только начинал проказничать и не подумал, что за этим следует.

Пётр Иванович обнаружил золотую рыбку и старушечек-телескопов всплывшими вверх пузом, увидел окурки, шелуху и долго сидел на стуле, не желая ни с кем разговаривать.

Дрюня безжалостно орал на Анисимову, а Козырь пообещал отыскать виновных. Как потерянный ходил учитель туда и сюда, звал пропавшего Бурмистра, который ещё вчера убежал в коридор, преследуемый Честнем – бывшим свинопасом.

Стебенюшка плакала, некрасиво топыря губы и отворачиваясь в угол. Честень раза два взглянул на сотрясающиеся худенькие плечи, на залитую светло-жёлтыми волосами половину стола и не испытал той сладости мести, о которой давно мечтал. Пожалуй, впервые было искренне её жаль, но он испугался своего нового чувства зависимости от какой-то девчонки.

– На вас у меня вся надежда, – отчаянно глядел на ребят учитель. – Анисимова тут ни при чём. Да и кто в классе способен на такое? Год вы хранили аквариум, сами кормили животных, убирали и учились оберегать хрупкие жизни. Нет, это дело рук восьмиклассников. Кто-то захотел меня отблагодарить за службу, знаете, как солдат раньше. Отвоевал своё – заполучи треух и гуляй, служивый, хоть на одной, хоть на двух. Треуголку – за преданную собачью службу.

– Ха, вы Анисимову не знаете. А помните, как она обманывала, что мы новенького бьём? А мы, спросите его, хоть раз трогали? – Дрюня упорно доказывал свою правоту.

Честню, то ли пирату, то ли рыцарю, хотелось, чтобы обвинили его, потребовали предать дружков, держали у военрука в его сорок четвёртой «барже», но он бы не стал ябедой, не раскололся. Ему хотелось, чтобы и Паук заорал на него и выгнал вон. Но было совсем наоборот: учитель смотрел в его тёмные глаза с горячей надеждой. Он и ему, и Дрюне, и Козырю верил. Было такое ощущение, что признайся мальчишка во всём, Пётр Иванович прижмёт палец к губам и скажет: «Знаю, знаю про вас, непонятливые вы ещё. Сделали, пусть, я вас всё равно прощаю». И было неловко, но Честень не принадлежал себе: он вроде и не врал, но и не признавался. Нет, ему не было жаль учителя, тот равнодушно прошёл мимо задавленной Пальмы, хотя сам загнал собаку под колёса.

Из школы дружки вышли уверенными в своей правоте.

– Не, нам доверяют, – потешался Дрюня, – ага, сейчас кинемся свинью искать. Ха, Честень, куда ты её отправил, на мясокомбинат?

– Как куда? На все четыре стороны – уши на север, хвост на юг.

– Ага, а пятак себе в карман. Я уже не надеялся на тебя, ну, думаю, расколется, – Козырь подмигнул, он тоже был доволен.

– А вообще зря, – остановился вдруг Дрюня. – Никто не просил тебя, дубину копчёную, рыбок морить. Дурак ты, новенький, и шуточки у тебя дурацкие, а я думал, что добрый.

– Ты у нас добряк, Добрыня Никитич.

Козырь встрял между ними.

– Хватит, а то не подерётесь. Паук новых рыб заведёт, ему, авось, делать нечего. В поход не повёл? Не повёл, вот мы и отомстили. Молодец, Честень, пошли купаться!

Дружно согласились забыть неприятности, школа и так шею перепилила. Вот-вот каникулы, о каких рыбках тут думать? На улице море света и тепла. Майское горячее солнце жгло так, что душные испарения от асфальта и бетона затрудняли дыханье. Двинулись напрямую, через стадион. Мальчишки, раздевшись по пояс, играли в футбол. Летели пыль и песок. Козырь ударил подкатившийся мяч и отвесил оплеуху подбежавшему игроку – четверокласснику. Остановился отряхнуть пыль. Честень тоже остановился, почесав затылок.

– Это, – промямлил он, разом став Сашей, – забыл, мне же надо домой.

Он обещал, и мать просила. Теперь ей нельзя ходить по жаре, а нужно купить картошки, молока.

Дрюня, услышав про дом, обернулся.

– У-юй, не соберётесь! К чёрту домашние дела, пошли!

Саша колебался недолго, увы, у трёхголового существа желания совпали – Честень в нём победил.

Мать не раз жаловалась отцу, что с сыном творится неладное: в дневнике нет оценок, а недавно принёс двойку и запись о срыве урока пения. Классный руководитель уже не раз напоминал, что он аккуратный мальчик, потому пусть не забывает про галстук.

«Назло всем не приду», – упрямо, как бычок, нагнул голову Саша. Он подхватил сумку и бросился бегом.

– Куда? Домой? – заорали и Юрка, и Андрюха.

– Что я там не видел? На водохранилище.

Они добежали до пригорка, и Честень как был в форме, упал на траву и покатился по пыльной мураве, сминая и комкая портфель. Куда пацаны, туда и он.

Ребята спустились и пошли низом. Город остался позади, перед ними в долине, в кудрях лозин лежало село Семёновка.

– Я в деревню еду, – кричал широколицый пират, – там прудик, карасей в нём кишмя. За полчаса полсотни можно нашвырять, и водичка, как слеза, чистая.

– Ты про Михайловку кудахчешь. Лужа для лягушек, а не пруд. Туда коров сгоняют, и вы с ними му-у-чае-тесь. – Дрюня и бежал, и пританцовывал, вывешивая свои старые ботинки то вперёд, то назад.

Козырь не обратил на его слова никакого внимания, ему просто завидуют.

– На своём мопеде туда поеду, – оглянулся победно, затем скаканул по песку.

Честень тоже скаканул и чуть не сшиб Дрюню. Они сцепились. Теперь уж новичок по силе не уступал друзьям. Ногой достал Козыря. Вспомнились кстати приёмы, которые он изучал по книжке. Потянул вперёд, и легко, с подсечкой опрокинул лохматика на лопатки.

Самый рослый пират отшвырнул сумку и попытался схватить второго пирата за шиворот, но тот неожиданно присел, и третьему, то есть атаману, досталось по лбу. Глаза округлились от таких лещей. Белобрысый пират вскочил и ответно стеганул широколицему пирату в ухо. Козырь сразу психанул, засопел, взял портфель и пошёл вперёд.

– Я никуда не поеду, – начал отряхиваться Дрюня, – я тут клубнички поем.

– Нашёл чем хвалиться, у нас ягод пол-огорода, – оглянулся Козырь.

– Своя неинтересно, я тут кое-кому обещался помочь.

Юрка презрительно поморщился, блеснул глазами, желая высмеять дружка. Но, вспомнив, тронул дёрнувшееся плечо.

– Слух, я тоже вернусь. К Левону дёрнем! Попляшем на Чумацком огороде так, чтобы век помнил, как чужого щенка трогать, да?

– Это само собой. А потом к Гоманку заглянем, там поворошим...

Скоро пираты тремя пёстрыми точками выплыли на пригорок. Лето улыбалось легкомысленным и беспечным воякам.

28. ЗЛОВЕЩИЙ ДОМ

Скособоченный и осевший деревянный дом лежал коричневым чудищем в седом прошлогоднем бурьяне. Вокруг буйно росла сочная высокая зелень, высились великанами могучие вязы.

То ли волшебник пожелал, то ли сама лихая, уже известная нам тройца захотела оказаться в диких прериях. Трое пиратов мигом превратились в дикарей-ков-

боев. Оседлав великолепных мустангов, с завыванием помчались на всё ещё полусонную дичь с трёх сторон.

«Бж-бж-бж! Бах, ба-бах!»

От выстрелов раскалялись винчестеры и кольты. Доскакали до забора и резко осадили лошадей. Подошли поближе, продираясь сквозь заросли ушастых лопухов и высоченных купырей.

Про эту потемневшую от времени постройку ходили страшные слухи. Жили тут не то разбойники, не то уголовники. Вроде бы во время войны отец вместе с сыновьями подстерегал беженцев. Да и мало ли всякого народа бродило тогда за Доном! Сыновья не только грабили несчастных, но и убивали их, а отец добришком торговал. Дрюня увлечённо рассказывал семёновскую зловещую легенду:

– ...Порода цыганская, чёрная, волосатая. Рассасывались помаленьку по тюрьмам, а когда возвращались домой, то начинался разбор – дым коромыслом. Ведь у братьев были жёны, а те не всегда мужей дожидались. В приступе ревности средний брат Митрошка убил свою жену и старшего брата Валеру-холеру – порубил топором. Потом, вроде спьяну, повесился сам. Вскоре жена третьего брата вместе с дитём угорела насмерть.

Старый Ларьян в Боевской церкви каялся, в страшных грехах признавался. Говорят, уголья глаз пылали так, что жгли тех, на кого он пялился, то есть глядел, – так сердце у него полыхало...

Дрюня широко руки растопырил, Юрке даже в глаз заехал – вот, мол, какие грехи.

Дикари тоже люди, а потому друзья-ковбои робко стояли перед тремя великанами-вязами.

– Младший Женька, по прозвищу Медведь, самый отчаянный был. Рост, не поверите, метра два, кудри до пояса, а лицом – красавец писанный: нос, специально кто точил, губы – ярче любой помады. На гитаре играл

с переборами, похлеще артиста, блатных и всяких цыганских песен знал – море. Женился во второй раз на Косичке с Сосновки, на плясунье. Такая была фуфырка, вся из себя, как кукла. Медведь её на руках носил: она тоненькая, как тростинка, а он – громила. Собираются с гитарой, гармошкой, бубном и пляшут, пляшут, пляшут. Скоро навеселились. Под Михайловкой Медведь двух мужиков кокнул, и его замели. Дали вышку. Косичка узнала и удавилась...

То ли показалось, то ли на самом деле, но мелькнул за забором кто-то чёрный, похожий на чёрта. Конечно, день белый, но ведь дом проклят. Короче, залегли, говорили шёпотом:

– Она хоть и плясунья, – продолжал нагнетать страх Дрюня, – а из баптистов – верующая, вот и наложила на себя руки. Говорят, волосы у неё были белыми, как у русалки...

По земле, по её зелёной, щедро усыпанной жёлтыми одуванчиками шубке бегало множество всякого травянистого народца. Три огромных бревна мешали им, приходилось забираться ввысь, а то и гибнуть в такой отличный денёк. Упрямый народец не понимал, как им опасно иметь дело с угорелыми охламонами, а те тоже не понимали, что от них нужно всем этим муравьям, жукам и мухам.

– Дрю, а правда, что твой дед приходится братом той Косичке, какая удавилась? – Юрка настороженно оглянулся, потом продолжил, кивая головой в сторону запустелого дома. – Говорят, верёвка до сих пор висит в сенях, а внутри кто-то по ночам кричит и кричит. Даже сейчас...

Все замерли на миг, насторожились, в доме и впрямь нежный голос простонал – мама.

– Она-то повесилась, – шёпотом продолжал Андрюха, стараясь выраженьем испуга в глазах передать

ощущенье ужаса, – а дочь осталась. Обличьем в мать, а певунья в отца. Она сюда приходит и плачет и поёт.

Он в ужасе повернул голову. Все тоже повернули, обмирая. Из дома донёсся явный вой, переросший в пеньё. У Саши поползли мурашки по спине, волосы задёргались волнами. Пеньё смолкло, опять нежный голос простонал дважды – мама, мама.

Юрка, угнувшись, перекрестился.

– Меня бабка молитве научила, говорила, что она от всего: и от колдунов, и от сглаза. Она всегда мне говорила, читай «Отче наш», читай и читай. Я начну, а вы повторяйте.

Он поднял к сияющему небу глаза, потом испуганно скосил их на космы старого прошлогоднего чернобыла, несомненно, там кто-то лазил. Он сжал пальцы щепотью, хотел было начать, но вспомнил более важное:

– Дрю, слух, а это не твоя бабка тут повесилась? Ты нас зачем сюда привёл, новенькому показать?

– Нет. Хотел дверь снять с петель. Плот бы зыкинский получился.

Он куснул травинку, потрепал себя за волосы, мол, какой он цыган.

– При чём тут моя бабка? Мало ли народ набрешет. Говорят, кур доят, а пошли, да доек не нашли. Убивали? Убивали! Вот Господь и покарал. Дом сколько лет пустует? А ведь трое братьев было, да каких – богатырей. И никого не осталось.

Юрка и про молитву забыл, сказал торжественно:

– А ты, Дрючкин? Ты ещё остался.

– Что ты привязался? При чём я-то здесь? – швырнулся пучком травы возмущённый Андрюха.

Юрка усмехнулся зловеще, сбивая щелчком муравья.

– Разберутся, нас с тобой не спросят, понял?

Из дома опять нежно застонали – мама, мама. Кто-то фыркнул, зарокотал и начал ломиться сквозь заросли.

Ребята настороженно привстали, готовые дать дёру, но тут из-за вязов, пушась в солнечном свете, вышла белокурая девочка, несомненно, та самая дочь повешенной. Она с удивлением глядела на трёх «отчаюг», а те на белое в красный горошек платье, на льющийся поток горящих волос.

– Ничего себе, – возмущённым голосом Анисимовой сказал призрак. – Дранных, Козырев и новенький с вами.

– Анисья, – пришёл в себя и от изумленья, и от испуга, и от внезапного восторга забияка, – а мы думали. Не, чудеса. Что ты тут делаешь?

– Индюк думал да в щи попал, – пропела Стебенюшка вызывающе. – У меня, кстати, имечко есть – Катя. Я не одна, у меня хозяйство.

Как к слову, из зарослей вышла чёрная коза, и выбежали двое козлят.

– По деревне ходила со стадом козлят деревенская Катя – пастушка, – пропел Юрка, чуть гнусавя.

– И понравился ей, – неожиданно звонко подхватил Дрюня, – кротитель свиней, чернявый девчатник Сашушка.

Стебенюшка расхохоталась так, что одуванчиковый, делавший её личико ангельским, веночек лопнул и рассыпался по траве тремя толстыми оранжевыми гусяницами.

Честень почувствовал, что краснеет; он и сердился, и смеялся, и ощущал приятное, ведь спели про него.

Щебетали на все переливы птахи, сердито мяукал скворец, отпугивая чужаков от гнезда, а смелая трясогузка сидела рядом на столбе и пронзительно спрашивала непрошенных гостей – зачем, зачем?

Коза решительно потрянула увесистыми рогами и поспешила на выручку к своей хозяйке. Саша впервые видел такое удивительное и строгое животное. Глянцевито-чёрное стройное тело, ноги, как в туфельки, обуты

в маленькие копытца, рога, будто у антилопы, загнуты назад, а главное, она пронзительно смотрела золочёными, похожими на человечьи, глазами. Важная и гордая коза чем-то напоминала, вот смешно, Петра Ивановича.

– Какая анчутка! – растопырился ей навстречу Андрюха. – Я её подою, а потом прокачусь, идёт?

С треском из кустов выскочили ещё две стриженные ярки, увидели чужаков и замерли, подняв кверху любопытные мордашки. Юрка цыкнул на них, и козочки испуганно отпрянули за изгородь.

Дрюня сиял как пятиалтынный, тёр ладонью о ладонь, сгорая от нетерпенья.

– Начинается охота на диких коз во владениях Анисьи щипроксиленской!

Взломаченный баламут прыгнул вперёд, рассекая старыми ботинками роковое пространство между вязами.

– Честень, атакуй! Курчавенькую мы просто обязаны зажарить и слопать, а эту, – он показал пальцем на Анисимову, – связать и отвести на водоём. Там утопим.

– Коза брухучая, – предупредила Катя, отступая назад. – Козырев, а где твоя Пальма, где щенята?

Сама того не ведая, она одним вопросом напрочь отбила у Юрки охоту связываться с козами. Юрка начал свистеть, вроде распугивая птиц.

– Честень, помоги! – наскочил на Анисимову белобрысый вояка. – Вяжи ей руки! Пуп, сюда! Козу хватай!

– Ага, – спохватился тот и тяжело рванулся вперёд, но Саша встал на пути.

– Не надо. Что воевать, когда можно и так погладить. Ему не хотелось гонять таких симпатяг.

Шустрые малыши бросились в разные стороны, а коза, наоборот, смело подалась вперёд.

– Ай! – отскочил Юрка, получив увесистый и колючий тычок в бок. – Ты чего это, а?

Он хотел было стукнуть чёрную бестию ногой, но отпрыгнул в сторону, ибо коза взвилась вверх свечой и с хриплым меком, мотая головой, мигом разметала пиратскую ватагу – кого куда.

Саша, увёртываясь, заскочил за вяз и лоб в лоб столкнулся со Стебенюшкой. Оба вскричали, отшатнулись друг от друга. Он видел худые, трясущиеся плечи, золотистую дымку, опушающую тонкую шею. Какое потрясающее имя – Катя! Неужели она обиделась, неужели плачет? Стебенюшка оглянулась, и он увидел, что девчонка хохочет, вытирая слёзы.

Дрюня, удирая, получил от козы такой сильный тычок вдогонку, что, вертанувшись вокруг другого вяза, наскочил на бегущего навстречу Козыря. Он боднулся с ним лбом и, отлетев на дорожку, долго сидел, ошалело тряс головой и при этом хохоча.

Минут через десять горячие головы студили набитые шишки козлиной битвы в воде. Катя не стала купаться, ей надо было стеречь своё стадо.

29. НЕУЖЕЛИ ПРОКЛЯТЬЕ СБЫВАЕТСЯ?

Летняя жара, начавшаяся с конца апреля, продолжилась и в июне. От разогретого, размягчённого асфальта, от камня зданий днём пахло душно керосином и цементом, а ночью они излучали тепло. В короткие звёздные ночи до рассвета не смолкали у подъездов шумные разговоры мальчишек и девчонок. В парке бухала музыка – модные зарубежные записи «Моден Токинг», «Кисс», по выходным и по средам там проходили дискотеки. Музыка плотной волной давила на стёкла, проникала вместе с комарами в форточки, мешала спать.

Пацанье поменьше посиделки и дискотеки презирало. Для них долгожданным был калёный, горячий, как дыханье благодарной дворняжки, большой, напоённый светом и приключениями день. Счастливицы разъезжались по сёлам к бабушкам и дедушкам.

Юрки с Андреем не было видно. Первый уехал в деревню, где тяпал картошку, ел вволю сочный горох с колхозного поля и с дедом Иваном стерёг коров. Другой исчез неизвестно куда, вроде бы подался в Бобров к тётке, пока мать находилась в одном известном месте на излечении от запоя.

Без друзей Саша скучал. Пойти было некуда, оставалось одно – читать книжки.

Он, конечно, помогал маме, которой в жаркую погоду было очень тяжело. Саша бегал за продуктами, приносил ей первую клубнику с рынка. Мать была занята собой. Она чуралась жары, берегла свой огромный живот и иногда подходила к сыну с какими-то глупыми вопросами.

«Глянь, шевелится, ножкой упирает, – краснела она и улыбалась, – как ты думаешь, кто там?» Она хватала за руку сына, зачем-то клала его ладонь к себе на живот. Он стеснялся, злился, нетерпеливо высвобождал руку и спешил уйти.

Лета настоящего Саша не видел, понимал, что это всё из-за того, кто прячется в животе.

Парнишка раздевался и загорал на балконе, а когда в голове начинало гудеть, как в паровом котле, а в уставших глазах рябило от чтения, залезал в ванну – искупаться.

Тосковал мальчуган по бабушке, сердцем от жары щуплел, ждал и не мог дождаться, когда же у отца будет отпуск. Всего за пару недель он умудрился здорово загореть.

«Хорошо прокоптился, – хвалил отец, – что читаешь, о чём мечтаешь?» Сын отвечал уклончиво, мол, потом

расскажет. Он никак не желал разделять тревоги отца за мать и его раздумий – ехать или не ехать. Как не ехать? И матери Саше не было жаль, только в подсознании зрело любопытство, кто же у него будет: брат или сестра.

И вот едут, билеты куплены. Мама отпустила мужиков, посоветовала им развеяться и отдохнуть, мол, потом долго некогда будет.

В последний, хлопотный перед отъездом день, в предвечерний лукавый час дружки, словно с неба, свалились Саше на голову. Неожиданно явились оба, вызывая мальчишку условным свистом. Саша целый день грезил, представлял встречу с хлопотуньей бабушкой, как та обрадуется, заохает, заспешит им навстречу. Представлял быструю речку Смехушку, таёжный лес с грибными местами и малинниками и, конечно же, мечтал, как увидит рыжую собаку Найду. Он вволю набегается с ней, накупается по тысячу раз, обязательно порыбачит в каждой бухточке.

И тут он услышал призыв. Свист звенящей пулей ударил в грудь, просверлил в тукнувшемся сердце дырочку, вызвал и боль и страх. Кто там ещё?

Саша из окна увидел ребят в фуфайках и кепках.

«Рыбалка с ночёвкой, – решил, – жаль, что мне нельзя, уже завтра утром я фр-р-р-р-р – улечусь и ку-ку!»

Он быстро спустился вниз и радостно поздоровался.

– Слух, Честень, – подступился Юрка, – полезешь с нами?

Они долго не виделись, Саша успел отвыкнуть от ребят и не пригласил их в дом. Дружки изменились. Козырь подрос, стал тоньше, а вот Дрюня остался маленьким и каким-то выцветшим. Было в нём что-то жалкое, как в некрасивых и хроменьких девочках. Тот же непокорный чуб топорщился из-под мятой кепки,

те же пропылённые ботинки. Саша про себя отметил, что немного обогнал Андрюху в росте.

– Я своим обещаньям верен, к Левону, так к Левону!
– Дрюня посмотрел пристально. – Согласен, Честень?

Саше некогда, вечером они должны с отцом упаковывать вещи, но он не успел об этом подумать, с губ сорвалось: «Конечно, полезу». Согласился, испугался, но тут же обрадовался, ведь не отказался, не уронил мальчишечей чести. Авось успеют, приготовятся к отъезду.

– А мы надолго? – спросил он на всякий случай.

– Собирайся, – переглянулись оба дружка.

– У дураков мысли сходятся, ты нас ещё уважаешь, – усмехнулся Дрюня. – Оденься в старое и тёмное. Вернёмся, гарантирую, быстро!

Все трое были не прочь полакомиться ягодой, но не это и даже не мщенье за щенка было главным. Пришла пора показывать себя, свою смелость до отчаяния. Мальчишки хотели рискованной игры: с уроном врагу, с настоящей опасностью. Они играли в войну, правда, заранее верили в победу.

Шли от парка. Вслед гукали ритмы тяжёлого рока. Густо пахло гретой смолой от молодых сосен. Сгущающиеся сумерки делали всякие мелочи таинственными и значимыми.

Гуском, не разговаривая, спустились к берегу ручья. Каждый представлял себя и десанником, только что сброшенным на парашюте на чужую территорию, а потому как бы вжимался в глыбистый, местами обрывистый берег. Саша старался не топтать ногами, нависал на сучьях лозин, раздвигая космы дикого хмеля и повители, зорко всматривался во вражескую сторону. Полной темноты дождались в кустах, а потом поползли. У Саши обмирало сердце, но страха не было.

Первым через открытое пространство полез, извиваясь ужом, Андрюха, за ним Саша и Юрка. Сумерки окутывали лица мягким теплом, а тишина вдавливалась в землю. Звёзды, казалось, вдруг скатились на голову и тяжело дышали в уши. Саше было слышно, как сердце гонит кровь по пульсирующей жилке у виска. От напряжения задёргалось веко левого глаза, пальцы ощупывали траву, песок, камешки, а нос обострённо чувствовал дух сырости и тину от реки. Когда переползали песчаную дорожку, от неё потянуло теплом и едким пыльным духом гретого песка. Трава, наоборот, холодила и пахла озоновой свежестью. Были моменты, когда мальчишке хотелось прислониться к ветвям лозы, спрятать в листьях лицо и никуда не двигаться, ибо там, впереди, чернела неизвестность. Но именно она манила к себе. Звякнула консервная банка. Дрюня прошипел, что порезал «лапу». Безмолвно чернели огороды.

Наконец они вползли в кусты, поднялись и пошли. Неожиданно кусты раздвинулись, открыв уходящее изгибом вниз и вверх полотнище клубничника, скрытое тёмной пеленой.

– Попасёмся на Чумацкой ягодке, – прошипел Дрюня, – посидите, я схожу, гляну, как и что.

Он, пригибаясь, шагнул на огород. Саша пошёл было следом, но Юрка остановил его, мол, не рыпайся, это разведка.

Почему-то хотелось – вперёд и вперёд. Дрюня отчётливо представлял дедов огород, зная: чуть выше низины стоит колодец с обветшалым зелёным срубом. Там растёт самая ранняя, как раз сейчас спелая. Дед коварен, и разведчику следовало быть настороже. Мальчишка прикладывал руку к уху, нюхивался и пристально вглядывался в сторону сада. Не скрипела затворённая дверь, не шевелились кусты,

никаких шагов не было слышно – всё тихо. Колька нутром чуял опасность, но не мог понять, откуда она исходит, а потому посчитал себя излишне подозрительным.

Земля пахла раздавленной листвой и ягодами, будоражила аппетит, хотелось попасться, но чернота пугающе шевелилась. «Ночью всегда тревожно, – решил, – просто я робею». Он вернулся к ребятам и сказал решительно.

– Пошарил – никого. Нас не ждут.

– Тогда пошли, чего тянем кота за хвост? – шагнул вперёд Козырь.

Саше даже их шёпот показался слишком громким, но он зашагал рядом со всеми в сторону колодца. Кругом тревожно замерла тишина, разве что сопели и чавкали ребята, да сердце гукало баскетбольным мячиком. Он, нет-нет, а оглядывался почему-то на крытый сруб колодца. Тот, облитый мрачно-голубым маревом, напоминал старый разбойничий дом, только маленький. По спине прокатывались мурашки, ибо ему казалось, что голубоватая тень от колодца всё время к нему приближается.

Парнишка старался быть спокойным, глядел то на луну, то на Дрюню, который чавкал так громко, что, казалось, хотел разбудить всю Семёновку. Ему стало смешно, как Андрюха спешно, горстями хватая клубнику, и ест, ест, будто последний раз хочет наесться вволю. Он на минуту отвлёкся от колодца.

Дрюня чутко вслушивался в посторонние шорохи, ждал, небрякнет ли петля. Он услышал шорох у колодца, но присвистнул беспечно, представил суетливого ёжика.

А у Юрки волосы зашевелились: сруб колодца раскололся напополам и покатился в его сторону. Он, обмирая от страха, вскочил и увидел в трёх шагах от себя

ужасного Чумака с блеснувшим, как ему показалось, топором.

– Я больше не буду! – истошно закричал мальчишка и бросился в сторону.

Споткнулся о борозду, упал, замер в животном страхе, уткнувшись в мягкие листья лицом.

Может, дед узнал его и не тронул, может, не заметил, но тяжёлый топот прогрохотал мимо.

– У-у-убью! – выкрикнул, как показалось Юрке, прямо в ухо Чумак.

Дрюня, конечно же, первым рванул в спасительные лозинки. Он бросился в сторону от Саши, словно отводил беду. Тот, не поняв, побежал следом.

– Отделяйся же! – оглянулся мальчишка и, чуть притормозив, развернулся в противоположную от Саши сторону.

Тут-то и грохнуло! Словно разверзлась земля. Дрюня вскинул руки к голове, в горячем тумане вплыл в кусты, пересёк поляну и осел, хватаясь за ветлу. Саша нагнал, дёрнул за мокрый рукав.

– Беги! Дрю, гони, говорю! – нервно тряслись губы и коленки. – Он стреляет.

Андрей внезапно упал, рухнув на обломанную ветку лицом вниз.

Саша машинально потёр ладонью по щеке и почувствовал едкий запах крови. Трижды обострённое страхом чувство вскрикнуло – Дрюнина кровь! Он понял – доигрались – и инстинктивно присел за шершавый куст. Рядом затрещали выстрелами ветки, послышался топот. Волосы мальчишки стали дыбом. Лопнувшая тишина надавила сверху и тенью пронеслась дальше – то был Юрка.

Саша замер, не в силах пошевелиться. Из облаков выщербился месяц со срезанным краем и ярко осветил макушки кустов, похожие на всклокоченные волосы

Дрюни. Лёгкий ветерок прошелестел ночной птицей, поворошил листву кустов и словно разбудил испуганного мальчишку.

– Юрка, Козырь, – пробормотал тот смущённо, – тут вот Дрюню нашего того, Юрка!

Говорил шёпотом, боясь, что сумасшедший дед вскочит из чёрных холодных кустов сзади и ударит твёрдым по голове. Боялся, а сам ни на шаг не отходил от Андрея.

«Спокойно, – лязгая зубами, успокаивал себя, – что-нибудь придумаем».

Он вдруг страшно на себя психанул за то, что ничего не умеет, хотя отец говорил – учись.

Саша присел над лежащим белобрысыком, приложил голову к груди и вскрикнул – жив! Чёрное пятно шмяком слепило непокорные светлые вихры. Мальчишка прикоснулся к голове, ощутил этот шмяк и пугливо отдернул руку. Он вдруг представил раздавленное тело Пальмы. Вспомнил её слипшиеся в крови белёсые шерстинки у живота, пегое вымя и безжизненно волочащиеся лапы. Неугомонный Андрюха Дранных валялся руками вразлёт, он и сейчас словно продолжал мчаться и мчаться куда-то.

Саше жутко. Солоноватый привкус крови ощутил мальчишка и заплакал.

«А Юрка-то сбежал, – вдруг понял он, – сбе-жа-л!» На миг внутри заговорила гордость, он сбежал, а я остался. Страх исчез, осталось отчаяние. Он опять опустил голову к груди ещё живого друга, начал бестолково брать его тяжёлые руки, тереть.

– Погоди, мы сейчас, отец всегда знает, что делать, – суетился он, стиснув зубы. – Отец, отец?.. Нужен отец!

Мальчишка вскочил, вытер слёзы. Затаптался на месте. Долг требовал оставаться тут, но медлить нельзя.

Трясущийся, как в лихорадке, Юрка поднимался в это время по лестнице своего дома.

«Чумак узнал меня, это точно, – стучало в голове, – вон мать уже ждёт с палкой».

Хотя он был в промокшей одежде, упал в ручей, ему становилось то жарко, то холодно. Он жалким волчком ссутулился на ступеньках – бей!

Под ногами матери был коврик – красная клубничина. Она напомнила об оставленных дружках. Чёрт его дёрнул лезть с ними! Юрка успел увидеть, как дед выстрелил, слышал, что крикнул ему Честень, и ему пришла в голову мысль разжалобить мать.

– Чумак внука своего на клубничнике из ружья кокнул насмерть! Правда, я видел.

Мать нетерпеливо шагнула в дверь.

– Заходи, раскрыл хлебальник! – она оглядела коридор и быстро захлопнула дверь. – За ягодами, что ли, забирались?

Она нервно дёргала за пуговицы, помогая сыну раздеться.

– Да не, просто проходили, ну он угостить хотел. По горстке, говорит, принесу.

Ольга Ивановна наконец-то сообразила.

– Вон где пропадал! Тоже лазил, вражина немилая?

– Да нет же, – Юрку всего трясло, – говорю, нет.

Мать больше ни о чём не спрашивала, и так ясно. Долазились.

– Ладно, поняла, – перебила, – знай теперь, помалкивай, а спрашивать станут, то ничего не видел и не слышал.

Сын послушно кивнул и, унимая дрожь, залез в ледяную постель, с головой укрылся одеялом.

Пьяный врасшибок отец ничего этого не слышал.

ЭПИЛОГ

Всё тот же парк видел Александр. Высокий парнишка в чёрных очках-треугольниках, белых перчатках и горчичного цвета рубашке-расшивохе, сплошь увешанной ключами, стоял на танцплощадке парка, механически водил руками. Отрешённо падали рычаги, сжимали клещи, подтягивали каучуковое тело – двигался механизм робота.

Ой-ой, уинь-кинь, ой, пой, мой Кинг, ой-ой, пой, Бог мой!

У одного художника парень видел картину «Сурки», на которой со стёсанными квадратными головами, закрытыми на замки, люди-маски открывали рты за новыми порциями наслаждений.

Лица стёрлись, краски тусклы, были люди, стали куклы.

Танец разрушения, безжизненный танец марионеток. Белые мёртвые руки отгораживались мнимым стеклом, упруго бились в него, как бабочки в окно, хода нет. Люди-маски, зачем узнавать друг друга?

Александр прошёл в темноту. Шесть лет назад в роковую июньскую ночь он с друзьями полез на огород. А как будто вчера это было...

Увидев кровь на руках сына, узнав, что стреляли в мальчишку, отец велел сыну спуститься и ждать на улице. У подъезда на скамеечке что-то шумно обсуждали и громко смеялись. Дёрнули Сашу за плечо, что, мол, трясёшься, как параличный? Он сунулся в холодную сирень, щёки так и горели. Его нашла напряжённая рука отца, подстегнул стальной приказ: «Скорей!»

Отец вплоть до дороги нёс Андрея на руках. Только там их подобрала «Скорая помощь». Потом Саша сидел на ледяном стуле в пустом жёлтом коридоре. Всю ночь шла операция. Дрюню спасали долго. Дурачок, он

всю жизнь думал, что никому не нужен, а врачи сдавали кровь, вызывали специалиста из Воронежа.

И в жёлтом свете Саша не выдержал, заснул. И снилось ему поле, сплошь поросшее сурепкой.

– Это мой огород! – бежал и отчаянно кричал Андрия Драных. – Не лезьте сюда, тут ничего нет!

– Ерунда, – отвечал Саша, – зато я летать могу.

И оттолкнулся парнишка, оторвался, полетел. Он полетел, а Дрюня остался. Поле ширилось, ярко цвело, округлялось и вдруг зазвенело и задрезжало всё громче. Какой-то огромный волосатый цыган стоял среди сурепки, бил топором по струнам чёрной гитары, а здоровущая рогатая коза, сверкая золотистыми глазами, высоко подпрыгивала, выплясывая немислимый танец. Дрюня в белой рубашке всё ближе подходил к этой странной компании. Но вот коза повернулась, взвилась свечой, поддела рогом белобрысика и с силой подбросила вверх, за Сашей следом... ого... как же больно они стукнулись лбами!..

Мальчишка опомнился, потёр край виска, ближе ко лбу, которым здорово наладился о спинку стула. Он опять сидел в жёлтом коридоре, глядел на белую дверь и тупо ждал. А в голову стучалось: «Мать сыра земля – заступница, расступись и дай покой рабе твоей Анисье, а чадам её дай хлебушка вволю. Дай мальцу здоровья, спаси и помилуй!» Так молилась и причитывала за Сашу его бабушка.

Он разжал онемелый от бесконечного крика рот, непослушные пальцы и, сам того не ведая, стал крепиться и мысленно повторять: «Мать сыра земля – заступница, спаси и помилуй Дрюню, он хороший мальчишка, мать сыра земля, помоги, Андрей хороший, он правда хороший!»

В дальнее окошко, гася жёлтое пятно на потолке, всё упорнее пробивался белый ровный свет. Он стру-

ился и лил, лил, заливал коридор, замочную скважину операционной – извечный свет надежды. Саша решил тоже стать врачом, обязательно хирургом, обязательно-обязательно!

– Иди спать, – вышел усталый отец, – иди, всё обошлось. К счастью, успели. Уже через неделю парнишку переведут из реанимации в хирургическое отделение, тогда и придёшь проведать.

В Сибирь они тогда не уехали, ибо уже через день мама родила мальчика, которого назвали Андреем – Сашок настоял.

*Весна, 1986 – лето, 1989 год,
Нововоронеж*

Посвящаю своей любимой жене Галуне

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО МАМЫ

ПОВЕСТЬ

*...Служащие Христу забывают мелочь, самую толику, о том, что истинный путь – путь осмеяния. И вообще – непростой путь. Пойди – и услышишь: «Больной, ненормальный, ату его! Распни, распни!»
Находятся, идут... их считают сумасшедшими. Остальные же на высоте. Они сильны в своём праве! Господи, сколько сил надо приложить, чтобы посеять в их сердцах доброту и жалость – поселить Бога.*

1. КТО ТЫ, ПАУЧОК, ДРУГ ИЛИ ВРАГ?

Кирпичный шестиэтажный дом с номером шесть на улице Победы ничем не отличался со стороны двора от целого ряда домов, следующих друг за другом. Не отличались и подъезды, разве что у шестого рос изогнутый вяз с уродливым наростом в полутора метрах от основания ствола. На выпуклом «флюсе» издали были видны два светлых круга, похожих на глаза. Люди, входившие в этот подъезд, видели свежую, вырезанную на коре надпись: «Илюха – змей».

К шестому подъезду подъезжала машина скорой помощи. Подъезжала днём, перед обедом, в то время, когда взрослые были на работе, а дети – в школе. Из шестидесяти шестой квартиры, расположенной на втором этаже, в сопровождении санитаров выходила одетая в поношенное чёрное пальто высокая женщина с всклокоченными, пепельными от седины волосами и жёлтым, очень измученным лицом. Она долго возилась с замком, пытаясь закрыть дверь, и всё время повторяла надорванным, напряжённым голосом: «Илюшка приглядит, он обязательно приглядит, как же без этого... Бог терпел и нам велел... авось Илюшка сестру в обиду не даст...»

В руках она держала серый, средних размеров, чемодан. Её красные, налитые кровью глаза бегали по стенам, словно что-то высматривали. Вот они увидели мохнатое тёмное пятно на белом: кто-то из мальчишек прилепил горевшую спичку к выбеленному низу лестницы, потому и закопилось. Женщина присела, прикрыла голову руками и истерически, со стоном закричала:

– Уберите! Уберите его! Он меня укусит... Паук меня тяпнет в затылок... укусит, собаня немилая-я!..

Она забилась в руках санитаров, словно пойманная птица в силке. От укула успокоилась, покорно села в

машину. Будто вчера это было, а вот уже два месяца минуло, как маму девятиклассницы Лады Свёрлышкиной увезли в больницу.

На крошечной с жёлтыми стенами кухне было уютно: всюду стояли кастрюли, банки, коробки. Старая почерневшая раковина наклонилась влево, из крана с бульканьем сочилась вода. На немытой плите грелся выдавший виды голубой чайник. На столе лежало полбуханки чёрного хлеба и стояла бутылка подсолнечного масла.

В однокомнатную квартиру переехали недавно, вселились без ремонта, но радовались и этому... после знаменитого общежития «Восьмёрочки у пивбара», в котором промучились полгода.

Углом к плите упиралась алюминиевая, продавленная раскладушка, на которой облаком белела давно не стиранная желтоватая простыня, тёмно-синей взволнованной лужей смотрелось скомканное одеяло, задыхающимся карасём выглядывал угол жёлтой подушки. Светловолосая девчонка, которая выглядела куда моложе своих пятнадцати лет, сидела, поджав белые колени к подбородку, на раскладушке, держала на нитке крохотного паучка, забавно перебирающего ножками, с грустью улыбалась, поднимая его ввысь, к лампочке, на свет. Лада была на кухне и в спальне одновременно. Сюда её переселил брат, как только мать положили в больницу. Тут же, в углу на бумажном куле с макаронами лежали кипой книжки и тетрадки. Остро пахло прогорклым сливочным маслом и залежалыми тряпками, но юная хозяйка «светлицы» не замечала спёртого духа – придышалась.

– Уже два месяца, как мама в больнице, – говорила нараспев с оттенком грусти девочка, покачивая распущенными золотистыми волосами. – Хоть бы письмо написала. Жду-жду, – она смотрела на карабкающе-

гося по тонкой нити паучка, и в ней просыпался детский восторг. Не могла Лада долго грустить. А ещё в ней просыпалась артистка. – К счастью – взвейся, к горю – убейся! Милый паучишка, смело ты карабкаешься ввысь; лезешь, лезешь, не боясь разбиться. Сам рыженький и крестик в серединке – амулет природы, вечная ткачиха, ибо знаю, ведь ты – паучиха. – Лада, не замечая, стала говорить в рифму, воображая себя на школьной сцене. – В лопушках прошла, тебя нашла, чудесенькую. Ну почему вас мать моя не любит? Мама, моя мама долго пряталась сама за занавески, в угол забивалась, так людей боялась. Только стук, вся бледная, трясётся, руки к сердцу и в глазах испуг... куда-нибудь, куда-нибудь скорее. Паук, кричит, сейчас меня настигнет и укусит, всюду его сети, всюду, всюду! Что за сети, я их, например, не вижу?

На девчонке было лёгкое ситцевое платье зелёного цвета, а сама она походила на спрятавшееся до следующего года милое, тёплое лето. Наверное, её наряд, тепло ладоней напоминали паучку о лужайке, о лакомых, мелких мушках, о путешествии в поисках далёкого пристанища.

Девочка приподняла руку, разглядывая на свет мохнатую точку, висящую на тоненькой нити.

– Так-так, дружок, а ну-ка лезь на пальчик, лезь, лезь. Какой ты маленький, чуть я сдави – погибнешь. Но как ты смел, как цепок, как доверчив. Уважаю и люблю. Если бы мать увидела, с кем я играюсь, так сразу бы закричала – брось немедленно, а то он тебя оплетёт. Нет, он не оплетёт, он хороший паучишка, и мы с ним дружим.

На плите закипел чайник – крышка громко загремела, застучала от нетерпения, требуя выключить газ. Лада приподнялась и осторожно отпустила паучка на подоконник.

– Закипел и закипел, молодец, убавим огонь! – она слезла с кровати. – Расшумелся, как Ромка Бушуев.

Поспешешь и паучка рассмешишь: оступилась, с треском ударилась коленкой об угол раскладушки, рукой смахнула две пустые кастрюли на пол. Вздогнув от грохота, смешно надула щёки, повертела пальцем у виска, затем звонко расхохоталась. Невинный смех кареглазого ангела, наверное, в одну секунду растопил бы все льды Антарктиды, но Лада, слава Богу, не гадалась об этом. Она спохватилась, надула пухлые губки, затем покаянно опустила их кончики вниз, трагически охнула:

– Я же собиралась жарить хлебцы. Хотя... – запела легкомысленно, – у брата сегодня зарплата-та-а, и он, конечно, купит чего-нибудь вкусенького: колбаски варёной ужасно хочется, маслица сливочного. Я бы картошки отварной сварганила к селедочке. Н-да, аж слюнки потекли.

Опять взяла спички, чтобы зажечь газ.

– Гори, гори ясно и... сердце не гасни. Пять минут – блюдо готово. К брату студент приходил, одноклассник Борис, бородатый отшельник. Говорит Илюшке – кашу из топора не так просто приготовить. Вот у тебя есть топор? Зато хлеб есть и соль есть. Сейчас приготовим блюдо, закачаешься!

Пальцы юной фантазёрки быстро нарезали кусочками хлеб, налили на сковородку подсолнечное масло, высыпали, помешали.

– А распоследнее яйцо, Илюх, найдётся? – она пыталась подражать высокому голосу Бориса – студента, даже так же, как он, ущипнула себя за подбородок.

– В холодильнике сколь угодно, – отвечала басом.

– Тогда и сестричку угостим, она попробует, и, глядишь, захочет тоже причалить к студенческому берегу.

Он приготовил... я не отказалась... и с тех пор студенткой стать мне захотелось, хи-хи.

...Тщ-щ-щ-щ, хлебцы расшипелись, надо убавить огонь. В холодильнике у нас что? Ура-ура! Целых два яйца. Хорошо, что не одно, значит, я не буду одино-о-о-ка. Раз сбилось, – указательный пальчик взлетел вверх, рот приоткрылся, а глаза озорно блеснули, затем на миг стали серьёзными и задумчивыми, – я загадываю желание: хочу со всеми дружить, хочу, чтобы со мною дружил... новый класс и учителя.

Руки ловко разбили яйца, круто посолили.

– Готово, – опять рассмеялась. – Как это бабуля в Мелитополе гутарила: «Кузьма и Демьян, святые угодники, садитесь со мной обедать. Эй, паучишка, вылезай, иди обедать, ведь я приглашаю. Доверчивый Простушок, хотя не так, точнее будет, доверчивая Простушечка, хи-хи-хи! В классе Нину Весельеву Простушкой зовут. Простушкой-пастушкой, с хлыстиком.

Лада присела к скрипнувшему столу, чтобы отрезать ломоть хлеба, затем быстро встала, попыталась пафосно говорить, но замахала рукой, фыркнула, как будто обожглась, и опять зазвенели серебряные колокольчики её заразительного, вроде бы беспричинного смеха. Она попыталась быть серьёзной, взяла двумя пальчиками ломоть хлеба, но тут же его уронила на колени, опять встала, пронзительно глядя перед собой лучистыми глазами волшебницы, и живо представила свою подружку, её тёмно-русые волосы, собранные в пучок.

– Похоже: паучишка такая же толстенная, как Нина Весельева, а Нина вечно по углам прячется, как паучишка... та с крестиком... и эта... ха-ха-ха! Вот смешно-то. Теперь, паучишка моя, буду звать тебя Ниной. Эй, где ты там? Хм... уже взялась вить серебристую сеть.

2. ПИСЬМО ОТ ДУРОЧКИ

Это случилось 19 октября, в день, когда в школах вспоминали великого Пушкина, проводились дни поэзии и осенние балы. День выдался солнечным, хотя и свежим. По дорожкам кружились золотистые листья. Шалун-ветер весело танцевал с белыми девицами в золотых сарафанах и приглашал берёзы на очередной тур вальса. Стыдливым румянцем краснели кусты дымчатого дерева скумпии обыкновенной, пышно разросшиеся вокруг белого здания почтовой и телефонной связи.

Мама Нины Весельевой с утра сортировала очередной мешок с почтой. Она повертела в руках мятый толстый конверт, швырнула было к остальным в ячейку стеллажа с пометкой «улица Победы», потом весело позвала подруг:

– Девки, девки, идите-ка сюда, тут письмо... из Орловки.

В городе Новике, как и в округе, слово «Орловка», как притча «во языцех», была связана с сумасшедшим домом.

Вместе с Верой Алексеевной, начальницей отдела доставки, в этот день работали ещё три женщины: пожилая и полная Валентина, маленькая, средних лет Ася, и молодая, худая, как доска, Вика.

Подошла пожилая Валентина, даже кошёлек достала.

– Ох, я думала, ты опять что-нибудь принесла на распродажу.

У маленькой Аси «барахлило» сердце, потому она задыхалась.

– Орловка – село, там тоже люди живут, – проговорила она то ли в шутку, то ли всерьёз.

У молодой Вики глаза загорелись, она любила посплетничать.

– Что, прямо из сумасшедшего дома?

– Именно. И знаете от кого? Дурочка у нас тут одна есть, не столько дура, сколько притворяется, льготы себе выбивает. Теперь вот специально легла – квартиру отгяпать. Хотите, почитаю?

Какой соблазн, тем более письмо из Орловки, кто откажется? Однако, такие нашлись: пожилая женщина замахала руками, заругалась:

– Бознай щё придумала. Чужие письма нельзя вскрывать, дело подсудное.

Валентины не послушались.

– Кто узнает? – фыркнула молодуха. – Заклеил, да и всё. Письмо-то из... Орловки... от сумасшедшей... интересно же...

Однако пожилая работница не согласилась с ней.

– Я бы тебе, Вера, не советовала связываться. А ты, вертушка, лучше окно прикрой, а то всех сквозняком прохватит.

Но молодая и не в меру любопытная Вика уже протянула блеснувшие ножницы.

– Поддень аккуратненько, как я письма сестры вскрывала, когда она с наркоманом связалась, вещи начала из дома таскать. Хопс, и готово!

– Не ерепенься, всезнайка! – остановила её, раздувая пухлые щёки, маленькая Ася. – Лучше над паром подержать, чтобы влаги набрал: сам откроется. Ишь, сколько наваяла, делать-то им там нечего, вот и сходят с ума.

Мама Нины Весельевой имела свой опыт по вскрытию чужих писем: пальцы нажали на конверт, нашли не заклеенным уголок, потянули вверх, рот подышал внутрь – и дело было сделано.

– Хоть посмеёмся, правда? – она вынула из конверта исписанные крупными неровными строчками листы.

Её обступили: каждой интересно было посмотреть, как пишет сумасшедшая, каков у неё почерк.

– А кто же это такая? – с любопытством спросила маленькая Ася, одетая не в тёмно-синий халат, как все остальные, а в рыжее вязаное платье.

Самая пожилая из сортировщиц отошла, ей было неприятно.

– Ой, нехорошо, грех – чужие письма читать, не хочу и слушать.

Её дружно проводили к столу, на котором стояла электроплитка.

– Тётя Валя, не хочешь, не надо! Вон рядом ведёрко, сургуч грей.

Молодая девица закружилась вокруг высокой башни из посылок и серых мешков с газетами, приговаривая:

– Пишу тебе, кума, как я сошла с ума!

Вера Алексеевна встала, подняла руку, щёки её пылали пятнами.

– Внимание, читаю! – объявила она громко, потом насмешливо хмыкнула: – Ни здравствуйте тебе, ни кто пишет, ничего. Дурочка считает, авось так сойдёт; н-да, гляньте, девки, – ни привета, ни имени, какова героиня? Только послушайте.

«Ходила по стене, беседовала с мухами...» – фи!

Остальные женщины дружно рассмеялись.

– Дальше, дальше, – нетерпеливо подтолкнула Веру Алексеевну маленькая Ася, сгорая от любопытства. Она забыла про своё больное сердце.

«Мушки добрые, мушки лёгкие, помогите мне...»

– Ой-ёй! Кого в Бога выбрала, – фыркнула молодая и несдержанная Вика.

Пожилая женщина прислушалась, ей тоже стало любопытно.

– Бознай щё собирает, – проговорила Валентина и перекрестилась. – Каких только болезней не бывает, прости меня, Господи, и сохрани.

– Да это же дурочка, – пояснила молодая, легкомысленная Вика, – тебе же сказали.

Маленькая Ася просто лопалась от любопытства, ей край хотелось узнать, кто написал письмо.

– Чья это, да чья эта сумасшедшая? – круглились обведённые чёрной тушью глаза, вскидывались выщипанные брови.

Вера Алексеевна торжественно подняла руку.

– Тише! Не всё сразу. Потом скажу. Слушаем дальше.

«...Принесите весточку про мою семью на крыльшках.

Мухи жаловались на злого паука в тёмном углу: у одной недавно съел сестру, оплёл паутиной и съел...»

Читавшая хмыкнула. Блеснувший влагой язык облизал вздрагивающие ярко-красные губы, глаза же холодно сузились, в голосе звучала ирония:

– Хм, ничего не понимаю, какая-то чушь, правда, девки? Ладно, едем дальше...

«Мохнатый чёрный...»

– Как твоя дурья башка! – Вера Весельева ухмыльнулась и подмигнула подругам.

«...копошится, а глаза за мной следят, когда я по стенам бегаю!..»

– Да-а-а... Воистину по таким Орловка плачет!

Все переглянулись, мол, ну и ну...

– Надо же, она там по стенам бегаёт, – крикнула молодая сортировщица и подпрыгнула от восторга.

– Это ей мерещится? – спросила, подойдя ближе, пожилая Валентина у остальных.

– Бзик! – ответила ей маленькая Ася и повертела пухлым пальцем у виска.

«...Дверь не найду, а он следит. Я знаю, как усну, он оплетёт мне ручки, ножки и укусит...»

– Укусит! Укусит! Укусит! Обязательно укусит! – со злорадством повторила несколько раз мать Нины Ве-

сельевой, сама не понимая, почему её вдруг охватила слепая ярость, хотя ей было за что злиться, а точнее – за кого.

3. ПОЛУЧКА

Лада налила бурлящий кипяток, так как любила запивать «хлебцы» горячим чаем, присела, жадно понюхала душистый пар от яичницы, чувствуя, как же она голодна. В этот миг с лестничной площадки донеслось странное пение, – она оглянулась, напряглась – послышалось «возмущённое клацанье металлической вороны» – долгожданное щёлканье ключа в замке входной двери. Лада когда-то вот так же цокала языком, потом её быстрые ножки сами ныряли в тапочки и... неслись навстречу родителям...

Сердце девчонки радостно ёкнуло:

«Ага, Илья пришёл, зарплату принёс. Сейчас мы разведем, что он купил вкусенького?»

Глаза по-хозяйски мгновенно окинули опустевшую полку в углу, а руки потянулись смахнуть извечную пыль и крошки; так и есть, пора купить мыло и порошок. Пусть выделит деньги и на два метра сиреневой ткани, она повесит на окно занавески.

Звякнуло стекло, несомненно, стукнулись бутылки, раздался топот, и в дверь ввалились ребята, они пели пьяными голосами: «Не валяй дурака, Америка! Не валяй дурака, Алёновка, не гони дураков, Емелюшка, угощай дураков, Алёнушка!»

Лада, затаив дыхание, шагнула к двери кухни, высунулась, разом переполняясь и любопытством, и возмущением. По голосам мигом определила – явился выпивший её старший брат Илюха и его два друга: долговязый Гена Попов, которого брат звал Генাপопом, и

Серёга Пронин, а проще – белобрысый Прон. Последний довольно сносно играл на гитаре, зато выпивши несносно трепал языком.

– Илюх, тесный у тебя портал. Ни разу не был. Где водички испить? – кряхтел он стариком, стараясь держаться на ногах.

Лада услышала звук падения, звон.

– Прон, майор-телок, рогами все польгты посвалял и с сапогами на них залез, как свинья! – сердито заругался, затем стал глухо бухать, кашляя, брат.

– Соберу... сяс... сяс... не ругайтесь, такое дело, не торговец я не слова, запрокинулась и отяжелела золотая моя голова! – жалкий голос словно выжимался из сдавленного горла. – Эт не я, эт Есенин!

Ладе было и смешно, и любопытно, и впрямь жаль Серёжку, которого опять «забрало зелёное чудовисе», как он любил выражаться.

– Хватит корячиться, заходите в комнату! – рыкнул брат.

– Генাপоп... слух, братанок, главное... гитару... это... береги. Без гитары я, как кум на нарах, без гитары я король без именин.

У Серёжки был тонкий и звонкий голос. Когда он говорил, да ещё выпивши, то будто козлёнком блял, а вот пел хорошо. Лада услышала, как Илюха поставил сумку у двери и громко позвал её хриплым басыщем.

– Ладья, иди сюда. Ладья! Ты где, противная сестрица?

Брат у неё чёрный, как цыган, курчавый и довольно злой, особенно когда выпьет. Лада его боялась.

– Ну, чего? – высунулась она из двери.

Брат выглядел сердитым, его жуткие глаза сверкали из-под насупленных бровей.

– Давай трескать... на всю кодлу готовь... а то, вон ножницы, возьму и наголо обкорнаю.

Вот так-то, принёс, называется, сестре гостинец с полочки. Мало того, что пьяный, ещё и ребят привёл. Лада смотрела на сумки, но там, кроме торчащих горлышек бутылок, ничего не было видно.

Белобрысый Серёга Пронин вытянулся перед сестрой Ильи, как перед генералом. Он был худ, невысок ростом, к тому же сутул.

– Майор Пронин собственной персоной. Герой всех времён и народов, резидент...

– В коровнике президент, – перебил его смуглый красавчик Гена и посмотрел гипнотизирующим взглядом на Ладу, как удав на кролика. Его агатовые глаза, окаймлённые тёмными ресницами, блестели, распаивались, словно ворота в чёрную бездну, влажные зубы тоже сверкали белизной, по жёлто-матовым щекам разливалась бледность.

Серёга сделал пару неуверенных шагов к двери, улыбнулся ласково.

– Разрешите познакомиться... Илюх, сестра у тебя офигенная! А ты куда, Генапоп... куда это, а?

– Крутяк... какая девушка... всё... тащусь... – бархатистым голосом пропел смуглый и долговязый красавчик Гена, подмигивая Ладе. Он отпихнул Серёгу, фыркнул ему в лицо. – Куда, куда, раскудахтались. Я, может, водички испить. Может, меня жажда мучит.

От обоих неприятно несло водкой. У девочки перехватило дыхание, она с треском захлопнула кухонную дверь, но затем вновь открыла, отмахнулась, словно от мух, от назойливых гостей.

– Хлебцы будете есть? Другого ничего нет; ой, да отстань же! – отстранилась от холодных, как у лягушки, рук липучего Гены.

Однако красавчик нагло вломился следом за ней на кухню.

– Деточка, дай бедному саксаулу золотой водицы,
– кокетливо сверкали белки глаз, вытягивались в виде
поцелуя красные жадные губы.

Илюха не обращал на эти игры ни малейшего внимания. Он поставил на стол бутылку водки.

– Сестра, – приказал басом, не терпящим возражений, – неси тарелки. Ладя, – оглянулся, повысив голос, – срочно доставай стаканы, а то я тебя в пешки переведу, поняла?

Мать умела быстро разбираться с пьяницами, она бы давно отчитала Илюху за то, что пришёл «зюзя зюзей». А что может она, Лада? Тем более брат лишь унижает, словно она вообще никто.

– Сестра у тебя – косяк! – таращился белобрысик, сладко улыбаясь провонявшей водкой «харей».

Лада – не маленькая девочка и знает, что означает слово «косяк». Нет, она не затяжка для каких-то там наркоманов, сам-то он это слово.

– А-а, ещё соплюха! – отмахнулся брат.

– Какая соплюха... какая же соплюха, ты чё, Илюх, она же с твоей... этой... азбукой Морзе не выговоришь, в одном классе обучается, – махнул рукой Серёга, затем сел, взял облепленную цветными наклейками гитару и небрежно бряцнул по струнам. Какой высокий у него голос!

Уже можно целоваться, обниматься

И всю ночь шептать: «Тебя люблю!»

Мама, разреши мне... Уй!

Илье не понравился разговор, а потому он не церемонился: всхрапнул как конь и лягнул левой ногой прямо в ухо «певчей птичке».

– Извини, но руки заняты, – объяснил ядовитым голосом хозяин дома. – Смени репертуар, и не надо, прошу. Не надо открытым текстом, могу приборбить.

Серёга обиженно смолк, поставил гитару и ушёл на площадку лестницы.

В это время красавчик опять попытался прорваться в заветный альков – на кухню. Ему не терпелось потрогать золотистые, горящие струящимся огнём волосы симпатичной девчонки. Лада же сама поспешно вышла из кухни и плотно закрыла за собой дверь, стараясь не пустить гостя...

– Лада, какая ты ладная, а я таких девчонок обожаю.

Он решительно попытался обнять милую сестру Ильи, но та с силой его оттолкнула.

– Да иди ты от меня куда подальше!

Гена отшатнулся и от неожиданности едва не упал.

– Обижаешь, сестрёнка, так не договаривались.

Лада рассердилась: ещё один брат нашёлся.

– Топай отсюда... к столу, я подаю! – скомандовала строго, возвращаясь к себе на кухню.

Взяла цветные прихватки в виде сердечек, которые они с Ниной сшили на уроках труда, вынесла всё ещё горячую сковородку и увидела ненавистную зелёную, точно в ней и впрямь зелёный змий сидел, бутылку. Её охватила решительная ярость.

– Мать приказывала, чтобы ты не пил!

Лучший метод защиты – метод атаки.

– Кто пьёт, кто пьёт-то? – оборвал её Илюха. – Получка сегодня, вот и обмываем. Сама не зарабатываешь ни хрена, так нечего и тявкать!

Какой же он, её брат, злой, ничуть сестру не любит, ничуть. Матери нет, брату не нужна – в сердце девчонки вскипела обида. Ей всегда нравилось, как поёт белобрысый Серёжка, а сейчас вон вошёл и загнусавил, как испорченный магнитофон:

– Не обижай, не обижай, брат, младшую сестрёнку.

– Лучше заткнись! – рявкнул на Серёгу Илюха, затем посверлил острым и тяжёлым взглядом Ладу, так и прожёт. – Стаканы подавай, коза... стоишь тут, всем мешаешь!

– Дурак и алкоголик, – потемневшие глаза Лады налились слезами.

– Ещё выступаешь, – фыркнул ежом брат, – Генапопка, готовь ножницы!

– Всё, всё матери расскажу, пьёте тут.

Бедная девчушка ещё не знала, что разговаривать с подвыпившими ребятами, всё равно, что заговаривать больные зубы, то есть только раздражать. Кроме того, она впрямь ощущала себя ущербной в застиранном, мятом платье. Квартира однокомнатная, потому приходилось прятаться на кухне, среди смятой постели и грязной посуды. Неприбранная постель, немытая посуда вызывали стыдливое чувство в Ладе. Брат прав, она – девочка и не прибралась.

– Только бы не тащились на кухню.

Но на двери запора не было. Она не боялась Серёжки, зато опасалась противного Гены, который ей... вот ведь напасть-то, был симпатичен. Она понимала, что Серёжка лучше, в сто раз лучше, что он с самоваром, то есть у него и душа, и доброе сердце. В голове же самодовольного красавчика дул только ветер, а вместо сердца ему достался кусок красного кирпича, а потому злилась, была готова расцарапать любому из них щёки.

– Лад, ты же знаешь, пьют не от хорошей жизни, – философски размышлял, ероша, как малое дитя, макушку, Серёга. Он любил разводить антимионию, то есть красиво рассуждать, будучи во власти коварного «змия». Он сидел на столике перед зеркалом на куче шапок и перчаток, широко раскрыв рот, и глупо улыбался. – Вопрос р-р-ребр-р-ром – пить или хорошая жизнь? Ну... выбирай. Власти р-р-р-решили – пусть пьют... Э-э-э, чтобы не пили, нужна хорошая жизнь.

Лада чувствовала свою зависимость от неотразимого взгляда высокого симпатичного Гены, чувствовала, как её пугливое сердце падает в бездну его масляни-

стых глаз, окаймлённых густыми ресницами. У неё было такое ощущение, словно он взял её на руки и понёс далеко-далеко. Протяни ей руку, скажи улыбкой глаз, взмахом рук, душой, сердцем – люблю, будь со мной навечно – не колеблясь, пошла бы с ним на край света. Но перед ней был не парень, перед ней был крокодил, и она его презирала: «Недаром этого долговязого гада Генку кличут Генাপопом, – сердилась девочка, – увидел меня и растаял, лыбится как Параша, придурок, а сам перед братом стелется. Сейчас весь изоврётся».

– Зря ты, Ладок, на братку бочку катишь, – стал назидательно поучать красавчик, – он всё-таки брат, всё-таки старший. Вон моя Алёна примчалась к сестре рёвой-коровой, а я ей только по амбразуре настрелял – четыре пощёчины влепил за враньё. Твой брат Генка – крокодил! – орёт. Сестра ей, мол, а ты – Чебурашка. А она – нет, не Чебурашка, но он такой псих, такой ненормальный! Сестра её в дверь не пустила. Алён, – говорит, – не трогай брата, а говори мне так: я такая, я, я, я... и всё будет понятно.

Лада не стала слушать, ей не хотелось и хотелось ухаживать за ребятами, так же как хотелось поесть, но одновременно тошнило от терпкого запаха перегара. Она поспешно стёрла крошки со стола, потом положила деревянную доску и стала резать принесённый с кухни хлеб. Подошёл брат и бесцеремонно хлопнул сзади... ниже пояса.

– Кому сказал, рюмки носи!

Лада стыдливо вспыхнула, отвернулась, кусая локон золотистых волос, и, ничего не сказав, подала из шкафчика хрустальные стаканчики.

– А ещё один?

– Пейте сами, я не с вами, – отвечала едва не плача.

– Нас-то трое, не видишь, дура!

– Ты один всё видишь, умник...

– Выпей, Ладк, – подмигнул ей Серёга, – сначала будет горько, потом будет сладко. Как в лодке поплывёшь по волнам, у-у-ух...

С другого края трюмо висело новое платье Лады, готовое вот-вот упасть. Малиновый густой цвет фокусировал на себя всю комнату, дважды отражаясь в зеркалах трельяжа. Вот Серёга попытался встать и случайно зацепил рукой платье, которое румяным облаком медленно опустилось на пол. Ещё миг – и Серёгин сапог водрузился в самую середину этого малинового облака. Лада почувствовала, как этот чёрный сапожище стал, мешая дышать, на сердце. Слёзы отчаяния полились из глаз, она бросилась к зеркалу с криком:

– Праздничное платье стоптал, придурок!

– Сопля ещё взрослых обзывать, а ну, иди отсюда! – схватил её за руку и грубо развернул Илюха. – Не будешь свои вещи по всей квартире развешивать...

Чёрная рубаха делала брата похожим на выходца из Закавказья. Нижнюю половину лица покрывала густая, едва не сизая щетина, чёрные брови густо нависли над сердито сверкавшими глазами.

Лада отмахнулась и закричала, плача:

– Я уйду, совсем уйду.

– Катись!

– Ладно, мужики, – пытался обнять друзей Генка, – охолонем трошки, опрокинем по напёрсточку. Давай за сеструху, Илюх.

Илюха резко сбросил его руку, он не любил «телячьих» нежностей.

– А что? – забасил шмелём. – Матери нет, кто в доме за неё? Она, кобыла здоровенная! Уже и постирать, и поесть может приготовить, а ей лень посуду со стола убрать.

Умел братец её достать, умел зацепить за живое.

– Деньги где? – оглянулась Лада. – Из чего готовить-то? Ты продуктов купил?

– Во, ещё со старшими оговаривается.

Обидно! Видно, её брата в детстве обкормили горькими пилюлями, а долговязого Генку – сладкими ирисками, до чего же у одного взгляд злой, а у другого – липучий.

– Илюх, подымить можно? – спросил Серёга. – Я у тебя ни разу не был.

– Не базарь, дай и мне в зубы, – отвечал басом брат.

– Не был, не был! Нельзя, значит.

Брат закурил, когда вернулся из армии. Мать упростила сына никогда не курить в квартире, ведь ни она, ни Лада не могли выносить едкого табачного дыма. Вот и сейчас горечь на миг перехватила дыхание девчонке. Сдавленно зарыдав, она выскочила в коридор и стала срочно одеваться. Следом за ней вышел брат.

– Это мои друзья, что ты их боишься?

В ответ лишь гулко хлопнула дверь.

Брат презрительно улыбнулся. Его этими фокусами не проймёшь.

– А, беги, беги. Всё равно вернёшься, кошка драная, – он зашёл в комнату, кивнул, морща нос, друзьям. – Всё пучком! Пьяницы и алкаши, давай к столу, уже разливаю.

4. СЛУЧАЙНАЯ ГОСТЬЯ

Стылая ноябрьская ночь шуршала опавшей листвой, хлопала мокрыми ветками, нерадушно блестела размытыми огнями. Лада шла и горько плакала, рядом с ней, виляя хвостом, бежала довольно крупная бродяжья собака Малыша. Девочка остановилась на освещённом между домами пяточке, продуваемом ветром. Собака подошла к ней, уткнулась в коленки, виляя хвостом. Лада зябко поёжилась.

– Сапожки на босу ногу, носки-то на батарее остались, и пальто на платье надела, а ветрище ужасный,

такой холоднющий! Малыша, будь хоть ты за меня, – бормотала несчастная дрожащим голосом. – Мать уехала, а брат разгулялся.

Разве можно уходить беззащитному ребёнку в хищную, сверкающую огнями, как глазами, ночь? Лада с малых лет знала, как опасен ночной город. Мимо проходили чёрные зловещие тени. Вот одна из них остановилась. Это был высокий парень, похожий на Генапопа.

– Не меня ждёшь, бамбино?

«Не тебя!» – закричала душа обиженной девочки, которая испуганно отшатнулась. Рослая собака зарычала.

– Понял, понял... чао, крошка!

«Куда теперь, я ведь ни к кому не хожу, – думала, дрожа, Лада. – Как страшно ночью!»

Неподалёку кто-то яростно кричал: «А морда!», «У-у, коряга!» Хохотали, как ей казалось, вампиры, визжали... сумасшедшие ведьмы, то орали коты... мелькали огни... хлопали ветки.

– Не в подъезде же мне сидеть, ждать, пока брат с этими уйдут. Здесь, конечно, светло, но дует ледяной ветер. А идти в темноту страшно. Как же мне быть? Господи, помоги мне, не дай замёрзнуть, Господи, молю тебя, ой!

Из зловещего мрака, буквально перед носом дрожащей Лады, появилась добрая волшебница, в руках она несла большую серую папку. Зазвенел знакомый радостный колокольчик:

– Хо-хо, вот так встреча, как я удивлена, как рада. Это ты, Свёрлышкина?

Голос Нины Весельевой, её одноклассницы, с которой они сидели за одной партой, походил на голос ангельский, сколько же в нём было тепла и надежды! Собака Малыша тоже признала Нину, обнюхала её пальто и завилыла хвостом.

– Ага.., я... надоело дома сидеть... вышла с Малышей погулять, вот. Выскочила на минутку и... замёрзла, бр-р-р.

Когда Нина радовалась, её голос впрямь звенел колокольчиком. Сколько весёлого звона в этом колокольчике! А Нина и впрямь радовалась встрече, будто и не сидели они сегодня несколько часов вместе за одним столом в школе, а не виделись много лет.

– А я из музыкалки. Какой год её бросаю и всё не брошу.

Лада любила слушать игру на музыкальных инструментах.

– Мне так нравится, когда играют, – заговорила она романтично, забыв про холод, – особенно на рояле. Пинь, тринь, блинь-блинь! Ля-ля-ля-ля-дзиньк, тринь-на-на-тринь. Я всегда мечтала научиться. А ты на пианино играешь, да?

Холод всё-таки не тётка. Лада так и запрыгала вокруг подружки, чем рассмешила её. Та поставила свою папку у ног и стала прихлопывать в ладоши.

– Ага, на всём, особенно на худых вёдрах и на нервах матери. Она в какие дверки меня ни толкала: ещё маленькой в хореографию, потом на баяне играть, а теперь вот рисую.

Лада опять остро почувствовала, как же ей холодно, губы у неё дрожали и не слушались, и тело дрожало, и ноги приплясывали. На мгновение ей стало завидно, что собака Малыша одета в тёплую, лохматую шубу. Девочка присела, желая спрятать окоченевшие ладони в густой собачьей шерсти. Малыша завиляла хвостом, стала лизать ей нос и щёки жёстким языком.

– Малыша, сразу своих узнала, молодец, – Лада встала, представляя себя художницей, делающей набросок верной собаки. – Ты рисуешь?.. Отлично! Уже давно рисуешь?

Нина простодушно хмыкнула.

– Что-то я рисую... хм... рисую... как вон собака хвостом. Мать меня трясёт, словно грушу. Она меня то в акробатику, прямо цирк, то в хор, а у меня слуха нету!

Нина закричала и сгорбилась по-старушечьи. Как её достали, как ей надоело! Дома мать обязательно проверит, что она сделала, за что платятся деньги.

– Обожди, Лад, а ты не умеешь? Ну, чуть-чуть... рисуешь?

Бедной Ладе хотелось обнять подружку, прижаться к ней и хоть немного согреться. Рисует ли она?

– Не знаю, – дрожала, стуча зубами, – пробовала всяких животных. Вроде получается немного.

Нине как раз немного и нужно. Идея её вдохновила.

– Пошли ко мне, пока мать не вернулась. Пошли скорее.

– Ага, я вся закоченела. Ты далеко живёшь?

– Разве не знаешь? Через два дома, как и ты, на втором этаже. Бежим!

Просить Ладу не надо; гулко захлопали сапоги, но промёрзшая девочка этого не замечала.

– Бежим! – бодро кричала она. – Бежим, Малыша! Бежим скорее!

5. КАК ЖЕ У НИНЫ ХОРОШО!

Дом Победы, два стоял постовым на выезде из города. С одной стороны его упрекал за «худобу» сосед-домище, прозываемый Китайской стеной. С другой стороны звали в гости красавцы от Паркового проезда. Недаром джентльменов, одетых в бежевые смокинги из штукатурки, звали «На семи ветрах»: их шёпот, страстный призыв погулять по красивому парку лёг-

ким ветром проносился раз за разом мимо магазина, фотоателье – во двор улицы Победы. Дом номер два стоял в глубоком раздумье: ему хотелось уйти и не слушать ворчливого соседа-великана, хотелось погулять с красавцами по парку, сходить в гости к гостинице, но ведь он постовой – на выезде, а службу оставлять никак нельзя! Дом во все свои тридцать шесть глаз-окон смотрел на дорогу, на переход, всё ли там в порядке. Тридцать шесть глаз-окон провожали и встречали машины, благословляя их на безопасный путь. Ещё дом любил маленьких, хотя и шумных людей, он их всех согревал теплом. Дом был очень немногословен, скорее добродушно молчалив.

Дети нырнули в подъезд, как в ванну с тёплой водой. Увы, не все жители ценили молчаливую доброту кирпичного великана. Некоторые этим пользовались, попросту унижая хозяина. В подъезде было темно и потому не было видно оцарапанных стен с некрасивыми, в том числе и матерными надписями.

– Опять мальчишки лампочку разбили, а ведь уходи-ла – свет горел.

У хозяйки в сумочке прятался свой ключ, которым она привыкла орудовать в темноте. Вот дверь распахнулась. У Лады было такое ощущение, что, наконец-то, они из мрачной пещеры с её опасностями и стужей выбрались наружу – к яркому солнцу и теплу.

Квартира, отделанная под дерево, показалась гостю очень светлой и очень просторной.

– Пальто туда, сапоги сюда. Не стесняйся. Это отец дома, на кухне гремит – ужин готовит. Подзакусить не желаем?

– Нет, – Лада отрицательно покачала головой, забыв о том, что она ещё с обеда не ела.

«Промёрзла здорово, – шмыгнула она носом, глядя на синие щёки и красный нос испуганной девочки, ко-

торая смотрела на неё из зеркала. – Хоть бы не заболеть теперь».

– Как у вас хорошо! – завидовала она откровенно Нине, любуясь арками, ведущими из коридора в разные комнаты, большой золотистой люстрой, увешанной блестящими стеклянными шариками.

– Нравится? Папа у нас любит по дому возиться, – гордо и громко отвечала хозяйка, довольная, что её квартиру хвалят. – А я ему всегда помогаю. Проходи, я сейчас.

Нина весело, с лукавой улыбкой подошла к светло-коричневой двери и, приоткрыв её, позвала отца. Из-за третьей арки навстречу высунулась улыбающаяся, с такими же весёлыми глазами и таким же маленьким носом лысоватая круглая физиономия. Лада никак не ожидала, что родитель её подружки выглядит таким смешным. Она непроизвольно прыснула, чувствуя, как ослабло её нервное напряжение, которое она испытала на улице.

Однако в душе у неё скрывалась глубокая грусть. Отец Лады был совсем другим, она помнила из далёкого детства высокого, смуглого мужчину, молодого и красивого, в военной форме. Теперь у неё не было папы. И хотя она привыкла к этому, сейчас ей стало завидно.

– Нинок пришла... отучилась, – нежно заворковал родитель; на его отвислых щёчках круглились ямочки, в глазах сверкала радость, мол, слава Богу, дитя вернулось.

– Отрисовалась! – махнула короткой и пухлой рукой дочь, – я в порядке, пап.

Девочки прошли в комнату Нины, так сказать, в девичий альков. На стенах висели огромные портреты модно одетой певицы Алсу, которая томным взглядом пристально смотрела со всех сторон на оробевшую

Ладу из-под небрежно распушенных иссиня-чёрных волос. На фиолетовом покрывале сидел бархатный огромный слонёнок, точь-в-точь как из мультфильма про обезьянку, удава и ещё попугая.

«Боже мой, – Лада взволнованно рассматривала кремы, духи и всякие безделушки, – своя комната, как же здорово! Вот бы мне такую!»

Нине комната изрядно надоела, тем более в ней, как всегда, был беспорядок.

– Ладно, не обращай внимания, потом уберу, – подхватила она кучу разноцветного белья со стула и переложила на угол кровати. – Садись, – наклонилась, поднимая фиолетовую ночнушку, – а почему ты без тапочек? Возьми вот эти «Киски», они такие тёплые.

Нина, жмурясь от удовольствия, переоделась, она не любила все эти музыкальные и «рисовальные» школы, а потому её тяготила даже форма, в которой она ходила в очередное учебное заведение. Она сняла песочный костюм, освободила волосы из-под двух красных заколок и с удовольствием надела привычный фланелевый, в фиолетовых сердечках халат. Лада заметила, что фиолетовый цвет в комнате преобладал над остальными. Обои – в фиолетовых цветочках, занавески фиолетовые, даже люстра над головой имела фиолетовые плафоны в виде изящных сердечек. Нина открыла дверь и зычно крикнула:

– Па, я не одна, я с подругой. Ты нам сюда еду не принесёшь?

Тепло приятно пощипывало кончики пальцев ног и рук, как же здорово сначала промёрзнуть, даже перепугаться, а потом со смехом вспоминать об этом. Она простила брату и его друзьям их гулянье по поводу зарплаты. А смуглое, симпатичное лицо Гены напомнило ей вдруг... лицо отца, её родного отца, те же глаза, только по-настоящему любящие...

Нина открыла папку, которая на свету оказалась тоже фиолетовой, достала лист с ярким рисунком, дала фиолетовый карандаш Ладе.

– Видишь, хотела лошадь на лугу нарисовать, и не получилось. Морда какая-то узкая, свинячья, правда? А ноги как столбы...

Лада с удивлением смотрела на очень красочный рисунок, любовалась им. Луг пестрил жёлтыми шарами и фиолетовыми колокольчиками. Выше простиралось фиолетовое небо с тёмно-фиолетовыми облаками. А над всей этой красотой стояло фиолетовое космическое создание с тремя цветками в румяных губах.

– Лошадь замечательная, – глаза Лады вспыхнули, – зря ты... и цветов на лугу много.

Нина порозовела от смущения.

– Я их люблю.

– Только задние ноги вот тут наоборот вывернуты, видишь, вот так. На сгибах должны быть утолщения – бабки. Где копыта, нога лошади как бы сдвинута вперёд, а пятка обрастает волосом, ну, помнишь, песенку про новогоднюю ёлочку – «лошадка мохноногая...». Морду лошади ты почти правильно нарисовала, только срез... впереди... не нужен, тут вот ноздри, а тут мягкие тёплые губы... нижняя обвисает мешочком.

Нина навалилась подружке слева на плечо, смотрела напряжённо и сопела, как паровоз.

– Ага, – закричала чуть не в ухо, – я учусь, учусь, а ты подошла и сразу как надо нарисовала. Не пойму, – вздохнула, – зачем матери это нужно?

Скрипнула дверь, с фиолетовыми тарелками в руках вплыл отец, толстый, лысоватый добряк. Его слегка потное лицо добродушно улыбалось.

– К вам можно? Не помёрзли, птахи? Ешьте, пока горячее: оладышки специальные, кефирные, пюре картофельное с селёдкой.

Глаза Нины раскрылись широко-широко, рот тоже широко раскрылся и мяукнул, высунулся розовый язык, аппетитно облизнулся.

– Умираю с голоду, ням-ням! Пап, а вилки захватил?

– В кармане фартука, в целлофане. Бери.

Лада, пытаясь скрыть, что голодна, отвернулась, сглотнула слюну, но левый глаз следил за дразнящей аппетит картошкой, а ноздри раздувались, улавливая ароматный дух маринованных кусочков иваси. Она продолжала стоять, упорно разглядывая картинки на стене. Запах съестного кружил ей голову, она бы сейчас съела десять тарелок картошки, да ещё с селёдкой. Но девочка, борясь с искушением, отошла от стола, принялась листать цветной журнал на тумбочке у кровати. Жадный взгляд, брошенный на еду, не остался без внимания. Отец буквально «раскрылся», как насадка над цыплёнком, перед гостьей.

– Вы, пожалуйста, не стесняйтесь, – улыбался он, так что глаза его становились большими и круглыми, а нос так и сиял, и ямочки на щеках сияли, и лысина сияла, и весь он сиял радушием: смешной, потешный и... родной. – Мы люди простецкие. Садитесь, покушайте, а уж потом разговаривайте.

Вдруг отец увидел нарисованную фиолетовую лошадь в цветах и начал чмокать языком, как малыш, сосущий свой мизинчик. Счастливая и гордая улыбка озарила пухлое, доброе лицо. Он знал, что его дочь, как говорится, «ни в дудочку, ни в сопелочку», но он на это не обращал, как любящий родитель, ни малейшего внимания, он любил свою дочку до самых печёнок, любил верной собачкой, любил, потому что видел в ней себя, свою судьбу.

– Как живая, – хихикнул он от восторга, открывая и закрывая ярко-красный рот и быстро моргая вытаращенными глазами, – сел бы и поехал. А говоришь, я не умею.

Горячие, влажные пальцы, пахнувшие жареным луком, ласково потрепали розовую щёку дочери. Широкая грудь глубоко вздохнула.

И тут Лада невольно подметила удивительное: два счастливых, прозрачно-синих озера глаз отца словно бы вливались в два точно таких же, оглупевших от счастья, прозрачно-синих бесконечно глубоких озёр – глаз дочери. Это её поразило, оказывается, и у Нины, и у отца совершенно одинаковые ярко-синие глаза. Они смотрели друг на друга, как небо и море.

– Пап, это не я, это Лада, – призналась Нина. – Ты только матери не говори, а то опять привяжется. Ты садись, Ладк!

Гостья чинно продолжала стоять, лишь ноздри её раздувались, улавливали острые запахи солёного, хлебного и картофельного духа.

– Не-не, это Нина нарисовала, только она так умеет... – Лада подняла красные руки и потрясла ими.

Нетерпенье Нины, как говорится, лопнуло: она с жадностью набросилась на свежую и горячую, сдобренную соусом и постным маслом картошку. Ела быстро и жадно, пачкая пальцы и губы в хлебные крошки и в масло от селёдки.

– Ты, Лад, что пить будешь: сок или какао?

Гостья была готова жевать собственные волосы – так пропитались они аппетитными запахами, но она стеснялась и ничего не могла с этим поделать. Она отщипнула хлеб, пожала плечами. Отец рассмеялся:

– Ухожу, ухожу, сами скорее разберётесь.

– Па, неси сок и какао, неси яблоки.

– Мне бы чая... без сахара.

Отец ещё громче засмеялся, ямочки его слегка обвисших щёк порозовели.

– И без заварки, хм.

Он ещё раз оглянулся, покачал головой, уходя.

«Эта девочка совсем не та, что вчера приходила. Та шибко прыткая – это ей дай, то подай... принеси, отнеси. А тут нет, тут у человека совесть имеется. Я же не слепой, вижу – человек хочет поесть... хочет, но совесть не позволяет. Так ведь и не села к столу, – отец, которого в семье звали «Да это же Федя», ещё раз оглянулся в задумчивости, затем повернул назад, желая накормить гостью, затоптался на месте. – А может, правда, меня стесняется, может, без меня и осмелеет?»

Нине тоже хотелось накормить Ладу: ещё бы, ведь её папа готовит лучше всех на белом свете.

– Ешь, не стесняйся, или вправду не хочешь?

– Я сытая, брат с зарплаты колбасу купил. Мы с яйцами её нажарили, как заточили. Я семь кусков умяла.

– Ничего! Всего семь, а надо двадцать семь. Отец пюрку сделал, пальчики оближешь. Ты не спешишь?

– Нет, могу посидеть... немного.

– Тогда ешь! Вот на, на!..

Пюре было впрямь самым вкусным на свете, просто таяло во рту, таяла и селёдочка... Лада в один миг опустошила тарелку...

Опять вошёл в цветистом, в зелёный горошек по красному, фартуке Фёдор Михайлович. На его левом тапочке застыл крупной беловатой запятой сгусток картофельного пюре.

«Если этот сгусток превратить... в нос... то оживший тапочек станет чем-то похож на белобрысого Серёгу, друга Ильи. Хм, вот смешно, – Лада покраснела, пытаясь сдержать смех. – Светлый ворс – причёска, а два ромба по бокам картофельного носа – глаза, даже рот так же кривится, хм...»

– Любо-дорого взглянуть на вас, – любовался на девочек довольный отец, – разругались как два яблочка.

Просто был какой-то сон, ощущение было такое, будто она сидела перед окном, в котором медленно

сыпались и сыпались крупные хлопья тёплого снега, и всё замерло, и сердце замерло, и дом замер, и, главное, время замерло. И ты – это не ты, тебя уже нет, ты исчезла, ты наблюдаешь себя откуда-то из поднебесья и удивляешься, кто это сидит? Лада словно бы раздвоилась: одна её часть видела комнату Нины, тапочек смешного отца Нины, белую ляпку из застывшего пюре, слышала, о чём говорят Нина и её отец, а вторая её половина спала на раскладушке в старой кухне и видела удивительный сон. Нина смеялась, не то во сне, не то наяву, лился обильным ручьём её голос.

– Я посуду потом сама помою, пап.

Кто это говорил, не она ли сама... своему отцу? Если бы её отец был жив, она бы тоже мыла для него посуду.

– Телевизор включить?

– Да ну его! – отмахнулась Нина.

– Я тоже не люблю, – вздохнула Лада.

– Смотрите, не скучайте, – повернулся уходить отец.

А девочки уже про него забыли. Они хотели быть одни, поделиться друг с дружкой своими наивными тайнами. Им ещё хотелось перебирать цветные лоскутки, наряжать кукол и оживлять сказочные миры. Ими ещё владело очарование того детства, в котором ходят Деда Морозы и летают бабки Ёжки. Но им уже хотелось быть принцессами, и они верили, что где-то, только не в школе, не на улице и даже не в их городе, а там – далеко-далеко – их ждут принцы.

Нине хотелось поиграть с Ладой в куклы, но она застенялась подружки и потому предложила ей «умную» игру.

– Может, посочиняем? – искрились её ярко-синие, округлые глаза. – У нас две девочки ходят в литературный кружок «Ядрышко». Их там стихи учат писать, сказки придумывать. Настя показывала, и мне так понравилось. Сочиняешь любую историю, а потом к

существительным подставляешь разные прилагательные. Я тихонько один рассказ у Насти выкрала, сейчас пойду его принесу.

А Ладе тоже хотелось поиграть в куклы и вообще стать самой собой. Девочка продолжила жадно и быстро есть, пить сок, какао. Оживлённо нацелилась на яблоко, на щеках заиграл румянец.

Жужжащей фиолетовой мухой влетела Нина, весело закружилась, замахала мятым листком.

– Слушай, так смешно! Рассказ называется: «Мохнатое приключение корявого Володи и мясистого Максима». Хи-хи!.. – Толстенские ноги, обутое в фиолетовые тапочки, так и затопали по ковру. – Читаю: «Цветная Настя сидела на снежном стуле и писала рисовое письмо своим свинцовым родителям. На блохастом столе стояла колючая ваза, хм... с навозными, хм... цветами. Деревянная Анюта пекла сонные пироги. Тут за мерзким окном послышался кислый топот. Это шёл корявый Володя и вёл за когтистую руку мясистого Максика, хи-хи! – Как же залиvisto и тонко хихикала подружка, так и заливалась колокольцем. Ямочки на её щеках играли, глаза искрились, на вздрагивающих ресницах хрустальным бисером блестя слёзы. – Они зашли в загаженный дом и кирпичным взглядом посмотрели на измученную Анюту, мол, иди и возьми каменные пончики. Беззубые ребята съели по пятьсот бетонных пирожков и запили болотной водой».

– Интересно получается и, главное, смешно, правда?

– Смешно писать не умею, – приподняла дуги бровей осовевшая от еды Лада, – сочинять трудно.

– Будто я умею, – призналась Нина, падая на стул. – Хотя, давай попробуем, что у нас получится. Пишем сочинение, за которое сами себе поставим отметки. Возьми листок и карандаш.

6. «ДВЕ БОЛЬШИЕ РАЗНИЦЫ»

Из коридора раздался глухой хлопок дверью. Вернулась мать Нины, миловидная сорокалетняя женщина. Она молча разделась, сняла рыжую лисью шапку, замшевые перчатки. Разрисованная цветными узорами дублёнка воцарилась на самом видном месте, будто картина, а яркие красные сапожки княгини привычно застыли в углу.

– Здравствуй, Верунчик! Припозднилась. В очереди простояла, да? – вышел из кухни супруг, принохиваясь и ощущая наплывающий сладковатый аромат жасмина – так пахли любимые духи его «дражайшей половины».

Жена трянула большой красной сумкой перед Фёдором, как тореадор ярким полотном перед носом быка, мол, вот добыла.

В отличие от простоватого мужа, жена строго следила за собой. Сейчас она была одета в яркий красный костюм.

– Буду стоять, жди, – она хмыкнула. – В очереди, милый мой, стоят те, кому делать нечего. Я у Шуры просидела. Продавщицу из «Берёзки» знаешь? Она меня винцом свойским угостила, свежей рыбки нажарила. Пока сидели, её сын Валерка из комнаты не выходил, на комба... не... на компьютере играл. Мне Шура эту электронную машину показала, просто чудо! Легковички на экране, ну, как в телевизоре, по дороге наперегонки ездют, а он на клавиатуре одной из них рулит, учится управлять, чтобы остальных обогнать. Представляешь, какая польза для будущего шофёра!

Длинные пальцы Веры Алексеевны взмахнули ярко-красными флажками ногтей, словно опробовали клавиши невидимого пианино, серые подведённые

глаза с удивлением поглядели на мужа, неужели тот не услышал музыки её нового желания?

– Что ты хочешь сказать? – подозрительно заглянул в капризный, ярко-красный рот жены Фёдор.

– А то, Нине тоже надо купить компьютер. Шура мне объяснила, как он необходим нынешним молодым. Без него никакого хода в жизни не будет.

Жена у Фёдора, как он считал, была взбалмошной, что вообразила, то, считай, и сообразила. Ничем не переубедить! И всё-таки очередная, весьма недешёвая блажь возмутила его.

– Господи, зачем он нужен? – он замахал сердито пухлыми руками. – Замуж пойдёт, дитё родит, и все компютиры отпадут.

– Замуж... дитё... сама ещё ребёнок. Молчал бы! Что вы, отцы, в этом понимаете?

Серые глаза властной женщины потемнели, сделались тяжёлыми и недобрыми.

– Ты просто не хочешь, чтобы твоя дочь заведовала аптекой, была директором школы, начальницей цеха, на худой конец.

Муж знал, сейчас будет крик, обвинения, что он враг семьи, жены и, конечно же, дочери. Но он не мог понять, почему жена не желает замечать очевидного: Нина у них не такая.

– Зачем ей это надо, чтобы она день и ночь пропадала на работе? Чтобы от неё муж сбежал? И потом, для этого надо столько учиться.

– Учись! Разве мы дочери не даём?

– Не кричи, ради Бога.

– Я вот, – мать достала новые коричневые сапоги на модной «манной каше», то есть на плотной и утолщённой подошве, поставила их на стул, – каждый божий день ношу. Кому? Ей, всё ей! И одно твержу каждый день – учись, только учись!

Отец постучал костяшками пальцев сначала по собственной голове, потом по стене. Чего, мол, заладила – учишься, учишься. Учатся те, кому талант дан.

– Мы же простые люди, пойми. Зачем нам рыпаться в калашные? Залезешь в ряд и будешь не рад!

Мать встала, качая головой. Всё она одна, всё одна бьётся, а ему хоть пнём по сове, хоть совой об пень.

– Да ну тебя! Сам ни бум-бум, и дочь хочешь такой сделать. Хорошо, хоть я воюю!

– Ладно, ладно, – не спорил отец, выставя ладони. Ему не хотелось поднимать ненужный шум. – Руки с дороги мой, – перевёл он разговор.

Вера Алексеевна покосилась на мужа, покривила губами и исчезла в ванной. Там она вымыла тщательно, с мылом, руки, переделалась. В одуванчиковых тапочках, в пушистом халате канареечного цвета важно прошествовала к столу. Ей было по душе всё яркое, дочь свою она хотела видеть будущим президентом России, не меньше. Она кивнула на полки с книгами.

– Учительницу по английскому языку нашла. В первой школе преподаватели посильнее, чем в нашей. Так вот, она согласна заниматься с Ниной по сто пятьдесят рублей за час.

Только что муж в этом понимает? «Да это же Фёдор», вечно в кусты прячется, вон вздохнул, развёл руками, мол, делайте, как хотите и что хотите, если денег не жалко. Загорчал, вот была бы отличницей, а то так – морока, – и душа у неё ни к чему не лежит.

– Вы оба одинаковые, – рассердилась мать, – ленивые, толстые, ничего не хотите! Да я бы в этих условиях уже кем была? Но ты не забывай, дорогуша, что она и моя дочь, а значит в ней и от меня много есть. Есть! А тройки что же? Тут зависит от школы. В другую школу перейдёт – будут четвёрки и пятёрки.

– Спорить с тобой бесполезно. Ужинать будешь? А то остынет.

– Вот и нечего спорить, – жена присела, затем снова встала, – поем, успею, – оглянулась, указывая в сторону коридора. – Сапог у меня разваливается, каблук подбей. Новые надела, а они жмут. Я что хочу сказать, – понизился голос, стал приглушённым, – может, ошибаюсь, но мне так кажется: ихняя классная нашу Нину просто невлюбила. Когда дочь ещё в седьмом училась, я отказалась окна клеить, вон с каких пор пошло. Я же вижу, хитра Маргарита Ивановна не в меру – жуха. Встретится – ти-ти-ти, ах, какая ваша Нина добрая.

Фёдор поставил яркую жёлтую тарелку, положил вилку и ложку.

– Хлеб опять забыл, – упрекнула жена, увлечённая внезапным открытием. – Ах, какая Нина исполнительная, какая доверчивая. Прямо без масла в душу проскользнёт, мне и сказать-то ей нечего. Ведь специально посадила Нину с новенькой. Знаешь, с кем?

Отец не любил толочь воду в ступе.

– Какая разница? Тебе сок или какао? Мы сегодня с Ниной полы мыли и в спальне брошку твою нашли, зря ты её попрекала.

– Как это какая разница? – взвилась жена, округляя возмущённо розовые губы и морща высокий лоб. – Какая разница! – передразнила она мужа, затем в сердцах бросила звякнувшую ложку на пол. – Да ты понимаешь русскую поговорку: «С кем поведёшься, от того и наберёшься»? То с хорошим человеком дружить, а то с серостью. Это же две большие разницы!

Вера Алексеевна терпеть не могла ничего серого. Она не терпела серого цвета мышей, не любила поздней осени, когда с деревьев облетала листва и небо, земля, трава – всё становилось серым. Но особенно её раздражали своей серостью многие её знакомые. Ни-

чего их не интересовало: только болячки, еда да сплетни. Но она не такая, её дочь тоже будет не такой.

Муж терпеливо поднял ложку, он понимал: жена устала после работы.

– Какао пей, специально с пенкой принёс, как любишь. Гм... я поглядел на девочку, которая сидит за одной партой с нашей Ниной.

Вера Алексеевна от неожиданности опять выронила ложку.

– Где же это? Иль в школу ходил, – посмотрела она насмешливо на мужа, – хоть раз сподобился?

Фёдор вновь полез поднимать.

– Хорошая девочка, – кряхтя, пробормотал он, – скромная. Конечно, тоненькая фигуркой и бледная лицом, зато какие у неё пышные волосы.

Мать гневно встала, отодвинула какао.

– Конечно, – она просто задохнулась от возмущения, – та хорошая, а наша толстая, волосики жиденькие – вообще, дурнушка, ведь так?

– Хватит тебе об одном и том же. Какая есть, зато добрая.

– Добрая... вот заладил как попугай... добрая! – взвилась, стукнула кулаком по столу Вера Алексеевна. – Как что – «а она добрая». Доброта – хуже воровства! Но ты не увливай, сказывай, где ты их видел? В школу, спрашиваю, ходил?

Было несколько способов успокоить разволнованную от подувшего не с той стороны ветра жену. Для этого надо было изменить направление ветра, то есть заговорить, например, о необыкновенно красивых ярко-красных с чёрными розами шторах или о зелёном свистящем чайнике, о золотистом горшке с апельсинами, то есть о том, к чему льнула душа его жены.

Как-то по радио некий актёр рассказывал о способе сильного влияния на персонал. Если ставился прак-

тически не разрешимый вопрос, то начальник, чтобы избежать провала, в момент вынесения решения делал следующее: внезапно звонил телефон и... секретарша, не дыша, шептала: «Вас сам министр... спрашивают». Начальник округлял глаза, сиял и благодарил министра за то, что тот оценил старания по нужному вопросу. После этого, как правило, все дружно утверждали то, против чего перед этим голосовали в большинстве, то есть тот самый вопрос. Если бы сейчас зазвонил телефон, то Фёдор так бы и поступил, заговорил бы с самим... президентом. Телефон, однако, не зазвонил.

– Только сейчас заметил, представляешь, – показал супруг на штору, – оказывается, каждая роза обшита золотистой нитью, – какая красотища!

Супруга не клюнула на приманку. Она ожесточённо потёрла ладонью вздёрнутый нос, сощурила холодные глаза и поджала надутые губы: её волновала дочь.

– Знаю, знаю, пора шторы стирать, так что нечего мне глаза колоть, – урезонила она хитрого мужа. – Ты в школу, спрашиваю, ходил?

– Зачем? Они вон там, в комнате с Ниной.

Мать встала, испуганно осмотрела себя, запахла халат, поправила причёску.

– Что? – её лицо покраснело, глаза потемнели. – Уже тут! Сюда пролезла... ну, шустра... вот простоту почуяла.

Её возмущению не было предела. Неужели её дочери не с кем водить дружбу? Надо понимать главное: у них положение разное, они несовместимы, как белое и чёрное.

– А ты, ты-то, голова садовая, – ткнула она мужу в потную лысину твёрдым, словно деревянным пальцем, – что молчишь? Даже не предупредил.

Фёдор пожал плечами, ну, пришла и пришла. Девочка стеснительная, скромная.

«Тсс...» – Вера Алексеевна прижала палец к губам, подкралась к двери, за которой сидели подружки, и стала подслушивать. Затем, горя глазами от любопытства, приоткрыла дверь.

«Ишь, сидит пава, пышными волосами козыряет, – откровенно завидовала она, невольно любуясь золотистой причёской и бледным личиком Лады. – Ведь есть-то кто – дочь сумасшедшей дуры. Хм... конечно, ей с моей Ниной удобно: и за её парту в школе влезла, и в квартиру просочилась».

Непросто было осознавать Вере Алексеевне, что Лада внешне выглядела куда лучше её Нины.

«Прямо досада меня берёт, – возмущалась она, чувствуя на душе острую горечь, – ух, как меня заедает, как заедает!.. У этой, фу, сумасшедшей дурёхи Любки такая девка уродилась – личико, как яичко, и золотые косы заплети – в кулак будут».

Нина сидела спиной к двери, сильно сутулилась, чем ещё сильнее раздражала мать, которая серьёзно опасалась, как бы дочь не стала горбатой. Девочки не замечали, как за ними наблюдали. Вот Нина встала, подошла к листу с нарисованной фиолетовой лошады. Вера Алексеевна так и напряглась, почему дочь не в неё уродилась, почему такая маленькая, толстая и некрасивая?

– Ладощ, отец точно сказал, лошадь у тебя получилась, как живая. Прямо скачет. Здорово ты рисуешь!

«И голос у Нинки какой-то не такой, нет в нём уверенности, силы. Только и умеет других нахваливать, – стояла и вздыхала Вера Алексеевна. – Доченька, – хотелось закричать матери, – о себе думай, о себе заботься. Это тебя должны благодарить, тебя!»

– Подожди, Нин, я ещё пишу, – отвечала недовольно незваная гостья.

«Да как она смеет, она забыла, где находится? – кипела мать, не в силах больше слышать девчоночье

щербетанье. – Чего смеёшься, – сетовала она на дочь, – чего рот разинула? И о чём говоришь, о чём говоришь-то, дура... вся в отца малахольного!»

– Рассказ, хм, – смеялась звонким серебром Нина, – а я бросила – не получается. Настя два года на «Ядрышко» ходит, их там этому учат.

Гостья что-то усиленно писала, непонятное для матери, может, сочинение для Нины?

– Подожди ещё капельку, идёт?

А Нине предложенная ею же игра давно надоела. Она не любила стихи, книги, ей хотелось делать что-нибудь конкретное.

– Ну, скорей, скорей! – она запрыгала и захлопала в ладоши от нетерпения.

– Что? – оторвалась от записей Лада, посмотрела задумчиво.

– Ты вон и рисуешь, и пишешь, – проговорила сокрушённо Нина, – а я, как пень-колода, ничего не умею.

Мать досадливо поморщилась, заворчала, мол, хотя бы молчала, вот уж точно – пень-колода. А что поделаешь, везёт дуракам, и как везёт! Хотя чему завидовать? Завидовать нечему. «Да я и не завидую, – кипела возмущённая душа. – Не завидую я. Просто мне обидно, какая несправедливость, ведь мать-то, Господи, убогость – ума нет, и такой вот – дано. А я бьюсь-бьюсь, учу-учу и всё впустую!»

Нина, лукаво улыбаясь, обогнула стол, зашла к Ладе со спины.

– Я прочитаю, что ты написала?

Лада смущённо закрыла листок ладонью.

– Не надо сейчас, – попросила, – потом, как напишу.

– Надо, надо, – озорная Нина вырвала листок и принялась громко читать, в такт танцуя. – Как я кормила чёрного Кузьму. Ха-ха-ха!

Лада возмущённо хлопала ресницами, следила глазами за листком, потом долго смотрела на огромный плакат с изображением Алсу, представляя себя в платье певицы, и не спорила с Ниной. Ей вспоминался её родной дом, там, на далёкой Украине, сад, чёрный, весёлый пёс. Она перебила Нину:

– У нас, когда жили под Мелитополем, в Константиновке, собака была, её мой брат Илья щеночком принёс. Вот про неё я и написала.

Нина стала читать дальше, упала, смеясь, в кресло, затопала ногами:

«Хоть ты и ершистая собачка, Кузьма, да много в тебе ума, – ха-ха! – Ты мне то шар горелый напоминаешь, то курчавую голову африканца с обвисшими ушами...» – хо-хо-хо-хо! Как интересно-то! Просто здоровски!.. Фу... блин, только тебя тут не хватало!

Неожиданное появление матери не вызвало у дочери восторга, скорее, наоборот, почувствовалась неприязнь. Нина замолкла, надула губы.

– Уроки поделала? – набросилась мать сердито.

Лучший метод защиты – атака – был хорошо известен Нине.

– Когда же мне их делать, – в свою очередь взвилась дочь, накаляясь голосом, – сначала в бассейне пробыла, потом в «Изо» прорисовала. Мы только что пришли.

– А что же сейчас прохлаждаешься?

Ладе было ужасно неприятно видеть и слышать, как пререкались мать и дочь, тем более она так соскучилась, так истосковалась по своей маме.

– Здравствуйте, – встала, желая уйти, Лада.

– Здравствуй, – кивнула мать и уже пожалела, что затеяла ссору. – С учительницей договорилась, будешь к ней ходить, английским заниматься.

– Не буду я ходить на английский! – дерзко крикнула Нина, краснея сердитым лицом.

Это было уже слишком.

– Я пойду, ладно? – повторила Лада.

– Да-да, иди, – заблестела металлом глаз уязвлённая мать, выпроваживая непрошеную гостью, – а то вы на уроках не наболтались!

Нина бросилась к столу, вернулась с листком в руках.

– Подожди, а сочинение про Кузьму?

– У нас всё равно потеряется, – Лада махнула рукой, мол, себе оставь, и вышла в коридор.

Нина, насупив брови, демонстративно отвернулась от матери.

– Всё равно не буду ходить на английский! – повторила она упрямо.

– Будешь! – как отрезала мать. – Куда ты денешься, разъерепенилась. Садись за уроки, кому сказала!

– Может мне вышивать, может мне вязать хочется, – топнула ногами Нина. – Забила я на твой английский, вместе с англичанкой!

Вошёл отец, желая заступиться за дочь. Как было хорошо, но пришла, накричала, неизвестно почему.

– Вчера эта зараза Цветкова весь вечер проторчала. Ты слова не сказала, наоборот, ходила и лыбилась, как Параша на трояк, а нынче тебе будто дорогу чёрная кошка перебежала. Что же ты рвёшь и мечешь на родную дочь?

«Это я виновата, – думала Лада, слушая сердитую перепалку, а потому, как говорится, схватила шапку в охалку и поспешила вон, то есть нервно задёрнула рукав пальто, застёгивая пуговицы. – Надо было сразу уйти, а то из-за меня Нина не приготовила уроки, вот мать и ругается».

– Лад, не уходи! – вышла к ней подружка. – Не обращай внимания.

Лада отмахнулась, спешно надевая сапоги. А голос Веры Алексеевны накалился:

– Во-во, потакай, тюхлик, потакай. Неужели вы не видите, неужели не понимаете, та – дочь начальника автоколонны.

Какое смешное слово «тюхлик», как оно понравилось Ладе, так как ассоциировалось со словом «пухлый». Отец у Нины и впрямь был толстым коротышкой с пухлыми щеками. Ну и голосище у матери Нины, такой, что испугаться можно, вот не думала. С такой не поспоришь.

– Ладно, молчу, – бубнил глухо отец, – хотя считаю это неправильным, но Самсонова кто? Её дочь кто?

Мама Нины любила всё яркое, её голос тоже был ярким и яростным.

– А никто, – отрезала, – ну и что? Самсонова есть Самсонова, а эту на дух не переносу!

Ладе повезло, последних слов всё ещё не затухающего спора она не услышала, захлопнув за собой дверь.

Отец развёл руками, мол, ничего не понимаю, и поспешил уйти от греха подальше.

– Нинка, – не успокоилась мать, – уроки учишь? Ты где?

Если отец демонстративно ушёл, то Нина попросту спряталась, то есть закрылась у себя, села за стол и продолжила читать сочинение Лады про пса Кузьму.

– Учю! – отозвалась она, гудя паровозиком, – уч-ч-чу-чу-чу-у-у-у! Вот привязалась! Я чи-та-ю.

«Хоть ты и ершистая собачка, Кузьма, да много в тебе ума, – ха-ха! – Ты мне то шар горелый напоминаешь, то курчавую голову африканца с обвисшими ушами. – Хо-хо, умру от смеха! – Сейчас, не маши милицейской дубинкой вместо обугленного хвоста, налью тебе вкусного молока. Куда унёс коричневый шлёпанец?

Прыгаю с наполненным ковшиком к собачьей будке, а чёрный «Ау» бросается под ногу. Спотыкаюсь и

слышу, как металлический ковшик гремит по облитому молоком асфальту. Бестолковому Кузе всего два месяца от роду. Иду в синий дом, опять наливаю белое, из цветочных лепестков, молоко. «Что, ещё кружку? – удивился отец. – Не много ли?» – «Не много, – смеюсь, – если из трёх кружек – три щенка пролил. Милый Кузьма, как я по тебе...»

Нина посидела в раздумье: браться ей за уроки или нет.

«Вот бы живого щенка завести, – размечталась девочка, раскрыв рот и высунув язык, – я бы назвала его Кинг. Жалко, мать не уговоришь.»

7. МАМА ВЕРНУЛАСЬ

На тёмной улице по-прежнему дул ледяной ветер, задорно блестели редкие звёзды. У Лады было такое ощущение, будто остальные небесные светила опустились на землю: засияли на улицах и в домах.

Во дворах же было темно, копошились чёрные тополя, от которых вкусно пахло палыми листьями. Свежесть можно было пить. Девочка жадно вдыхала грибные ароматы поздней осени, вслушивалась в перестук собственных каблуков по асфальту и представляла, будто это дятел стучит клювом по стволу вяза.

– Бр-р, – ощущала холодные прикосновения ветра к щекам и рукам Лада. – Хоть бы Илюшкины друзья ушли. Если не уйдут, то сейчас приду, на кухне от них стулом закроюсь, ножку вставлю в ручку, ага... ножки в ручки и... бегом....

Её вдруг охватил панический страх. Время позднее, с ней, с девочкой, могли плохо обойтись. Лада остановилась, пугливо огляделась, дрожа, как маленький котёнок, выброшенный злой рукой на улицу. Чёрные

тени шевелились, казалось, что в подъезде кто-то затаился. За домами на проезжей части гудели и визжали тормозами машины.

– Никогда не думала, что может быть так холодно и жутко. И фонари, как глаза, сверкают, и вон у входа в спортклуб точно кто-то стоит. Малыша, фью-фью, где ты, Малыша?

Делать, однако, нечего, Лада бегом поспешила домой. Она не знала о том, что минуту назад на остановке, которая располагалась против клуба, из жёлтой газели вышел пассажир. Он-то и остановился у входа в спортклуб, чтобы застегнуть все пуговицы на пальто и плотнее запахнуть шарф. Человек привёл себя в порядок и поспешил в глубь двора.

Страшная тень вынырнула неожиданно сбоку. Девочка ойкнула и едва не наткнулась на женщину в чёрном пальто с серым чемоданом. Сердце так сильно забилось, что она не смогла вымолвить слова.

– Лада, ты? – услышала грудной, всегда желанный голос.

– Мама, – всхлипнула девочка, вжимаясь в родного, тёплого, столь нужного сейчас человека, – мамочка родненькая, вернулась!

Мать тоже обняла, правда неловко, так как ей мешал чемодан, тоненькую фигурку: накрыла птенца крылом, желая защитить от опасности.

– Всё, всё, приехала. Вернулась. Письма твои получила, – говорила она как-то по-детски радостно, захлёбываясь. – Женщины в палате плакали, когда я им читала, мне завидовали. Вот вы у меня какие лимпийдки. Как же я вас оставлю?

Под материнским крылом было надёжно и тепло. Куда подевались страх и ужас? Какая сила у матери, она мигом изгнала из сердца чёрные мысли и наполнила его светом. Тело девочки сделалось совсем лёгким,

уже не чуяло ни рук, ни ног, уже плыло навстречу шуршащим тополям, блеску лампочек; миг, и Лада летала жёлтым ангелом вокруг улыбающейся Луны, летала на Нининой фиолетовой лошади...

– Вылечилась, мам?

Мать усмехнулась, как показалось Ладе, над всеми её страхами.

– Конечно, подлечилась, – уверенно отвечала она, – два месяца в больнице, это же тебе не хухры-мухры.

Только сейчас дочь почувствовала сердцем, как долго не было матери, как страшно долго её не было. Только сейчас она вдруг поняла, как плохо без мамы.

– Мам, а что же ты нам не писала? Я так ждала, – порбормотала она голосом сироты.

– Я вам отправила большое письмо.

Тон у матери разом стал категоричным.

– Но мы не получили, где же оно?

Мать некоторое время не отвечала. Она отшатнулась, когда дочь попыталась взять из её рук чемодан.

– Я знаю где! Илюшка дома?

– Ага, когда я уходила, он был дома, – забыв разом и про письмо, и про ссору с пьяным братом, защебетала Лада, притоптывая сапожками, будто приплясывая от счастья.

– Ну, пошли. Ты паука не убила, как я тебе приказывала?

«...паука не убила, как я тебе приказывала» – эхом отозвалось в ушах, прозвенело искрами звёзд, чиркнуло по сердцу жалом. Лада мигом сжалась в комок, и её сердце тоже сжалось.

– Мам, неужели так и боишься?

– Людей сейчас не боюсь, а пауков остерегаюсь. Мне люди пауками казались, я их ужасно боялась. В больнице подлечили, и страх отпустил. Откуда так поздно?

Пауков все остерегаются, вон в тот раз, когда они с Ниной спорили возле подоконника про фильм «Чёрный ворон», почему он так называется, и про то, кто лучше – Танька Захаржевская или Танька Приблудова, то рука Нины случайно зацепила паутину, и ей на рукав упал тёмный толстый паук, что было? Хм, такой жуткий визг случился.

– У Нины Весельевой была, мы играли.

Мать вдруг резко дёрнула дочь за руку, словно та сказала матерные слова. Она просто остолбенела, застонала, затопала ногами и... швырнула чемодан в сторону кустов.

– Чуть отъехала, а вы вразбежку! – взвыла не своим голосом. – Дома надо сидеть. Дома! Нечего к чужим людям ходить!

8. НАЕДИНЕ СО СКЕЛЕТОМ

Школа сочетала и сочетает в себе два очевидных начала: вынужденную косность, эталон надёжного прошлого, отстаиваемый учителями, и свежесть гущи молодых проростков, которые использовали и используют эту косность как некую питательную среду для нового, на первый взгляд, разрушительного и непонятного.

Кабинет биологии в широком смысле слова может видеть каждый из нас – на улице и дома, ведь и животных, и растений вокруг нас множество. Просто мы не обращаем на них внимания, а вот в школьном кабинете всякие безделушки: коряжки, погрызы, гнёзда, дуплянки и прочее приобретают особый учебный смысл.

Кабинет биологии в школе номер четыре отличался большими размерами, имел пять окон, просторную лабораторную комнату. В этом году Маргарите Ивановне,

средних лет учительнице, удалось осуществить заветную мечту: она переместила шкафы с наглядностью в лаборантскую, а на задней стене художник нарисовал яркую картину маслом, изобразив эволюцию возникновения и развития жизни на Земле. Картина раздвигала рамки кабинета, уводила в медно-красную зарю, в дебри лесов, в горы с вулканами, в первичные моря.

В этом году наконец-то состоялась выставка кактусов. И теперь в кабинете левый тёплый угол, освещённый дополнительно лампами дневного света, являл дивную коллекцию самых разнообразных зелёных ёжиков.

В лаборантской комнате стояли два стола. На одном серело чучело вороны, желтел пучок колосьев пшеницы, синела папка-гербарий листьев – наглядные пособия, необходимые для уроков, на другом лежали разноцветные стопки тетрадей. В углу стоял белый скелет с нарисованным на лбу маленьким крестиком.

Кабинет биологии сохранял некую таинственность.

Учительница, одетая в бежевый костюм с чёрным воротником, подчёркивающим белизну её кофточки, ходила перед столами, жестикулировала, явно обращаясь к скелету, так как в лаборантской и в кабинете биологии никого не было. Шла репетиция.

– Чтобы урок удался, надо тщательно готовиться. Дать урок вроде просто, но как дать? Дать доступно, как в жизни, чтобы помнилось. Оживить, весело дать, поджарить на эмоциональном масле, вкусно подать...

Узоры, выпуклости нарисовать, чтобы врезалось, чтобы вложилось...

Начну с анализа прошлого урока. У девочек – осанка, у мальчиков – выправка, вот это важно показать. Показать лёгкую походку – ощущение полёта. Как научить жить с этим ощущением молодую птаху? Лёгкость – это достоинство. У человека всю жизнь сги-

батели преобладают над разгибателями. Всегда мы сжаты в кулачок, уменьшены, напряжены испугом. А давайте приосанимся, выправимся и омолодим себя. Нет, не то, опять казённые назидания. Уже пробовала учить прямо и честно, долго не могла понять, почему не понимают и не хотят слушаться. Почему курильщик, который хорошо знает о вреде курения, отвечает эту тему на пять, тем не менее, после урока спешит на крыльцо с пачкой сигарет? Ответа на этот вопрос не нашла, решила, что запретный плод всегда приятен. Теперь училась учить по-другому – ненавязчиво.

Маргарита Ивановна присела, задумалась, вспоминая момент, который она назвала: «Как стать лордом ос?» У неё было такое ощущение, будто она вновь ведёт тот урок.

– ...Смотрим на доску! Лев, читай громко!

– Сколиоз, кифоз, лордоз, – запинаясь и делая неправильные ударения, прочитал толстяк.

– Вспоминаем, – специально кособочась, командовала она тогда, – какие могут быть нарушения позвоночника? А теперь давайте в классе найдём Сколиозу Свету, Колю. О.., что я вижу. Перестали гнуться вправо и влево. Ах, я и сама сколиозная – плечи разные: выше, ниже... я ваши тяжёлые тетради всё время на правом плече ношу...

В классе засмеялись. Этот смех дорогого стоил. В классе и впрямь старались сесть ровнее.

В школе, как на сцене перед зрителями, надо увлечь и повести за собой психологически. Чувствовать себя актрисой: эдак выставить в трагическом жесте руки, повернуться, пройтись кокетливо и серьёзно, и улыбнуться, и приласкать, ведь на тебя смотрят не зрители, а дети твои.

– А каков недавно кифоз вышел? Приходит к физику сутулая пятнадцатилетняя бабуля, – она тогда резко

ссутулилась, изображая старушку. – В четырнадцать лет ещё можно было стройность сохранить, а теперь поздно, горбатую лишь могила лет через восемьдесят исправит. Каков кифоз... за год нажила, каков кифоз. А ну, перестали сутулиться! – резко выпрямилась.

– А это что за положение? – выпятила живот.

Ребята так и грохнули звонким смехом, даже в краску её вогнали.

– Вы беременны, – сказали разом несколько человек.

Когда дело касалось щепетильного вопроса, то она, учительница, как девочка, терялась, краснела и... не знала, что ей говорить, как себя вести. В отличие, например, от Осокиной Лены, грудь была маленькой, а о беременности она уже давно могла только мечтать. На минуту, помнится, потеряла дар речи. Опустила глаза, проглотила застрявший в горле ком, одёрнула зачем-то рукава.

– Я просто лорд ос! – сказала напыщенно. – Осы звоночник к пуповине прижали, видите, – повернулась, – и сделали меня лордом. Теперь я лорд ос, точнее у меня лордоз. Изобразим линиями: вправо, влево – сколиоз, сутулость – кифоз, выпячивание живота – лордоз...

– Думаю, – рассмеялась, – что урок практической медицины был преподнесён убедительно и интересно. Аппетит приходит во время еды, лишь бы я и ребята чувствовали себя свободно, как рыбы в воде.

Маргарита Ивановна работала в школе вот уже девятый год, а потому знала себе цену, хотя в последнее время её это не особо волновало. Вместо того, чтобы бороться за место под солнцем, вместо желания выплыть она настолько погрузилась в бесконечные мелочи ребячьей жизни, что стала русалкой: очутилась в другом мире, который искала её душа и который она нашла.

Пододвинув опасно скрипнувший стул (специально забрала из класса, чтобы никто не упал и не ушибся), учительница, сдувая, как маленькая девчонка, пушинки выбившихся волос со лба, осторожно присела к столу, взяла тетрадь с наклеенной весёлой обезьянкой, поедающей банан.

– Начинаем проверку, – певуче проговорила она нежным и сильным голосом. – О-о-о, и Маликов Игорь написал, умничка. – Открыла тетрадь и прочитала: – «Жидкая среда организма вытекает через вытекан». Махровый ответ!

Улыбнувшись, отложила тетрадь в сторону.

– Время почти двенадцать, если часик на тетради, то тридцать минут остаётся, чтобы перекусить. Гуд! Главное, тут тишина. – Она покосилась в сторону белевшего скелета. – Ты, брат, страшен, но ты уже не страшен, потому что молчишь. Нечего сказать в своё оправдание, тогда стой и не смей разговаривать!

Стараясь сосредоточиться, Маргарита Ивановна склонилась над очередной тетрадью.

9. КОЛЛЕГИ

Сзади раздался зловещий голос:

– Нет, мне есть что сказать, клац-крац!

Маргарита Ивановна вздрогнула, оглянулась и увидела входившую молоденькую учительницу химии Катюшу, точнее, Екатерину Львовну. От нежного аромата ландышей у неё затрепетали ноздри. Молодость завидно сияла белизной. Зубки были ровными, ещё не пообломанными, чёрные волосы – словно в смоляной реке помытыми, шерстяной белоснежный свитер подчёркивал узкую талию, даже туфельки и те казались выточенными вместе с сахарными ножками из цельного куска мрамора.

– Продрогли на улице... можно погреться? – пристукнула каблучками Екатерина Львовна. – Вчера на уроке в вашем классе, кстати, мне объяснили, представляете, а зачем нужна химия? Чижикова спросила, а Рысаков объяснил... частушкой: «Химию знать надо, химия важна, когда целуешь девочку, реакция нужна».

Следом за ней вошла, загадочно улыбаясь, Полина Семёновна, пожилая русачка. «Учительница, а может себе позволить, – глядела с удивлением на новый кожаный пиджак перезрелой гостьи Маргарита Ивановна. – У неё же муж не простой водитель автобуса, магазин автозапчастей держит».

– Правильно объяснили, – подняла и опустила пухлые ладони русачка, говорила степенно, – пришло их время химичить. – Она, тяжело дыша, погрозила пальцем скелету, чтобы не пугал её из-под разросшегося розана. Тут она увидела чучело вороны и разом оживилась. – Через неделю проходим басню Ивана Андреевича Крылова «Ворона и лисица». «...Голубушка, как хороша, какие пёрышки, какой носок...» Ворону заберу, точнее, на той неделе обязательно ученика к тебе пришлю, договорились? – Она ласково положила руку на плечо хозяйке «зверинца», так она обзывала кабинет биологии. – Думала от нас спрятаться, думала отсидеться, а мы тут как тут. Мы везде найдём! У Надежды Николаевны неделю назад был юбилей, а ты двести рублей не сдала...

Биологичка, чуть досадуя, что ей помешали, показала на стулья.

– Садитесь. Проверить поможете. Одна бы я за час управилась, а с вами за два. – Она достала рыжий кошелёк.

Полное тело учительницы по русскому языку вздрогнуло от смеха, а то им самим проверять нечего, только убежали от тетрадей.

– Кого я сегодня встретила, – ловко перевела она разговор в излюбленное русло. Никак не пойму, не то мы сумасшедшие, не то наши ученики.

– В этой школе все старшие классы с ума посходили: сидят – губы круглые, глаза квадратные, ничего не знают и ещё права качают, – категорично сказала Екатерина Львовна, у которой хромала дисциплина на уроках.

Маргарита Ивановна иронично приподняла округлые брови, нет, она на такие штучки не клюнет.

– Зря беспокоитесь, девчата, это талантливые люди немного не в себе – шизики. Смотрите, как рифмуется здорово: маразматик – математик, шизик – физик. Рассказать вам, как Исаак Ньютон варил яйцо? Гений всемирного тяготения всё делал строго по часам. Варил-варил, глянул на время, а в руках яйцо держит. Оказывается, он уже минут пятнадцать варил часы.

– Тогда мы в норме, – хмыкнула Полина Семёновна, размахивая чучелом вороны – ибо вне всяких талантов.

Проверять в такой обстановке было невозможно. Маргарита Ивановна считала проверку делом интимным и не хотела, чтобы посторонние лезли в её дела. Чтобы усювестить коллег, она, не скрывая иронии, намекнула:

– Главное, чтобы человек культурным был, а некультурный и трактор в танк превратит, лишь бы людей давить.

Хозяйку как не слышали. Молодость привыкла не слышать, а перезрелость слышала только себя. Каждый развивал свою теорию.

Екатерина Львовна поздоровалась со скелетом:

– Вау, какой вумный, а что это у него на лбу, паучок... клеймо раба?

– Печать демократии, – досадовала хозяйка кабинета.

– Погодите, погодите, молодёжь, вы Жукову Валю помните, из класса англичанки Эльвиры Петровны?

Помните, как она литературой увлекалась, языки изучала, в олимпиадах побеждала? – Полина Семёновна любила посудачить, а потому привычно повернула разговор на излюбленную тему.

– Мне ли не помнить, торчала в кабинете биологии сутками, – не поняв, куда клонится разговор, отвечала биологичка. – Она мне книжки носила медицинские, в больнице наберёт и дарит. Своеобразная девочка.

– А я такую интересную не застала... но не жалею.

– Во-во, не о чём жалеть. Потом эта Жукова у уборщицы деньги стащила; поймали, простили, она, вместо того, чтобы со стыда сгореть, квартиру пыталась обчистить. И не одну! Чего ей не хватало, чего, спрашивается? Куртки, свитеры, юбки меняла чуть не каждый день. И сапоги – то итальянские, то румынские.

Маргарита Ивановна не скрывала досады, ей и впрямь было некогда:

– Что тут непонятного, Полина Семёновна, детство, романтика. Чего-то не хватало, ясное дело. Всегда чего-то не хватает, скажем, внимания от мальчишек, его вечно мало.

– А сейчас в религию ударились, книги священные распространяет, стихи про Бога пишет, проповедует.

– Лишь бы вера была, Полина Семёновна, вера, вот её впрямь не хватает.

– Вам, молодым, только бы посмеяться. Вера-холера! Иду сейчас, а она мне навстречу, крестит, как ненормальная. Как я от всего этого устала!

Маргарите Ивановне было проще, у неё и с дисциплиной порядок, и не устала она ещё от своей работы, которую втайне любила, просто ей некогда...

– Была отличницей – класс травил, стала воровать – мать с отцом били и колотили, хотя они же её попрекали, глаза кололи своим тряпьем. Убежала в религию – веру искать – опять плохо. А что плохого? Церковь

сейчас в моде, молодёжь носит крестики, правда, Катюш?

– Не знаю...

– По-моему, она и есть та самая шиза, точнее – с царём в голове.

Худая, словно жердь, с очками в пол-лица, Жукова Валя недели две назад встретила Маргариту Ивановну в парке. Она радушно улыбалась, при этом закрывала ладонью рот, чтобы не показывать испорченные зубы, хвасталась, как ей повезло, ведь она вышла замуж за испанца, говорила, что теперь у неё фамилия Тореодоро. Жаловалась Валя и на kleптоманию, от которой ей было трудно избавиться, а потому она и ушла в церковь. «Церковь спасает, конечно, но я нашла ещё один способ лечения, – худые и длинные пальцы бывшей ученицы извлекли маленькую записную книжку, вырвали листок. – Я так благодарна группе «Бутырка». Благодаря их творчеству, а песня «Аттестат» произвела переворот в моей жизни, я теперь пишу воровские стихи. Спасибо Владимиру Ждамирову и Олегу Симонову. Возьмите и простите, пожалуйста, спешу в больницу».

Валя тогда вернулась бледная, сказала, что в Воронеже после обследования ей зачитали самый страшный приговор: детей у неё никогда не будет. «А я так хотела, чтобы у меня было два мальчика и две девочки», – призналась горемыка. – Испанец тоже меня бросил: без ребёнка семья считается неполной и ему не дают гражданство...»

Маргарита Ивановна вспомнила изречение Иисуса Христа из Нагорной проповеди: «Не судите, да не судимы будете», а потому ничего не сказала коллегам.

Екатерина Львовна постояла под ручку со скелетом, зафиксировалась, потом залезла за стекло шкафа, желая потрогать краба, укололась:

– Деньги взяли? Взяли. Спасибо сказали? Сказали. Идёмте, Полина Семёновна.

– Вы куда, девочки?

– Домой, куда же? Там хозяйство, два внука надо встретить, накормить. И ты с ума не сходи, закругляйся. Времецко надо ценить, особенно когда тебе уже...

– Восемнадцать. До свидания!

Маргарита Ивановна спешно перебирала тетради.

– Коля, ты, Коля, тусклый жучок, светишь только себе под нос. Хм, как интересно, – учительница прочитала фамилии, – Малинин Коля, а следующие кто: Крапивин Андрей, Осокина, Травкина, Лопухов, Цветкова. Целый травяной мешок получается. В таком случае ваша учительница – лошадь – волчья сыть. Значит, мы с вами – волчья сыть и травяной мешок, ля-ля-ля-ля!

Стук в дверь прервал её размышления.

10. НЕ УНИЗИТЬСЯ ДО МЕЛОЧНОСТИ

Хочешь не хочешь, а улыбайся и будь приветлив, научись скрывать досаду, ведь ты учитель и себе не принадлежишь.

– Да, войдите.

«Какая шикарная дублёнка, в таких северные народы исполняют национальные танцы, – залюбовалась Маргарита Ивановна одеждой вошедшей женщины, остро чувствуя желание иметь такую роскошную вещь в личном гардеробе. – Дама не из простых, на лице видны и чин, и кресло мужа, нос задрала, а глаза – две льдинки: одна с Северного полюса, а вторая – с Южного. Может, что-то с кабинетом не так? Или очередная инспекция из области? В том и другом случае меня предупредили бы. Такое ощущение, что я где-то видела эту даму раньше».

Маргарита Ивановна напряглась, спина почувствовала холодок.

– Я Весельевой Нины мама, – громко представилась высокая, миловидная женщина. – Не помешала вам?

«Так и есть, столбняк! – мысленно ахнула учительница. – Пятый год классная руководительница, раз сто встречалась с родителями и... вот, провал в памяти, самый настоящий склероз в... тридцать четыре года, не узнала Веру... Александровну, нет, Алексеевну. Неужели во мне так неистребима неприязнь к проверяющим инспекторам?»

Маргарита Ивановна улыбнулась в ответ, смутилась, стараясь не смотреть в пристальные глаза родительницы.

Мать огляделась вокруг и поморщилась: ей не понравилась серая лаборантская, не понравилась серая ворона, торчащая на столе, не понравилась учительница, не вставшая ей навстречу.

– Дочь мне в последнее время голову морочит, – говорила она привычным капризным тоном девочки, с которой обошлись дурно. – Не спрашивают её и не спрашивают. На самостоятельной по физике двойку получила, контрольную работу по математике не написала. Нельзя ли мне узнать про отметки?

«Чётко сказано «про отметки», чтобы было отмечено, это важно сейчас: заплати – и отметят. Знания, способности, оценка специалиста – всё это не нужно, но мы пока, слава Богу, работаем бесплатно, а потому с нас какой спрос, какие претензии... – Маргарита Ивановна покосилась на красные боярские сапожки, подумала: – Представляю, что было бы, если бы обучение было платным».

– Всё можно, – стараясь быть спокойной, отвечала учительница, – изучите журнал, он вот, перед вами.

Возьмите фиолетовую, изрисованную цветами тетрадь. Нина у вас не вышивает?

– Нет, не вышивает.

– Зря, – Маргарита Ивановна спокойно взяла очередную тетрадь и углубилась в проверку.

Вера Алексеевна полистала журнал. Её пронизательные глаза удивлённо и возмущённо округлились, затем сузились в щёлки. На некоторое время в комнате воцарилось молчание. Удивительной казалась тишина в коридоре, который прилегал к лаборантской со стороны двери. Непривычная тишина взрывалась, как только звенел звонок с урока. Но сейчас, в этой тишине, учительница продолжала мысленный разговор со своим милым классом. Ей сказали, что можно тетради не вести, можно не проверять, в конце концов. Но Маргарита Ивановна этим правом, облегчающим ей жизнь, не воспользовалась. Как можно не иметь тетради? Тетрадь – это дневник натуралиста, с зарисовками, с наблюдениями за обычными и привычными растениями и животными, тетрадь – это творчество, за которое есть возможность похвалить маленькое любопытство. Пусть мама увидит, как её девочка пытается нарисовать свое царство-государство в обычной тетради. Учительница любила тетради, потому и ребята их любили.

– Такое ощущение, что моя дочь в школе никому не нужна, – вдруг ожило и заговорило этнографическое чудо в узорах, заставив учительницу вздрогнуть. – Нигде не участвует, на уроках только отсвечивает.

Два года назад Вера Алексеевна тем же тоном предъявляла претензии по поводу участия девочки в натуралистическом кружке, тогда школа не давала бедной девочке «продыхнуть». О времена, о нравы!

– Знаете, – Маргарита Ивановна оторвалась на миг от тетради, – Нине всегда некогда. Отзывчивая девочка, пытается остаться, чтобы помочь полы вымыть, с

аквариумом повозиться, хозяйственная, «цопкая», как говаривала моя мама, но ей всё время куда-то надо бежать. А учится ваша дочь по возможности, что ещё?

Вере Алексеевне стало смешно. Кто знает возможности семьи? Вот она сегодня пришла в дублёнке за двенадцать тысяч, а завтра явится в драной куртке за сотню. На какие такие возможности намёк?

– Кто знает её возможности, кто ими интересуется? – спросила она сердито. – Уже почти два месяца учёбы, а оценок нет.

Ого, какой натиск! Неужели пришла воевать?

– Наставят, – Маргарита Ивановна беспечно махнула рукой, – каждый свой журналчик ведёт, там всё есть.

– Не поняла, а этот журнал для модели, что ли?

– Журнал – это документ, в нём что написано пером, не вырубишь топором. Чтобы избежать ошибок, чтобы дать возможность ребёнку пересдать зачёт, исправить оценку, ведётся личный журналчик каждым учителем. В пятницу родительское собрание, я соберу оценки. Кстати, ваша Нина так красиво нарядилась на Осенний бал. Вы вместе с ней платье шили?

Родительница фыркнула, покрасневшись. В дублёнке осенью, да ещё в натопленной комнате было достаточно жарко.

– Нам ещё шить! Сумела, достала... хм... – она пристально просматривала журнал, листала, качала головой и удивлялась: – Смотрю, пятёрки и у Смирновой, и у Чижиковой, Травкиной...

Маргарите Ивановне было и смешно, и грустно: вечно родители завидовали, кому?

– Способные девочки и, как вам сказать, умеют учиться. Вы их всех знаете?

– Знаю, – в сильном голосе зазвучали инспекторские интонации. – А вы знаете о том, что Жанну Смирнову мать с Осеннего бала увела пьяную вдрызг?

Это было серьёзным обвинением. Забыв про тетради, классная руководительница встала. Ростом обе женщины были почти одинаковыми, неуступчиво глядели друг другу в глаза. Учительница и на этот раз сдержалась.

– Не знаю, откуда у вас такие сведения?

– А то, что девочки были выпивши, вы этого тоже не знаете?

– Неужто все? Где же они выпили?

– Почти все. Моя, правда, не участвовала – побоялась. А опробовали вино в лаборантской этого класса, вот за этим столом. Выпили, заели жвачкой и пошли танцевать.

В прозрачных глазах матери Нины вспыхнули искорки внутреннего удовлетворения, мол, мы, родители, знаем, что у вас в школе творится.

Маргарита Ивановна разом забыла, что она учительница, в ней проснулся женский защитный инстинкт.

– Неправда! – твёрдо отрезала она, разом возненавидев и яркую в цветах дублёнку, и красные сапоги. – Я пьяных среди девочек не видела.

Укус достиг цели, Вера Алексеевна рассмеялась от удовольствия.

– Ясное дело. Другие видели.

– Ваша дочь?

– Моя дочь при чём? – в свою очередь покраснела мать Нины, потемнев глазами. – Далась вам моя дочь!

Так она и знала, сердцем чуяла, что во всём, что бы ни произошло, обвинят её девочку, её кровинку.

– Я так и думала, что вы именно про неё спросите. Но она не такая, она давно матери ничего, кроме «отстань», «отвали» не говорит. Вы же подростков знаете?

– Нет, я их не знаю. Вы пришли по делу?

Глазами она показала госте на дверь, мол, не пора ли?

– На работе мне порассказали про бал, я всю ночь не спала, – Вера Алексеевна прошла к окну, полюбовалась шапками облаков на небе и кучами мусора на школьном дворе. – А пришла я по конкретному делу. Меня волнует вопрос, почему моя дочь не учится? Я думаю, её надо отсадить от Лады Свёрлышкиной, не в меру хитрой подруги.

– Они обе как раз бесхитростные.

Вера Алексеевна терпеть не могла, когда с ней спорили. Речь шла об её ребёнке, какие могут быть возражения?

– Не знаю, – настаивала она, повышая голос, – но у меня на этот счёт своё мнение. Надо посадить её с кем-нибудь из сильных ребят и, я уверена, она будет учиться лучше. С той же самой Смирновой, например.

Классная руководительница была не менее настойчива.

– А пить и курить её научит, не боитесь?

Женщины посмотрели друг на друга оценивающе. Вера Алексеевна вдруг поняла, что она слишком зарвалась, но у неё не хватило силы затормозить разом.

– Не беспокойтесь, я не школа, не позволю.

А Маргарита Ивановна впрямь успокоилась, стала вновь разумным учителем.

– Мне непонятно, почему Свёрлышкина Лада хитрая?

– А какая? Не в меру умная?

– Обычная девочка, не знаю, но...

Вера Алексеевна с детства привыкла к тому, что учитель знает о своих учениках всё, иначе он не учитель. Её вздёрнутый нос сморщился, перед кем она стоит: перед классной руководительницей её дочери и... объясняет прописные истины. Нет, в её бытность было строже, такого не было.

– Именно, не знаете. А я знаю, кто её мать, кем притворяется, как ходит и выклянчивает всё, что ей надо.

– При чём здесь мать?

– Притом! Мать – это главный воспитатель, пример. От неё очень многое зависит. Разве вы не слышаны?

– Меня другое волнует, её мама пока в больнице.

– Да, в больнице, а хм... в какой, вас не интересует?

Дети точно выражают степень назойливости словом «достал». Как, однако, мадам Весельева достала её своими воистину мефистофельскими познаниями.

– Нет!

Этим резким криком Маргарита дала понять, что её и впрямь не интересуют подобные новости.

Вряд ли резкий выкрик испугал Веру Алексеенну, просто ей было жарко, да и некогда.

– Ладно, – миролюбиво проговорила родительница, – я не желаю никого обидеть. Просто хочется, чтобы дочь лучше училась, потому думаю, пусть за сильной ученицей потянется. Где мне по математике найти?

– Этажом выше. Точно надо мной. До свидания.

Маргарита Ивановна вновь принялась за проверку тетрадей, пытаясь отбросить неприятные мысли.

«Откуда у неё сведения про Осенний бал? Весь класс, – подчеркнула, – пьяный. Кто-то наговорил. Дала понять, мол, на работе узнала... на почте. Я находилась с ними, и ключ от лаборантской был у меня. Хотя я его давала Чижиковой... Боже, неужели для того чтобы, но... потом девочки были со мной. Мы ещё так весело плясали. Получается, сама наговаривает... специально, но зачем? Дочь от Лады отсадить требует, на мать её намекает. Что ей нужно? Какая неприятная женщина, хм... с яркой предостерегающей окраской, как в животном мире. Ладно, разберёмся. Свернём скатерть ожидания и положим в сундук терпения.

Маргарита Ивановна листала тетради, пыталась сохранить бодрость духа, ведь впереди у неё уроки.

– Лена Осокина, как всегда, учебник перепишет, точь-в-точь. Она, увы, из многочисленного семейства зубрилих нашей просвещённой пушци. В какой-то степени только что приходившая мамаша права – яблочко от яблони недалеко падает. Родительница Лены придёт и тоже – ды-ды-ды, прописными истинами – школа должна, вы обязаны. Хорошо, что Нина Весельева на мать не похожа, пока ещё сама простота, но и она уже замашки являет – рисунок свела, ответ подогнала... эх! Но я не хочу, я не должна до этой мелочности унижаться – подлавливать. Я, как женщина, владею силами коварства, но не хочу, да и не могу. Скорее, скорее....

За дверью, в коридоре чувствовалось оживление. Кто-то пробежал, зазвучал чей-то разговор, шаги.

11. СПАСИБО, ЧТО ВЗЯЛИ У МЕНЯ ХРИЗАНТЕМЫ

В дверь послышался робкий, похожий на царапанье стук. Маргарите Ивановне на миг почудилось, будто она дома и её сокровище, пушистый кот Патрик открывает лапой дверь в комнату. Нахлынул резкий аромат сирени, такой бодрящий и нежный. Миг – и запах исчез, превратился в сладковатый запах ладана. Учительница затрясла головой, принялась, узнавая запах жжёной бумаги. Опять кто-то бросил спичку в урну.

«Господи, не дадут спокойно умереть среди тетрадей и скелетов, – повела она устало плечами, мысленно посылая всех куда подальше. – Там жгут, тут стучат, а времечко машет прощально ручкой».

– Да, войдите.

Вошла грузная, одетая в чёрное поношенное пальто женщина. Она что-то прятала за спиной, вид у неё был скорее отчаянный, чем решительный. Седые, выбива-

ющиеся из-под тёмного берета волосы, налитые кровью глаза, глубокие морщины на лбу говорили о том, что человека мучает какой-то недуг.

– К вам можно? Здравствуйте, – улыбнулась, кривясь лицом, пожилая женщина.

Маргарита Ивановна, улыбнувшись, кивнула, пытаясь дочитать то, что написано в тетради, но почувствовала на себе тяжёлый взгляд нетерпеливого человека.

– Я к... вам... пришла... вот принесла... – рука, что пряталась за спиной, протянула букет с жёлтыми растрёпанными цветами. – Куда мне поставить букет? Вода в кране есть? Я налью... хоть вон в тот стаканчик. Вы любите хризантемы?

Странно видеть, но, запрокинув голову, седая, взбалмошная женщина, как дитя, залюбовалась цветами и запела слегка визгливым голосом романс: «Отцвели уж давно хризантемы в саду».

Учительница удивлённо приподнялась, повернулась так, что под ней затрещал стул.

– Простите, но почему мне вдруг цветы?

Седовласая родительница резко отстранила букет, нижняя губа её обиженно вытянулась, глаза сделались влажными.

– А так, – порывисто заговорила она, – хотела, чтобы было приятно. Но... если вам не нравится, то уберу. Я... наверное, плохо сделала, извините.

Маргарита Ивановна встала, тут уж было не до трагедий.

– Я вас, простите, не помню.

Лицо седовласой гостьи изумилось, как же это её не помнят, улыбнулось заискивающе, затем потемнело, обидчиво нахмурилось.

– Вот... как! Хотя... да, я вчера вечером приехала из больницы... у меня праздник, понимаете? Может, возь-

мёте цветы? Вот... головой кивнули, а то я растерялась, не знаю, как поступить. Они так хорошо пахнут... я их в стакан поставлю.

Учительница лихорадочно полистала журнал. Она чувяла сердцем, что к ней пришла мама новой девочки Лады, о которой они только что говорили с другой родительницей.

«Как же её зовут? – мучительно размышляла она. – Тьфу, и тут не вписано».

– Вы мама новенькой девочки Лады, – широко распахнула глаза Маргарита Ивановна. – Вас зовут?..

Седая мама в свою очередь просияла, рассмеялась громко и задорно.

– Да, я её мать, Любовь Васильевна. Как вы меня узнали, видели, да?

Теперь общаться значительно легче. Не любила учительница говорить с человеком, не зная, как того зовут.

– Лада на вас похожа, – не задумываясь, соврала учительница, пытаясь льстить. – Как хорошо, что вы выздоровели!

– Ничуть, она вся в отца, – поправила её ошибку родительница. – Вот Илюшка – это я, да. Спасибо, что взяли у меня цветы. Хризантемы чудесно пахнут дикой полынью, степью. Вы понюхайте, правда, как будто ты в поле. А пришла я к вам просить пересадить мою дочь. Посадите её вперёд.

Маргарита Ивановна губы округлила от удивления.

– У неё зрение упало? Нет. А то я не могу: впереди сидят те, кто страдает миопией, то есть близорукостью. Кривоножка Женью тоже пересадить не могу.

Любовь Васильевна сжала губы, упрямо наклонила голову, будто готовясь забодать того, кто с ней не соглашается.

– Пересадить вперёд не желаете? – спросила она угрожающе.

Учительница развела руками. Ей было неудобно перед больной женщиной, хотелось её уважить, но инстинктивно она чувствовала, что уступать не надо.

– Рада бы уважить вас, но не могу.

Однако родительница решила помочь классной руководительнице найти правильное решение.

– Посадите с сильной девочкой или мальчиком, пусть за ними тянется, – убедительно и резко потыкала пальцем куда-то в сторону вороны. – Посадите... к примеру... со Смирновой, мы с её матерью немного знакомы.

У учительницы от любопытства зачесался нос.

«Почему и та мама, и эта просят об одном и том же: рассадить девочек, мало того, обязательно посадить... со Смирновой? – подумала Маргарита Ивановна, всё решительнее желая не уступать. – Может быть, мамы что-то между собой не поделили?»

– Поверьте, это не просто сделать. Это же класс, каждая пересадка – нарушение продуманной схемы. Да и захочет ли Смирнова?

Целая драма разыгралась на лице побледневшей гостьи. Какое дело ей до какого-то класса, до желания ученицы? Это надо сделать, надо!

– Ах, так! Посадите её одну! – рявкнула возмущённой медведицей родительница, покрываясь красными пятнами.

Маргарита Ивановна поняла, что она недалеко от истины.

– Но зачем? – спросила она мягко, так как уже приняла решение.

Утомлённые, в красных прожилках глаза родительницы наполнились слезами, голос стал глухим от бушевавшей в её душе трагедии. Но против кого она воюет?

– А затем... я не хочу, – глухо и отчаянно проговорила родительница, – чтобы она сидела с этой Весельевой.

Отсадите её немедленно! Ради этого я выписалась из больницы, ради этого приехала! Как вы не понимаете?

– Любовь Васильевна, успокойтесь.

– Не успокоюсь, никогда не успокоюсь. И вот увидите, я своего добьюсь!

Родительница упрямо топнула ногой, капризно повернулась, желая демонстративно уйти.

– Любовь Васильевна, успокойтесь. Вы куда?

Маргарита Ивановна увидела покрасневшее лицо, сердитые глаза.

– К директору, пусть он вам прикажет!

Грузная женщина бросилась к двери, выбежала в коридор; дробно застучали удаляющиеся каблуки. Маргарита Ивановна не стала её удерживать. Зачем?

– Боже мой, ещё одна взбалмошная на мою голову, – простионала она, жалея себя. – Говорят, дети для учителей – головная боль, да мамыши хуже всяких детей. Глаза – во! Горят, лишь бы своё доказать. А я не пересажу! Ведь им двоим хорошо. И мамашам именно оттого и плохо, что девочкам вместе – хорошо.

Маргарита Ивановна позволяла себе мысли вслух – они помогали психологически разрядиться и насладиться собственным красноречием. Она любила разговаривать с собой и слушать себя. Она специально встала и подошла к зеркалу, желая и красиво говорить, и красиво выглядеть при этом. Она должна успокоиться.

– Тому в истории мы тьму примеров слышим, да, взрослея, не читаем и не пишем, лишь бы на своём праве настоять.

Получилось, как у батюшки Ивана Андреевича Крылова, пусть запальчиво, зато убедительно.

– Не дай Бог, если у нас вдруг двое счастливы. Родня лопнет от натуги, но добьётся своего – разрушит.

У учительницы запершило в горле, потому что она затронула личное горе.

– Мы были с Птичкиным счастливы, человек по-настоящему любил, но... нет, родная мать съела меня с потрохами: он врёт, он такой-сякой. Эх!

На мгновение Маргарите Ивановне показалось, что вот эти две дамы, обе родительницы были виноваты в её несчастье. Не они, конечно, но им подобные.

– Одна приходит попить мою энергию, потом вторая, а тетрадки кто будет проверять? Не могу я кое-как, я – ваша учительница.

Биологичка решительно села, потом вновь встала, заходила сердитая.

– Пусть идёт к директору, да хоть к самому министру.

В коридоре послышался топот, скрипнула входная дверь. Вошла завуч, за ней мать Лады.

Завуч подмигнула учительнице, дала понять, что надо стерпеть. Говорила строго:

– Маргарита Ивановна, мы только что от директора. Давайте Ладу пересадим поближе, она же сирота.

Красные глаза родительницы смотрели мрачно.

– Пересадите её от этой Весельевой, – повторила она как заклинанье, – пусть одна сидит.

Маргарита Ивановна понимала, что спорить бесполезно и, не желая терять время, согласилась. Завуч опять подмигнула учительнице, мол, не связывайся, улыбнулась родительнице.

– Мы для Лады выписали пособие. Вам, мама, надо отдать классному руководителю заявление и необходимые справки.

Любовь Васильевна кивнула, затем сделала испуганное лицо и пристально посмотрела в угол.

– Вы девочку кормите бесплатно? – спросила завуч.

Маргарита Ивановна кивнула.

– Вот видите, – завуч старалась говорить ласково, – Маргарита Ивановна всё сделала, зря вы на неё жалуетесь.

Родительница удивлённо посмотрела на завуча.

– Я и не думала жаловаться, – стала оправдываться она, потирая руки. – Но... я не хочу, чтобы моя дочь... сидела с... Весельевой. – Этот больной вопрос опять заставил её голос дрожать. – Разве я не имею права?

Завуч кивнула головой, нахмурила брови.

– Конечно, вы – мама, и вы имеете все права, – мягко отвечала она родительнице.

Сказав «до свидания», мама Лады вышла. Завуч облегчённо вздохнула.

– Маргарита, прости, – потеряла она учительницу за плечо, – она просто достала нас. Пришла к секретарше, села и сидит. Директриса как раз бензин просила через отдел образования: нашу Неупокоеву-младшую в областную больницу везти, на девятый километр. Денег немного наскребли.

Хочешь перестать жалеть себя, пожалей другого, которому хуже, и тебе всегда станет стыдно. Маргарита Ивановна представила учительницу рисования. Хрупкая «Куинджи» любила выдавать перлы, умудрялась смешить людей, хотя редко улыбалась сама. Когда-то она, то ли в шутку, то ли всерьёз, заявила про шестой «В», в котором Маргарита Ивановна была классным руководителем: «Такой медлительный, вот уже третий день я с ними на горшке сижу». Она имела в виду, что слишком долго рисуют горшок с цветком. В учительской засмеялись, а классную руководительницу зацепило. Маргарита Ивановна пришла на урок рисования и потом долго изощрялась в той же учительской, с иронией повторяя словесные этюды мадам «Куинджи»: «Это кто суёт мне кисточку в нос», «это кто мне раскрывает рот» и тому подобное. Кто принимает всерьёз урок рисования в школе? Кто всерьёз принимает учителя, да ещё такого?

– У неё же трое ребятишек, – задрожала губами Маргарита Ивановна, – хоть бы жива осталась! Тут доведут до психоза: одна пришла, требует, другой – слова не скажи.

Завуч скорбно улыбнулась, да, вот такие дела.

– Не связывайся ты с ней, – поморщилась она, – ты же видишь, какой человек – инвалид, без мужа.

– Понимаю, но она требует того, чего никак нельзя делать, нельзя!

– Может, на то есть причина?

И опять учительнице стало жаль себя. Она старается как лучше, а на её голову сыплются шишки.

– Если бы причина, но это каприз! Просто дурь, а не причина. А мне, Екатерина Степановна, обидно. Ведь школа для них устраивает балы, кормит, школа учит, школа воспитывает, а одна пришла: у вас все пьяные, теперь другая явилась – права качать – к директору. Что я им, кукла какая?

Хрустальные капельки слёз покатались по щекам. Её стали уговаривать, как малое дитя, которое раскапризничалось, напомнили, что у неё в её классе вторая смена. Маргарита Ивановна всхлипывала, тёрла платочком нос и обижалась на весь мир:

– Я кукла, – поиграли, руку оторвали.

Екатерина Степановна грустно и устало улыбнулась:

– Вроде нет, я всматриваюсь в привычные, почти родные твои черты – всё нормально. Кукла получается, если правую часть тела симметрично присоединить к правой стороне, или левую к левой. Асимметричность исчезает, и кукла налицо. Царствует правая сторона – пустушка, хохотушка, типа нашей Лебедевой, а если левая – тогда господствуют свинцовые мозги. А ты, увы, не кукла, с тобой не поиграешь, ведь ещё не обидела?

«А ведь точно! Асимметричность придаёт лицу живость. Интересный дополнительный материал для урока: прямая связь между биологией и эстетикой. Обязательно приведу в качестве примера, когда будем мимические мышцы изучать...» – учительница мысленно отправила услышанное в копилку интересных фактов.

– Девчата заходили, приглашали, да я с тетрадями...

– Айда ко мне на кофе, мой бутербродов накрутил. Идём, Маргуш, глаза вытри. Все, всё, расквелилась, перестань!

Учительница впрямь попыталась успокоиться, но нервы её несли, а потому слёзы обильно текли по щекам.

– Я из-за нашей учительницы рисования расстроилась. Кому теперь её трое детей нужны? – Маргарита Ивановна привела себя в порядок. – За приглашение на кофе спасибо, Катюш, но я не могу, у меня лабораторная работа, – посмотрела на часы, – через двадцать минут.

Завуч понимающе кивнула и вышла, следом зазвенел звонок с урока на перемену. Учительница озабоченно пересчитала оставшиеся непроверенные тетради.

– Ещё четыре – пустяк. Тема у меня сегодня интересная – «Кровь». К лабораторной работе нужна живая кровь, осталась она ещё у меня?

«Ох, мамы, ох, головы, – мысленно подвела она итог родительского собрания из двух человек, одновременно просматривая очередную тетрадь и выставляя оценку, – да и мы с головой – разберёмся. Схожу к Весельевой Нине, потом к Свёрлышкиной Ладе. Гляну на вас, чем живёте, за что воюете. У Нины я была и не раз, а вот к Ладе ещё и не сходила. Новенькая, потом попросила пока не приходите, мол, только переселились, затем мама у неё заболела...»

12. ЖИВАЯ КРОВЬ

Несмотря на ярко-выраженную натурализацию в культуре и любви, собственная жизнь на грешной земле остаётся непостижимой и необъяснимой. Заумному мальчику или сверхмодной девочке непонятно, почему их и учительницу объединяет любовь к рыбкам, а создание, милее которого нет на свете, к рыбкам совершенно равнодушно, зато серьёзно болеет «рэпом».

Учительница спешно и сосредоточенно просмотрела последнюю тетрадь. Всё! Успела. Вошла завуч, принесла в термосе кофе, а в пакете бутерброды.

– Мерси, Катрин, спасаешь меня.

Екатерина Степановна показала на древних пресмыкающихся, изображённых на цветной таблице по зоологии, мол, а то тоже вымрешь.

Распахнулась дверь класса, ввалились, звонко переговариваясь, ученики из девятого «В» класса. Маргарита Ивановна услышала звонкий голос Чижиковой Оли и хрипловатый – Позднякова Коли.

– Коля, Оля, скорей! Как же вы вовремя! Сейчас вот-вот звонок на урок зазвенит. Давайте на столы микроскопы, предметные стёкла, по три на стол.

Пустующий кабинет представлял зелёную фазенду, отдельный клочок эволюции, был её очеловеченным продолжением. Без ребят он пустовал, а сейчас пришли те, для кого тут всё делалось, пустота разом ожила и наполнилась.

– Маргарита Ивановна, без паники, – по-мужски, ломающимся голосом подростка отвечал Коля Поздняков, отличник и непоседа, – перемена большая.

Коле было очень интересно в кабинете биологии, пока ещё по-детски интересно. Он хотя и представлялся взрослым, на самом деле желал подольше оставаться любопытным мальчуганом.

Оля, или «Чижик», была птичкой с живым характером. Она «порхала» по всему кабинету, желая всюду поспеть, всё увидеть.

В двери мелькнула носатая рожица мальчишки, показала Оле язык.

– Лопух, скройся! – замахала на него обеими руками девчонка.

То ли от свежего ветра, то ли от смущения, Олег Лопухов раскраснелся. Его смуглая мордашка сияла неподкупной радостью, такой уж у него характер, он был всегда всем рад.

– Чижик, клювик раскрыла – чирик-чирик! – рассмеялся белозубой улыбкой так заливисто, будто не Олю увидел, а знаменитого клоуна Полунина.

В приоткрытую дверь заглянула стриженная наголо голова ещё одного долговязого мальчика. Долговязый парень втолкнул упирающегося Олега Лопухова в класс, ввалился следом. То был двухметровый Гусев Павел.

– Вон на тот стол поставьте два микроскопа. Здравствуйте, Маргарита Ивановна! Порядок наводим?

Учительница поморщилась, махнула белой тряпочкой в сторону двери, в которую с треском вломился следующий незванный гость. Он был так же лыс, как и Гусев, но, в отличие от него, считал себя взрослым и вёл себя как взрослый, то есть вызывающе. Рысаков Сергей являлся лидером в классе, был задирист и драчлив, любил командовать.

– Лопухов, Гусев, Рысаков! Закройте дверь... за собой, пожалуйста.

Павлу Гусеву, или проще – длинношеему Гусю, дважды повторять не надо. Лопухая голова Олега тоже поклонялась и исчезла. Но Серёга Рысаков не «фраер какой», чтобы кланяться и слушаться, наоборот, он не любил слушаться. Серёга, как не заметил

учительницы, посмотрел пристально на Олю Чижикову, будто орёл на барашка, достал что-то из кармана.

– Маргарита Ивановна, она кушать хочет! – он швырнул в Олю Чижикову огрызок от яблока. – Лови, баскетболистка!

При появлении рослого и симпатичного Рысакова Сергея Оля стала двигаться между партами более тошно и изящно, хотя сделала вид, что его не видит. Она успела увернуться от брошенного в неё огрызка, озорно блеснула глазами-пульками и закричала, будто она на улице, а не в классе:

– Дурак! Рысак орловский! На тебе только в Орловке сумасшедших катать!

Вроде бы повзрослели, а всё ещё обменивались такими вот «любезностями» и никак не могли наиграться. Мальчишки «прикалывались», девчонки «взбухали», и это им нравилось.

– Оль, не отвлекайся, – переключила внимание девочки учительница, – иди сюда. Аккуратно, по одному разложи на каждый стол, на предметное стекло, по одному покровному. По одному, поняла, иначе не хватит. А потом приходи в лаборантскую, хорошо?

Маргарита Ивановна долго не раздумывала. Села за стол, закатала рукав, оглядела набухшие вены на левой руке, вскрыла большой одноразовый шприц и сильнее стянула жгут.

«Прикрыть дверь, а то подумают, что я наркоманка, – подумала на мгновение, а сама уже вонзила решительно иглу. – Рисковать, так рисковать!»

Так бы на её месте и поступил её бывший учитель химии, которому Маргарита Ивановна старалась подражать. Едва успела убрать «орудия преступления», как птичка, в виде русоволосой и длинноногой девушки, затянута в голубую кофточку и расклешённые джин-

сы, вспорхнула в дверь. Вспорхнула, шагнула к столу с нужными для урока пособиями и отшатнулась.

– Ой, что это, Маргарита Ивановна, такое красное?

– Кровь, – отвечала учительница, чувствуя, как щиплет место укола, всё ещё прижатое ваткой и рукавом кофты.

Нос, на котором сохранились веснушки, сморщился от ужаса и удивления. Приятное мгновение для учителя, даже Оля была напугана.

– Кровь! – зачарованно повторила девочка, разглядывая колбу, стенка которой была перепачкана в густо-красное, и это пенисто-красное её пугало ужасной тайной. – А чья это кровь, наверное, бычья или свиная? Вы на бойне побывали?

– Бойня впереди, а кровь моя, – самодовольно отвечала учительница.

Заглянул в дверь Коля Поздняков, желая сказать, что микроскопы на месте. Он услышал разговор и подошёл к столу, с любопытством посмотрел на багровую колбу в руках Оли.

– Я так и подумал, – бурно вскипела его фантазия, зарумянила щёки, – осторожно, Чижикова, не обожгись, ведь у Маргариты Ивановны кровь очень горячая. Зато теперь двоек будет уйма.

Все удивлённо посмотрели на мальчишку, чего он такое горюдит?

– Почему это, Коль? – повернулась учительница, взяв стопку тетрадей.

– Как почему? Мы у вас кровь пьём, пьём, а тут вы в колбу, так сказать, последнюю кровь вылили, вот и похолодели сердцем.

Жестулируя, парнишка зацепил рукой за висевшие на гвоздиках таблицы и свалил их.

– С вами похолодеешь, – ахнула учительница. – Полегче нельзя, таблицы и так рваные. Оле помощи, она давно тебя ждёт.

Коля покраснел и отвернулся: никто не должен догадываться, что он сохнет по долговязой девчонке.

– Ошибаетесь, она другого лыцаря ждёт! – крикнул он с вызовом. – Не верите? Смотрите! Только, чур, прошу политического убежища.

Небольшого роста парнишка набрался смелости, подкрался и дёрнул свою симпатию за короткий хвостик схваченных розовой резинкой волос.

– Чижик, кончай своё кровавое дело!

Оля едва колбу не выронила: как смеют прикасаться к её бесценным волосам?

– Поздняк противный, – она поставила колбу на стол, там же оставила штатив с пробирками и стеклянную трубку с резиновым шариком на конце. – Цепляешься как репей, а чижи любят репы клевать, клевать...

Она погналась за неуклюжим Колей и стала щипать его. «Что-нибудь сейчас разобьют», – морщилась Маргарита Ивановна, нетерпеливо ожидая, когда же беготня кончится.

Оба с шумом носились по классу, учительница тоже носилась: развешивала таблицы, спешно писала на доске: «Лабораторная работа». Послышался грохот.

– Дети, полегче мечите громы и молнии, – охнула, не оборачиваясь, – а то может случиться дождь стекла.

– Маргарита Ивановна, – и пищал, и хохотал довольный отличник. – Дёрнул-то козочку за хвостик, за жиденький такой серый хвостик.

Как же звонко хлопнула по спине крепкая Олина рука!

– Сам ты козёл!

Зазвенел звонок. Вот и всё, кто не успел, тот опоздал. В класс не входили, а вбегали: почему-то взяли такую привычку выросшие «все под потолок» мальчики и девочки. Каждый спешил занять своё место, хватали микроскопы, листали страницы учебника. Некоторые

из ребят пробовали пальцем, а то и на язык то, что им дали. По классу пронёсся шёпот: «Кровь, кровь».

– Это кровь Маргариты Ивановны, – авторитетно объявила чернявая злюка Смирнова Жанна, всё знающая и всё отрицающая отличница.

Мысли о крови леденили сердца.

– Настоящая? – удивилась и понюхала пробирку Вельселева Нина.

13. ПРОПИТАН ЛИ ВОЗДУХ В КЛАССЕ ЛЮБОВЬЮ?

Маргарита Ивановна работала по принципу: кто опоздал, тот не успел.

– Пишем. Первый вариант от окна, первый вопрос. Зачем каждому из вас нужно сердце?

– Можно? – вошёл Олег Лопухов.

За ним следом, играясь и толкаясь, ввалились двое небольших ребят, из тех, которых называют маленькой шпаной.

– Не опоздали? Здравствуйте!

Учительница, ни на секунду не расслабляясь, диктовала.

В классе и напряжённо работали, и одновременно посмеивались.

– Второй вариант. Вопрос. Как сберечь кости и суставы в коридорах и на лестницах во время перемены?

Класс быстро притих, так как на ответ давалось всего пять минут.

– Клёвые вопросыки, – вытянул длинную шею Павел Гусев. – Я бы ответил на оба.

Нашлись такие, которым не терпелось отвечать.

– Давайте будем оставлять наши скелеты в лаборантской, – предложил добродушно Пётр Шмылин.

Пётр в это лето вырос, раздался в плечах и... прекратил всякую борьбу за лидерство. Он, наперекор моде, отрастил шевелюру и наперекор общему мнению взялся активно за учёбу. Часто болеющий толстяк Лев Кривоножка не любил учиться, хотя проявлял яркие способности по музыке и литературе, зато был большим любителем побалагурить на уроке.

– Ещё перепутаемся, – хмыкнул он, являя ямочки на щеках, – достанется женский таз, что буду делать?

– Не переживай, он тебе уже достался, – показал язык непоседливый Маликов, которого ребята звали Мальком, – голос тоже бабий.

На миг в классе стало тихо, ведь на разговоры времени не было. В это время открылась дверь и вошла Лада. Красивые золотистые волосы были взбиты, чёлка прикрывала возбуждённые глаза. Лада, бурно дыша, робко смотрела на учительницу и на класс, но словно бы ничего не видела. Глаза прятались от всех и что-то таили.

– Распустила космы и трясёт, – хмыкнула как бы между прочим Чижикова Оля. – Специально опоздала, чтобы на неё посмотрели. Сейчас обязательно про свои волосы заговорит, слушайте!

За подружку Нина была готова драться.

– А тебя завидки съели! – прошептала она Чижиковой, презрительно глядя на её жиденский хвостик волос.

– Можно? – робко спросила опоздавшая.

Маргарита Ивановна строго поджала губы, темнея глазами.

– Вот этого не люблю, скорей!

– Волосы расчёсывала, мне растрепали, – словно оправдываясь, сказала Лада.

Подружке приветливо улыбалась добродушная Нина Весельева, она показала на доску и пододвинула свою тетрадь.

– Вот вопросы. Лад, списывай свой. Не переживай, я тебя причешу.

Жанна Смирнова любила сначала делать, потом уж говорить. Она умудрилась ответить на первый вопрос и теперь позволила себе отвлечься. Она тоже завидовала Ладе, её пышным волосам, а потому сейчас испытывала разочарование в своей супермодной причёске из многочисленных косичек.

– Женихи её замучили, – пожалела она Ладу, – Маликов да Коротких.

– Жан и баклажан! – огрызнулись мальчишки весело.

Маргарита Ивановна любила такого рода пререкания, сама бы в них с удовольствием поучаствовала, ведь у неё столько симпатий.

– Пишем! – улыбнулась. – Первый вариант. Игорь и Сергей, наши женихи, хотят вырасти под два метра. Подскажите им, как это сделать. Что влияет на рост?

Сколько же в классе остряков, каждому хотелось побывать на арене и посмешить народ. Почему-то у доски начинали мямлить, а вот, сидя за партой, выкрикивая, как лозунги, свои тонкие наблюдения, действовали смело и впрямь смешно.

Из Коли Позднякова знания так и пёрли, попробуй изложи их на бумаге, ведь это слишком медленно, вот он и не выдерживал, желая перед Чижиковой Олей пропеть свой романс.

– Надо бы родителям не в огороде царя Гороха, а в мозгу чада гипофизную горошину нормальную посадить.

Странный Коля, сам-то он разве что на полвершка перерос мальчишек.

– Пусть у Гусева спросят, – фыркнула Осокина Лена, – он расскажет про свои два метра.

Незаметный, весь белёсый и бесцветный Андрей Крапивин всегда сидел как мышка, у доски чаще от-

малчивался, много пропускал, а потому его в классе как будто не было. И вдруг тоже начал шутить.

– За уши пусть родители вешают на ночь на гвозди-ке, – сказал он серьёзно.

– Тебя в крапиве повесим носом вниз, Дрюнчик! – пообещал многозначительно Игорь Маликов.

Маргарита Ивановна рассмеялась.

– Обостроумничались! Пишем дальше! Второй вариант, второй вопрос. К какому типу ткани относятся волосы Лады? Кстати, очень роскошные волосы, мечта. Что вы знаете про эту ткань?

Сергей Рысаков демонстративно повертел чистый лист и так и сяк, почесал голову, стриженную наголо, мол, нуждаюсь в помощи.

За ним, возмущённо хлопая ресницами, следили глаза-пульки. Руки терзали серый хвостик волос, потому что сердце рвалось вон.

– Ну-ну, поломайся, поломайся, – с вызовом проговорила Оля Чижикова.

Рысакову Серёже нравилась Оля, но парень сделал вид, будто ею обижен.

– Маргарита Ивановна, – встал он решительно, – можно я с ней разберусь?

Что-то в уроке шло не так, слишком много лишней говорильни, что делать? На этот вопрос учительница не знала ответа. В её душе боролись два чувства: ужесточить дисциплину или набраться терпения. Однако, как часто бывает, за неё эту проблему решил некто, кто сидел внутри.

– Можно. Чувствую, пора. Стоп! Даю классу минуту, чтобы взять саквояжи и перераспределиться. Садитесь, с кем жаждете, а то меня уже давно кое-кто просит.

Какой поднялся переполох: загремели стулья, даже раздался свист. Учительница сама не ожидала от себя такой прыти, ведь только-только она доказывала роди-

телям, как трудно пересадить с одной парты на другую хотя бы одного ученика. Она прошла к своему столу, стараясь не путаться у своих подопечных под ногами.

– Ура! Виват!!! Чижик, Чижик, где ты был, когда тебя я полюбил? – радостно запел Рысаков.

– Серый, канай сюда! – позвал Игорь Маликов дружба Коротких Сергея.

Увы, на средней от окна парте наклюнулся развод. Олег Лопухов был против всяких новшеств.

– Бесплезно сопротивляться, я отсюда только на тот свет, – повторил он упрямо соседке по парте.

Но та была не менее упряма.

– Зато я уйду, – подняла нос вверх высокая, с белыми и очень короткими волосами баскетболистка Инночка Севастьянова. – Павлуша, я к тебе, можно?

Однако место, увы, было занято, так как Смирнова, ей назло, никуда уходить не собиралась.

– Садись, – подмигнул ей Павел Гусев и начал гоготать, качая головой на длинной шее, – если втроём разрешат.

– Я разрешу! – проявила чувство собственности колючка-соседка. – Очки протри, голуба. С дискотеки не очухалась, что ли? Не видишь, тебе фол!

Пётр Шмылин не понимал, почему поднялась такая сумятица, но ему тоже хотелось в ней поучаствовать, хотя бы ради шутки. Он толкнул Олю Цветкову, провёл рукой границу, потом отмахнулся.

– А я один можно побуду? Хочу один побыть.

Ярко одетая в оранжевое платье, крашенная в оранжевый цвет соседка ширнула в бок Петру кулаком.

– Ладно, ладно, о разводе потом на перемене поговорим.

Хорошо она придумала, а главное, решилась. Маргарита Ивановна улыбалась, глядя на свой самый лучший на свете класс.

– Как я вам завидую, – вздохнула она и посмотрела на часы. – Угадайте, чем пропитан воздух нашего кабинета?

Пётр Шмылин принюхался, сморщил нос, он впрямь не любил запаха духов, которыми до одури прыскала себя его соседка.

– Шанелью! – крикнул он. – И не только солдатской.

– А ещё?

– Кровью! – прогудел басовитым жуком Павел Гусев.

– Ну, а ещё?

Замечательный момент выделиться. Вот Коля Поздняков, сияя глазами, закричал про вредные бактерии, а Чижигова Оля напомнила про углекислый газ.

Жаль, но время вышло, минута давно закончилась.

– И это всё есть. Но, любимые мои. Разве не зацвела белая герань, а румяные амариллисы не раскрыли во все стороны раструбы чутких ушей? А ведь цветы расцветают только от любви.

Маргарита Ивановна взглянула на Ладу, возле которой круглилась, другого слова не подберёшь, Нина. Девчонки о чём-то увлечённо переговаривались.

– Смотри-смотри, этот чистый голубой кружок на парте похож на клочок неба среди туч, – Лада подрисовала лапки, и из голубого кружочка получился паучок.

– Зачем ты парту пачкаешь?

Лада вздохнула и потёрла пальцами рисунок.

– Не стирай такого здорового паучка.

Девочки посмотрели в сторону учительского стола и встретились с глазами Маргариты Ивановны.

«Побокую родителей, ничего менять не буду, – приняла решение учительница и опять нетерпеливо взглянула на часы: почему на уроке так быстро летит время, видимо, потому что не принадлежишь в этот миг себе.

– Мир девочек в классе давно поделён. Там Чижик – птаха с характером, тут Смирнова – язва, баскетболистки в лидеры лезут, «блатари», как их точно окре-

стил Пётр Шмылин, изгаляются. Ладе в любом клане будет трудно, как и Нине. А вдвоём им хорошо, кажется, они нашли свою нишу».

Она ещё раз посмотрела на часы: пора!

– Рысаков, читай.

Урок есть урок, счастье разом кончилось, хотя Сергей с этим не был согласен. Парень встал, оглядел свой красный костюм диск-жокея, ссутулился, наморщил лоб, зачем-то пригладил стриженные наголо волосы. Красивое лицо, сияющее силой, здоровьем и уверенностью, омрачилось: как-то надо выкручиваться, хотя, не привыкать.

– Второй вариант, – отчаянным голосом проговорил Сергей, подмигивая соседке, мол, выручай.

Маргарита Ивановна знала Сергея как свои пять пальцев. Если бы ответ был готов, то он прозвучал бы немедленно, со знанием дела. Она оглядела класс, ставить двойку ей не хотелось, зачем?

– Маргарита Ивановна, – вдруг подняла руку Лада, – можно я отвечу, как я понимаю?

С каким бы удовольствием Сергей Рысаков снял красивое золото с плеч новенькой и перенёс на родимые плечи Оли Чижиковой, он даже представил себя единственным россиянином, снимающим скальпы вместе с индейцами с золотоволосых новеньких.

– Да-да, можно, очень даже можно, даже нужно, очень даже нужно! – закричал Сергей весело.

Маргарита Ивановна покачала головой.

– Спасибо, что разрешил, отвечай.

Лада не стала читать, просто рассказывала:

– У меня первый вариант. Сердце нужно всем, чтобы стучаться и предупреждать, – глаза девочки словно распахнулись навстречу открывающейся двери, навстречу неизвестности, несущей радость, а может быть и горе. – Люди не видят опасности, но сердце сильным стуком предвещает тревогу. Человек видит глазами, слышит

ушами, чувствует кожей прикосновение, так же он может видеть сердцем, слышать сердцем, чувствовать.

Многие смотрели на отвечающую, пытались увидеть её сердце, но вместо сердца видели розовую кофточку, выпукло выдающуюся вперёд, как раз в том месте, где должно быть сердце, и правее. Мальчишки чувствовали, как у них загорались щёки.

– Сердце слышит, как смеётся ручеёк, как растёт трава, – продолжала нести ахиною Лада, словно не замечая, как после её слов поднялось множество рук. – Сердце или доверчиво, или нет. Доверчивое сердце – это, я так думаю, большое сердце. Сердце, я читала, размером с кулак. Большие кулаки у мальчишек, ибо они очень доверчивы.

Все посмотрели на свои руки, сжали пальцы в кулаки, почему-то всем захотелось быть доверчивыми. Золотые волосы лили и лили струи куда-то вниз, глаза тоже сверлили пол, будто там, под стёртым линолеумом, было спрятано счастье.

Вон куда повернулось. Маргарита Ивановна посмотрела внимательно на свои тонкие руки, тоже сжала их в кулаки, усмехнулась, говоря:

– У женского пола так: доверяй, но проверяй. Девушкам ошибаться никак нельзя. Что у тебя, Поздняков?

– Сердце – мышечный мотор, который гонит кровь по всему телу. Сердце состоит из особого типа мышечной ткани, сердечной.

Коля так торопился, что глотал окончания, ему нравилось всё время куда-то торопиться. Учительница, как и все учителя, уважала Колю Позднякова за его чёткость и глубокие знания по всем предметам.

– Хорошо, – кивнула головой учительница, – садись. Лада, продолжай.

– Ответ на второй вопрос, – Лада заволновалась. Каждый почему-то старался дёрнуть её за волосы,

столько хлопот из-за этой, как все говорили, «красоты».
– Ткань, из которой состоят волосы, называется пита... тальная... нет, не так, она называется капита-тальная...

Окончательно растерялась и покраснела, опустила голову в собственный золотой ручей.

– Эта ткань покрывает нас, словно мешком...

По классу пронёсся смешок.

– Пыльным, – добавила ехидно Смирнова Жанна.

– Целлофановым, – не согласился с ней Пётр Лопухов.

– Из этой ткани состоят наша кожа, ногти...

– У тебя, Орлова, когтищи! – фыркнул Пётр Шмылин.

Оля Чижикова тоже, как говорится, «наострила свои коготки».

– Как про свой волосок – изменился голосок, – передала она точную интонацию голоса Лады Свёрлышкиной, – запела, задышала, ожила. Как же, ткань капитальная!

Маргарите Ивановне ответ не понравился, увы, это не урок литературы.

– Ответ несколько оригинальный, – сухо сказала она, – но на уроке биологии, Лада, старайся быть естественней, отвечай ближе к теме. Что, Осокина? Отвечать?

Лена встала, аккуратно поправила кофту, широко распахнула глаза в окно – она любила смотреть в сторону, когда отвечала.

– Эпителиальная ткань покрывает в виде кожи весь организм, образует роговые образования в виде ногтей и волос. Есть выстилающий эпителий и железистый. Они отличаются...

Как хотелось Коле Позднякову обратить на себя внимание, вот было бы хорошо, если бы Оля Чижикова стала вдруг маленькой, с него ростом.

– У девочек слёзные железы хорошо развиты, – вставил он реплику.

Толстый Лев Кривоножко был болен той же болезнью, ему хотелось, чтобы и на него обращали внимание. Ему хотелось быть развязным, а потому он сначала говорил, а уж потом думал.

– У Осоки – молочные! – выкрикнул умник и загоготал.

Круглое лицо Лены вздрогнуло, её уже не раз пытались, как в песне поётся, «за всё хватать», за что она щедро благодарила «по роже». У Лены, в отличие от мальчишек-дураков, всё было просчитано: она, как и все девочки, мечтала о большой любви, она в неё верила и знала, что впереди её ждёт весёлый и удачливый парень в... техническом институте. Сейчас для неё главным делом являлась учёба.

– У тебя, дурачка, сальные – весь оплыл! – огрызнулась она, скорее по привычке воевать с мальчишками, чем из чувства унижения.

Осталось 27 минут на лабораторную работу.

– Записываем тему: «Кровь». Тема большая. Урок первый. Лабораторная работа номер два по изучению строения крови. Что там, Андрюш?

У Андрея Крапивина перестала писать ручка, а потому он усиленно рылся в своём портфеле.

– Ручки, карандаши, листки и книги на моём столе. Кто забыл, тихо подошли, взяли, что нужно для работы, а в конце урока... вернули. Работа полностью расписана в конце учебника. Параграф изучили. Дома прочитали, знаете, что такое красные кровяные тельца. На доске страницы указаны, вопросы даны, на столах оборудование приготовлено. Времени мало, будьте внимательны, не испортите до конца мою кровь.

Нужно было капнуть капельку крови на стекло, размазать другим стеклом, линейкой наметить квадратный миллиметр и под микроскопом посчитать красные кровяные тельца – эритроциты.

– Погуще намазывай кровяную икру на стеклянный хлеб, – толкнул Рысаков соседку.

– Серёж, не мешайся, – Оля Чижикова заглянула в микроскоп.

Рысаков открыл рот от удивления, кому это он мешает.

В классе повисла мёртвая тишина. Учительница устало поморщилась.

– Извини, что у тебя, Нин?

Нина, как говорится, целиком влезла в микроскоп: предметное стекло – жёлтое полотно ситца было сплошь усыпано красными пятнышками.

– Здесь их, как горошин в мешке, – проговорила она с восторгом. – Не сосчитать!

– Цифра большая, но можно проще пересчитать, внимательно вчитайтесь в ход работы...

Маргарита Ивановна улыбнулась, она снова взяла себя в руки, стала сильной. Она прошла мимо Сергея Рысакова, тот прикрыл голову, ожидая подзатыльника.

– Лучше бы ты рот прикрывал вовремя, – посоветовала ему учительница. – Голубка сизокрылая, – наклонилась к Ладе, – почему не исследуешь кровь?

Она рукой удержала девочку, которая попыталась встать.

– Я её боюсь, – призналась виновато Лада.

Не удержавшись, Маргарита Ивановна погладила золотистые волосы девочки, представляя мягкие волосики своей ещё маленькой дочери.

14. КАПЕЛЬКА ОКЕАНА В КАЖДОМ ИЗ НАС

– Можно выйти? – вдруг спросила Лада.

– Лапушка, конечно, можно. Ты у нас сегодня какая-то особенная.

Лада, сжав губы, никого не замечая, прошла к двери. Учительница обратилась к Нине.

– Что с ней? Живот болит, личное девчоночье или дома случилось что? Какая-то странная.

Нина махнула рукой, на миг оторвалась от микроскопа.

– Там ребята в девчачий туалет кота чёрного подбросили, хотели нас попугать. Лада хочет его на улицу вынести.

Маргарита Ивановна попросила ребят посидеть тихо и вышла в коридор.

В классе забушевали страсти. Жанна Смирнова встала и изобразила тихую девочку Ладу.

– Ну, тихоня! Шустрая: захотела – опоздала, захотела – белиберду рассказала, захотела – урок просидела, теперь вышла кота облезлого, фу, из бабского сортира в мальчишечий перенести. А то, видите ли, котик стесняется.

Нина вступилась за подружку.

– Ты смиренная не в меру, – передразнила она Жанну. Девочки «поласкали» друг дружку взглядами.

– Корова жирная, по роже захотела! – внезапно крикнула Жанна, делая злое лицо.

Нина не испугалась, просто ей непонятно, чего Смирновой надо.

– Вечно не так: то вопила – ничего не позволяют, теперь орёшь, почему позволили? Ладе потому и позволили, она же коту в морду сигаретой не тыкала.

Чижикова Оля в данном случае была со Смирновой заодно, ей тоже не нравилась Лада.

– Гля, как спелись две дурочки.

– Почему две – три, про себя не забывай, – усмехнулся Пётр Шмылин.

– На Рысака Марго за одно слово накинулась, – продолжала нагнетать страсти Жанна Смирнова, желая революции, – пару залепила.

Но Серёга её не поддержал, знамя не подхватил.

– Не надо! – остановил он Жанну, не желая, чтобы она превращалась в Жанну д'Арк. – Всё по делу! Если каждый будет на уроках калякать...

– Извинись ещё, иди к Тихоне сядь, – фыркнула Оля Чижикова, демонстративно отворачиваясь от кавалера.

– А может человеку плохо? – предположила жалостливо Анжела Орлова, высокая смуглая баскетболистка.

Дикий смех заставил всех оглянуться и посмотреть на Цветкову – глаза у той сияли.

– Да кому плохо-то? Это нам плохо, а ей хорошо, ха-ха, ей плохо, пожалели. Тьфу, не перевариваю тихоньких.

Шмылин встал и подошёл к Нине.

– Святая простота, – улыбнулся и подмигнул, – побудь на шухере.

– Я кровь считаю, – отвечала Нина, разом хватаясь за микроскоп, – сам стой, если надо.

Пётр присел рядом, толкнул толстушку.

– Подвинься, ну-ну-ну!

Нина стукнула Петра по его крупным ручищам.

– Не лапайся, дурак!

Но Пётр Шмылин решительно обнял «сдобную булочку», не обращая внимания на отчаянное сопротивление.

– Тс, сиди и слушай, объясняю, что надо делать. Микроскоп увеличивает в сто раз. Считаю красные тельца в квадратном миллиметре, получаем 320. Это число умножаем на сто, выходит 32 тысячи. Столько в квадратном миллиметре, а надо в кубическом. Извлекаем корень из 32 тысяч и возводим его в куб.

– А почему, Петух? – переспросил Коля Поздняков, который из-за своей ревности так и не открыл учебника. – Ведь такая цифрища получится?

Пётр удивился.

– Не, вы ход работы читали?

– Объясняю ещё раз, – наклонился он к Нине, к её тетради. – В одном кубическом миллиметре около пяти миллионов красных клеток – эритроцитов. Мы же считали в сотой доле квадратного миллиметра, получили 320, умножили на сто, получили 32 тысячи, извлекли корень, он равен 180 и возвели его в куб. Вот и получили пять миллионов красных телец в одном кубическом миллиметре. Ясно, неясно, списывай скорей!

Пётр терпеливо подождал, пока Нина переписала ход лабораторной работы, кивнул ей, когда та вдруг упёрлась пальцем в лоб со словами, мол, кое-что поняла.

– Ну, иди, глянь, куда моего кота Тимофея дели?

Простушка, очень довольная Петиным вниманием, приоткрыла дверь и осторожно выглянула.

Учительница советовала Ладе отнести кота в игровую комнату.

– Ага, передам тренеру по шахматам Виктору Владимировичу, – Лада, прижимая чёрного пушистика к груди, побежала вниз.

Нина замахала рукой на Петра, чтобы тот садился на своё место.

– Кот в шахматной комнате, – сообщила радостно.

Нина отскочила от двери и поспешила на свое место.

– Идёт, идёт, шухер!

Вошла Маргарита Ивановна.

– Что? Уже выполнили. Отлично! Так, ну-ка, ну-ка... и Нина Весельева успела?

Рот Нины так и разъехался до ушей, хоть завязочки пришей: ещё бы, ведь и она справилась.

– Сколько же у тебя получилось? – удивлённо склонилась над её тетрадью учительница.

Нина подняла тетрадь, где у неё были записаны расчёты.

– Около пяти миллионов, сама считала.

Маргарита Ивановна была довольна. На её щеках виднелись милые, делающие её маленькой девочкой ямочки.

Учительница подошла к столу, заглянула в свои записи.

– Дома читайте про эту удивительную жидкую соединительную ткань, которая, как вы помните, является чем? Сегодня какой у нас день?

– Среда, – отвечала Нина.

– Чем является кровь?

Нина повела глазами, открыла рот, но сказать ничего не успела. За неё ответили другие.

– Внутренней средой организма, – подсказал Коля Поздняков.

Маргарита Ивановна присела к столу.

– Вопрос: каким свойством обладает кровь? Что мы хотели бы видеть в наших будущих мужьях и жёнах?

Этот проклятый вопрос давно точил сердце бедной женщины, с тех пор, как ей изменил супруг. Почему он это сделал, она не могла ни понять, ни объяснить, просто сердце кричало, сердце требовало, чтобы он не делал этого никогда.

– Горячая, – высказалась Севастьянова Инна.

– Солёная, – предположил Маликов Игорь.

Как всегда точным оказался отличник Поздняков Коля, назвав внутреннюю среду или кровь постоянной.

Маргарита Ивановна грустно посмотрела на свою «страну кактусов», вспомнила, что ей надо предупредить дежурных, чтобы они не поливали эти засухоустойчивые растения. Как так случилось, что игла от опунции вонзилась ей в сердце, мешая дышать?

– Верно, – проговорила она, оглядывая своих питомцев, главное – это постоянство, верность. И во внешней жизни, и во внутренней. В плазме крови постоянное количество белков, жиров, углеводов, воды.

– А если постоянство нарушается? – спросила Оля Чижикова.

«Это называется предательством», – вскричала душа Маргариты Ивановны.

– Если лишний сахар в крови, – отвечала она, как положено, по уроку, – то налицо сахарный диабет. Соли в литре крови столько же, сколько в литре морской воды. Как говорил американский писатель Джеральд Даррелл, в каждом из нас сохранилась капелька океана. Весельева, кто тебе подсказал расчёт? Смелее, смелее...

Нина замялась, не зная, признаваться ей или не признаваться.

– Нам Шмылин объяснил, ему обязаны, – сказал Олег Лопухов.

– Давайте дневники. Поздняков Коля – пять, Пётр Шмылин – пять, Оля Чижикова, большое спасибо за помощь – пять. Работу дома доделать, чтобы было красиво и с выводами.

Зазвенел пронзительно звонок, все рванулись на обед.

– Кто тут всё уберёт, – растерянно смотрела учительница на оставленные на столах приборы, – кто останется помочь?

В классе остались все те же Оля Чижикова и Коля Поздняков, с ними Нина и Лада, а еще Пётр и Павел.

– Благодарю вас, судари и сударыни, – поклонилась им учительница, – Чижикова, будешь главной.

Вошла завуч, сердито погрозила пальцем.

– Маргарита Ивановна, вам одного выговора мало!

– Мало, – отвечала, радуясь, учительница, – я люблю, когда много и на голодный желудок. Бог с ними, с выговорами, лишь бы микроскопы были целы.

15. РЫЖИЙ ПАН

Тонкие нервические пальцы судорожно скомкали бумагу, исписанную неровным падающим почерком с самыми разными завитушками, с рисунками кленовых листков по краям. Всё-всё, спать! Хотя...

...Осенью будто умираешь, не зная, возродишься ты вновь или нет. Всё обостряется, делается ярким и болезненным. В «багрец и золото» одевается бабье лето, как запоздалая царевна-невеста. А вон уже и ключья фаты летят, синеокое небо начинает бледнеть, чахнуть, темнеть и плакать. Это всё рыжий Пан виноват, он и душу колобродит: звуком своей свирели наводит на людей беспричинный, так называемый панический страх, ведь он – божество стихийных сил природы. Почему-то хочется мчаться в бесконечность, верить в сказки, грустить в одиночестве и писать стихи...

Учительница биологии Маргарита Ивановна не знала, что в эту ночь рыжий Пан заглядывал и стучался во многие окна и одноэтажных, и многоэтажных домов, а потому люди спали беспокойно. В одно же окошко Пан смотрел особенно долго. Не потому, что это была кухня, а ему хотелось поесть, нет. Он даже дышать старался тише. Тут спала девочка с золотыми волосами, похожая на нимфу Сиригу, ту самую нимфу, которая однажды перепугалась, увидев Пана, и превратилась в тростник. Из этого тростника тот и сделал пастушескую флейту – многоствольную свирель, состоящую из нескольких трубочек различной длины. Рыжий Пан не

стучался в окно маленькой кухни, а плакал, вспоминая свою молодость, плакал, жалея нимфу и жалея девочку. Он знал, что её мать нездорова, потому и предстал перед классной руководительницей в образе женщины, попросил защитить новенькую от страдающих безмерной завистью людей.

Возможно, это был всего лишь сон, или воображение чувствительной женщины разыгралось, кто знает?

16. ОСЕНЬ С БУКЕТОМ АСТР РАЗНОЦВЕТНЫХ

Осень усыпала палой листвой тополей и берёз дворик. Златокудрые берёзы светились в лучах солнца. Весело, по-байроновски, лаяла хромоногая собачонка, радостно встречая разноцветную, ярко одетую группу девочек, которые только вчера превратились в девушек и напоминали внезапно вспыхивающий, озаряющий всё вокруг и притягивающий внимание костёр. Девочки окружали учительницу, свою классную руководительницу, самую похожую на девочку – так она была тонка и стройна. Даже платья были одинаковыми. Учительницу отличало полное отсутствие макияжа на лице и тёмная широкополая шляпа. Она отдыхала, радовалась жизни. Из окна Юрий Шевчук пел великолепную песню: «Что такое осень?»

– Что такое осень, Маргарита Ивановна? – спросила, как малышка у мамы, Света Травкина, тоненькая, словно прозрачная девочка, похожая на Дюймовочку.

Маргарита Ивановна с грустью посмотрела на синее небо, на белые холмы небрежно сваленных кем-то там, на небесах, облаков – ведь это её неосуществимые мечты, белые и серые и... теперь ненужные.

«Вон то, похожее на белого щенка облако, и есть мои остатки прошедшего лета», – подумала она с грустью, потом улыбнулась.

– Наверное, наше сегодняшнее я, – отвечает она, вздохнув. – К осени созревают плоды. Ведь это про каждого из нас сказано:

Яблочко спелое в красном берете

Ко мне подкатилось, спросило о лете.

– Куда подевалось? Ах, вот вы о чём?

Да вон же на щёчках в румянце твоём.

– Но у вас тёмная шляпа, – Анжела Орлова обвела вокруг головы круг.

– Стихи мне в студенческие годы один однокурсник сочинил. Я ему красным беретом рапортовала, как обходчик поезду.

Весело было с девчонками, шли и щебетали себе, как птицы: для них осень – это лишь сезон года, время очередного развлечения.

А сколько листвы насыпано под клёнами, сколько золотых писем от влюблённых, как весело теревить их ногами!

– Девчонки, гля, Гусев чапает, – хихикнула Света Травкина, щуря лукавые глаза. – Гусь, а походка журавлиная: шаг – два метра, рост – три.

Анжела подхватила пас.

– Вон кому удобно, – подняла она руки в красных перчатках вверх, – устроится швейцаром: сразу два этажа сможет обслуживать.

Большие люди всегда заметны, тем более такие, как Павел Гусев – неуклюжие и смешные. Девчонки глядели на Павла, как на диковинку.

– Я как-то снизу глянула на него, шею едва не сломала, – фыркнула остроумная Анжела.

– Хи-хи, а штаны-то на нём, гляньте, чуть не до колен, – захихикала Лена Осокина.

Инне Севастьяновой нравился Паша Гусев, она соглашалась с подружками, да он такой – её Гусь, но уж какой есть.

– А вот как такого поцеловать? – вдруг спросила она и покраснела.

Анжела хмыкнула, мол, скамеечку будешь подставлять, девчонкам тоже стало весело. Инна Севастьянова сделала шаг в сторону идущего долговязого парня.

– Друг мой, Паша, стоять!

Паша давно заметил девчонок, застеснялся, не зная, куда деть свои огромные красные руки. Из костюма он вырос, вырос быстро, внезапно, а другого, для улицы, ему не купили, да и как купить мальчишке, у которого сорок четвёртый размер и двухметровый рост? Застеснявшись, Паша быстренько свернул в подъезд и ушёл.

На углу дома стояли женщины, продавали цветы. Учительница показала рукой в сторону белого ведра, в котором стояли фиолетовые, бордовые и жёлтые игольчатые хризантемы, продолжила читать стихи:

Осень букетом астр разноцветных

Плыла по улице, ручкой обвита,

Вас я увидел, и взгляд мимолётный

Подарили вы мне, Маргарита.

– А вам ребята стихи пишут? – спросила она наивно. Девочки в ответ только фыркнули.

Возможно, кто-то из ребят и пытался написать, только прочитав так и не решился. В основном записочками обменивались. Иногда писали весёлое, а чаще – такое сочиняли, что хоть красней, хоть бледней. У Маргариты Ивановны хранилась коллекция таких записок. Она, не утерпев, похвасталась:

– Была такая же золотая осень. Мы работали на яблоках. У барака, где жили, росла круглая клумба астр. Я как-то сорвала пять штук, а мне мальчик потом вручил листок со стихами. Такой же был длинный и ди-

кий, как Павлик Гусев. У вас-то мальчики есть, хотя бы из своего класса?

Девочки отвернулись, фыркнули насмешливо, переглянулись, явно не зная, отвечать им или не отвечать.

Лена Осокина, задира, сжала кулаки.

– Мы с ними в основном дерёмся, а как ещё отношения выяснять?

Оля Цветкова давно считала себя взрослой, а ребят своего класса – детьми.

– Мы со старшими дружим, они не такие бешеные, – проговорила она надменно.

– И не такие глупые, – поддержала подружку Анжела.

Маргарита Ивановна касалась рук девчонок и словно плыла в танце.

– Я вас не понимаю, мои принцессы, – говорила она томно, голосом феи, – моё окружение, которому я страстно завидую.

Света Травкина впрямь походила на осеннюю траву: бледная, тоненькая, с чёрными, огромными глазами, которые нередко грустили, но прятали тоску и печаль за шутки и весёлый смехок.

– Нам стоит завидовать, – весело прощebetала она, хотя глаза её замерли в тоске, – ведь у нас нет мужа, детей.

Впрямь стоит ли ей завидовать, ведь у неё, взрослой женщины, вроде всё получилось: и муж, и дети.

– Верно, – отвечала Маргарита Ивановна несколько смущённо. – Просто гляну на вас, вспомню свою глупую юность, как я жила каким-то выдуманым, полным фантазии миром. Представлялась волшебница, которая могла превратить меня в бабочку. Даже сон приснился: она предложила, а я растерялась, не смогла ответить, кем мне стать – голубяшкой или перламутровкой.

Перед девчонками пронеслась шумная стайка воробьёв, серыми яблоками облепили впереди растущую липу. Лена Осокина вздрогнула:

– А если воробей или ласточка догонит и клюк? – пробормотала она, тоже представляя себя бабочкой и не желая этого.

– К несчастью, такова участь романтиков, – развела руками учительница.

– Я сестре своей завидую, – то ли серьёзно, то ли продолжая игру, проговорила тоненьким голосом Света Травкина, – у неё, представляете, хороший слух, низкий голос, так она поёт.

Оля Цветкова, яркая и цветущая, соответственно своей фамилии, покосилась на худенькую Светлану с жалостью.

– Никому не завидую. Подумаешь, красота, подумаешь, богатство. У меня ещё и достоинство есть.

– А я завидую, – призналась вдруг Лена Осокина. – Знаете, наша Лиля Самсончик с кем дружит, какой у неё парень? Он её на восемь лет старше, лётчик. Мы его недавно в форме видели, класс.

Анжела Орлова усмехнулась и отвернулась, она никому не хочет завидовать, она хочет, чтобы завидовали ей, завидовали, какая она яркая и необыкновенная. Она сжала кулак в красной перчатке и стала смотреть на него, как на свое сердце. Вот оно у неё какое. Самый большой кулак был у Петьки Шмылина, в два раза больший, чем у неё, значит, у него самое большое сердце. В каждой форме своё содержание – кулак защитит, а сердце, если оно доброе, то...

Даже дыхание перехватило, ведь должна же в большом сердце найтись дверка, чтобы впустить её, Анжелу... если доброе, то впустит, обязательно впустит.

«Я тоже должна быть доброй, – подумала Анжела, решив про себя не обижать младшего брата, маму. – Я

буду кормить птичек и бездомных кошек, я буду обязательно подавать двум старушкам, которые побираются около Торгового центра».

Маргарита Ивановна разоткровенничалась. Она давно сделала для себя открытие: если хочешь, чтобы дети были с тобой откровенны, то будь с ними такой, какая есть.

– Я сама долго завидовала своей подруге, – призналась учительница, – за то, что у неё были красивые волосы – золотые волосы, льющиеся по спине. И так мучила меня зависть, что я, повторяю, в этом было что-то нездоровое, мечтала отрезать их у неё и выбросить на помойку.

Лена Осокина, недавно отрезавшая косу, по привычке теревит кончики коротких волос, выбившихся у неё из-под голубого берета.

– У новенькой тихони такие шикарные волосы, – напомнила она про Ладу.

– Я и ей завидую, – вздохнула учительница, – только теперь по-другому, я так рада за неё.

Завидовать никто из девочек не хотел, но все завидовали. Света Травкина отвечала от имени всей компании:

– Вы её со свежесмытой головой видели? Как Венера ботичеллиевская.

«Не зря, видимо, мне напомнили про Ладу Свёрлышкину, – подумала Маргарита Ивановна, останавливаясь. – Мне и домой надо, заждались, и, раз уж идём... случайно, а может быть и не случайно... я обязана проведать нашу новенькую».

Изящная, будто прозрачная, Света Травкина имела тонкую натуру, она словно прочитала мысли учительницы.

– Маргарита Ивановна, как же вы всё успеваете – и уроки, и тетради, и мы – испорченная саранча?

– Нас так на истории обозвали, – вставила молчавшая, словно кем-то обиженная Анжела Орлова.

Учительница махнула рукой в пространство, мол, разве можно объять необъятное:

– Ничего не успеваю. Всё думаю, когда-нибудь потом сделаю – пошью, повяжу. Муж хотя и ворчит, но иногда помогает. Мой малыш Максимка – максималист – тоже помогать пытается. Купила себе юбку в спешке, вроде слегка расклешённая, на резиновом поясе. Дома прочитала на бирочке – стирать нельзя, гладить нельзя, чистить нельзя. Померила, носить, ха-ха, оказалось, тоже нельзя. С досады спрятала её куда-то в комод и забыла. Прихожу вчера, Максимка мой трудится: нашёл мою знаменитую юбку, положил в таз с водой. Слышу, пытит, как ёжик. Что делаешь – целую его в мяконецкую и душистую макушечку, а он – мыло и стиляю. Стоит и хлопывает ладошкой по воде. А сейчас что делаешь, спрашиваю. Водичку ата-та, отвечает, она на меня прыгает.

Разговор вился тропинкой, разбежался вправо и влево, поворачивал то в одну, то в другую сторону. Говорили о зависти, теперь вот о маленьких детях. Случайно или интуитивно, но Маргарита Ивановна старалась и тут учить, учить и учить. Девочки только-только расстались с грёзами детства, оставили куклы, у многих из них растут младшие братья и сёстры.

– А у меня маму зовут Липой, – улыбаясь, тараторила Лена Осокина, словно голубой шар перекатываясь то вправо, то влево от классной руководительницы. – Она где-то имя вычитала жёлтое – Клёна, прямо как вот этот клён, у которого ребята вон ветку отломали. Мать хотела сестру младшую назвать – Клёна Осокина. Хорошо звучит, правда? Отец, мол, хватит с меня Липы, дубом ещё дитя назови!

Девчонки весело расхохотались.

Инна Севастьянова на ходу сорвала гроздь рябины и попыталась съесть пару ягод. Горечь перекосила ей рот, но глаза долговязой девчонки остались задорными.

– Отец начнёт петь моему брату, его Антоном зовут, песенку: «Антошка, Антошка, пойдём копать картошку», а дедушка бранится, мол, сам лентяй и сына называл ленивым именем.

На этот раз смеялись так звонко, что проходившие мимо люди оглядывались.

Маргарита Ивановна не отставала от девочек, всё, что делал её Максимка, ей казалось гениальным.

– Максимка вчера увидел в супе фасолинки и нежно так запел: «Фа, соль, ля, си, до». Тоненько, как синичка. А сегодня утром подходит со стаканом и говорит: «Ма, а сё кефильчик усохленький?»

Она махнула провожающим её девчонкам рукой.

– Счастливо, девочки. Оль, не забудь завтра прийти пораньше.

17. ВОЗЬМИТЕ МЁД И ПРЯНИКИ

Маргарита Ивановна быстро открыла сумочку, посмотрела в записной книжке нужный адрес: улица Победы, дом шесть, подъезд тоже шесть, квартира шестьдесят шесть, ах да, легко запомнить.

Кирпичный пятиэтажный дом с номером шесть на улице Победы ничем не отличался со стороны двора от целого ряда домов, следующих друг за другом. Не отличались и подъезды, разве что у шестого рос изогнутый вяз с уродливым наростом в полутора метрах от основания ствола. На выпуклом «флюсе» издали были видны два светлых круга, похожих на глаза. Учительница с любопытством прочитала вырезанную на

коре надпись «Илюха – змей» и даже фыркнула, мол, очень большой змей, этот Илюха.

Синяя дверь была распахнута, домофон неприятно пищал. Поднялась по обшарпанной лестнице и остановилась перед старой дверью. С улицы слышались шаги, кто-то поднимался по ступенькам. Маргарита Ивановна надавила на дверь, и та оказалась незакрытой. Маленький коридорчик был заставлен коробками так тесно, что, как говорится, повернуться негде. Тут же стояла разобранная детская кровать, громоздился шкаф, за ним был притулен велосипед. На стуле лежала чёрная большая книга.

За дверью слышался звонкий, истеричный голос:
– Ты почему его не прогнала?

Кричала Любовь Васильевна, мама Лады Свёрлышкиной. Её неприятный голос всё ещё сидел у Маргариты Ивановны «обидой в печёнках».

– У меня голова сильно болит, – отвечала ей дочь.

Учительница стояла, не раздеваясь: она с нарастающей тревогой слушала спор за дверью.

– Нет, ты его не прогнала! – настаивала мать. – Вот у тебя и болит голова. Он там! Там!

– Мамочка, нет там никого, – сколько отчаяния слышалось в голосе Лады.

– Он там, он же укусит, укусит и меня и тебя, а я и так больная! – с надрывом кричала мать. – Укусит, останешься одна, без отца, без матери... одна окажешься и никому, никомушечки не будешь нужна. Я же тебе человеческим языком сказала – в коридоре паук. Огромный, мохнатый паук, который хочет меня укусить. Я и Илюшке сказывала, а он запропастился куда-то и забыл.

Маргарита Ивановна почувствовала, как страх пауком начал залезать к ней под кофточку на спину. Она слышала за дверью частое дыханье загнанного человека, всё сильнее накаляющийся голос.

«Надо что-то делать, – приходила ей в голову мысль, – надо срочно что-то делать. Уйти не могу, нет, надо раздеться, разуться и решительно войти».

– Хны, хны, хны! – слышалось стенанье за дверью. – Ты за целую неделю не можешь его убить. Слышишь, слышишь, кто-то шуршит в прихожей. Это он, он, он!

– Илья пришёл, – пыталась успокоить маму Лада.

Хотя бы кто-нибудь из хозяев выглянул, увидел её и успокоился. Но дверь оставалась закрытой.

– Илюш, Илюш, убей гада! Я чувствую его, он там, на стене. Илюша, это ты?

Учительница молчала, не зная, что сказать, может впрямь повернуться и уйти, ведь она попала в неловкое положение.

«Просто человек пауков боится. И почему я так струсила? – рассердилась на себя Маргарита Ивановна. – Ведь я тоже мышей не переносу, хотя и биолог по специальности».

– Кто же там, кто? – слышался испуганный голос за дверью.

Почему Лада не догадывается выйти и посмотреть, успокоить больного человека? Ох, до чего же она бестолкова!

– Не знаю, откуда я знаю, мам, кто там? – отвечала капризно дочь.

Учительница, не раздеваясь, решительно открыла дверь и вошла – не съедят её, в конце концов. Она сделала вид, как будто ничего не слышала.

– Здравствуйте! К вам можно?

Мать, красная, с выпученными глазами, вскочила, страшно вскрикнула, отмахиваясь руками, затем осела на пол и начала отползать. Удивительно странно повела себя, ведь две недели назад она приходила в школу. Наверное, случилось обострение болезни.

На неприбранной кровати в рваной белой рубашке сидела девочка с золотыми волосами, округлив чёрные глаза и остолбенев от смущения, будто её застигли за чем-то очень гадким.

– Мамочка! – вскрикнула девочка.

Сейчас она показалась Маргарите Ивановне маленькой, испуганной и жалкой. Учительница инстинктом почувствовала, что она подсмотрела какую-то ужасную тайну. Её охватило смятение, ведь она Ладу не предупредила.

– Простите меня, – шмыгнула она по-детски, носом, – я... я иду мимо, думаю, надо проведать.

– Паук, меня укусил паук! – закричала из угла мать.

Учительница припала на колени и, обхватив девочку, попросила у неё прощения. Мать вдруг вскочила и, растопырив руки, стоная, побежала, опрокинув стул, прятаться на кухню.

– Мамочка, мама, это наша учительница, это хорошая учительница, ты её не бойся! – крикнула ей вслед девочка.

Учительница заплакала, не в силах найти носовой платочек, утиралась рубашкой Лады.

– Я классная руководительница вашей дочери, – говорила, всхлипывая, Маргарита Ивановна, – у вас очень добрая девочка.

На кухне никто не отвечал, потом послышался шорох, дрожащий голос спросил:

– Вы учительница, да? – голос заискивал. – Мне о вас Лада говорила. А мы вот болеем.

Надо о чём-то говорить, надо говорить обдуманно, ведь люди нездоровы, а она уже наломала дров, но учительница не смогла управлять своей волей и говорить обдуманно.

– Живёте в такой тесноте, – жалела Маргарита Ивановна мать и дочку, – боже мой! Тут же метров двенадцать, не больше. А где же брат спит?

Лада отстранилась, желая поскорее одеться.

– Он спит на раскладушке на кухне, мы привыкли, – утирая глаза, вздохнула девочка.

И тут, вместо того, чтобы успокоиться самой и успокоить Ладу и её маму, Маргарита Ивановна опять расплакалась: нервы сдали.

– Не бойтесь меня, – утирала она обильно текущие слёзы, – я не злой человек, поверьте.

На миг из кухни выглянула седая взлохмаченная голова, всего на миг мелькнул настороженный глаз.

– Я вас знаю, – по-детски, отчаянно говорила мама Лады, – вы... Марина... Николаевна.

– Да, я Маргарита Ивановна.

Опять из-за двери кухни мелькнула седая голова.

– Это вы в коридоре стояли, да? Я чувствовала – кто-то за дверью возится. Там у нас живёт пакость.

Учительница говорила с матерью осторожно, как с малым ребёнком.

– Дверь была не закрыта, – начала она оправдываться, – я вошла, разулась, тапочки искала.

Снова высунулась седая, всклокоченная голова, красные глаза посмотрели настороженно на учительницу.

– Ух, а мы перепугались как! Лада, дай Марине Ивановне тапочки. И стульчик, стульчик пододвинь.

Лада встала с кровати, чтобы выйти в коридор.

– Не надо, – остановила её Маргарита Ивановна, – лучше полежи. Вы не стесняйтесь, не обращайтесь на меня внимание. Это ерунда, такая ерунда, лапочка, поверь. И рубашку себе новую купишь, в кружевах, и лифчик, который пока тебе не нужен. Полежи, дай на твои волосы полюбоваться.

Из кухни осторожно вышла мать, тихонько приблизилась.

– А можно я подойду к вам? – спросила она учительницу. – Хочу подойти к вам и потрогать руку.

Маргарита Ивановна опустила глаза и кивнула.

– Мама тоже работала учительницей, а потом заболела, – сказала тихим голосом Лада.

Грузная женщина приблизилась, глядя на Маргариту Ивановну в упор.

– Я подошла к вам, – проговорила она как-то болезненно, будто загипнотизированная, глядя в глаза учительнице покрасневшими, видимо, от бессонницы глазами, – я хочу потрогать хорошую учительницу. Я ведь тоже учительницей была, я хорошей учительницей была.

Она стояла перед Маргаритой Ивановной, встряхивала поседелой головой, поводила безумными глазами, закусив губу и краснея пятнами на щеках.

Учительница попыталась улыбнуться, всхлипнула, чувствуя, что сейчас опять расплечется.

– Я самая обыкновенная, – пожала она плечами, – в школе таких большинство. Вы мне ещё цветы приносили.

– Простите нас за беспорядок, – оправдывалась хозяйка, словно её сейчас обязательно накажут. – Я всё болею, как отец наш погиб, так... с тех пор... со мной... творится.

Любовь Васильевна заглянула в шкаф, лихорадочно засуетилась:

– Я вам чаю хочу налить... хотя нет сахара... ничего, если без сахара? Сердцем, сердцем чувствую, вы хороший человек, вы с доброй душой.

Мать говорила, как малое дитя, слишком эмоционально, слишком несдержанно.

– Лада, ваша учительница добрая, и ты её слушайся. Илюшка у нас работает, Лада хочет в детский сад опре-

делиться после учёбы – воспитательницей. Что же вы стоите, Марина Ивановна?

А у той из головы вылетели все условности, которые она обязана выполнять как учительница. Она попятилась, чувствуя себя лишней в тесной комнате.

– Спасибо, ничего не нужно. Простите, – она поморщила лоб, – как вас по имени и отчеству, из головы вылетело?

Неправда, что простота хуже воровства, с людьми надо всегда говорить просто и понятно.

– А вы не знаете, – удивлённо развела руками родительница, – раньше весь посёлок знал, в районе гремела. Я Любовь Васильевна! Ах, да, я же не здесь работала... ну, это... не важно...

Лицо больной женщины передёрнулось, на щеках показались два красных пятна. Потом опять просияли глаза.

– Ох, забыла, у нас же прянички есть. Марина Ивановна, мы вас должны угостить.

Она распахнула холодильник, извлекла банку, на дне которой ещё что-то желтело.

– Это вам от меня, от учителя учителю, возьмите, дома скушаете.

В свою очередь застыдилась Маргарита Ивановна.

– А я к вам с пустыми руками пришла, – пробормотала она огорчённо, – я, право, не думала. Мы шли с девчонками, шутили, смеялись и про главное забыли. Я забыла, ведь грех стучаться в чужую дверь с пустыми руками.

Любовь Васильевна дико захохотала, даже в ладоши захлопала.

– Зашли и зашли, – закричала она весело. – Ладунька, к нам человек пришёл! – продолжала она хохотать, округляя глаза. – К нам какой человек пришёл! Ладунь,

вот ты и порозовела. Может, встанешь, а? Человек зашёл!

Учительница тоже рассмеялась, тоже говорила весело:

– Зашёл без стука, зашёл без спроса, напугал.

Смех оказался удивительно лечебным, он всех успокоил. Гостя присела к столу, а хозяйшкИ захлопотали, желая попотчевать.

– А что вы преподаёте моей Ладушке? – спросила Любовь Васильевна, тяжело топя ногами за спиной учительницы.

Девочка, надев зелёное платье, вышла на кухню поставить чайник.

– Мам, я же говорила, – высунулась она из двери, – анатомию человека.

– А-а-а, – отвечала мать, не понимая, – это серьёзно. Хотя, что может быть серьёзного у детей? Они, дети, неслушные... неслушные, правда... у меня была Андреева, хоть хвостик пришей, такая упрямец!

Она говорила, а сама накрывала на стол: достала тарелку, насыпала туда пряники, рядом поставила железную баночку с заваркой, чашку.

Маргарите Ивановне было неловко, но она старалась держаться свободно, а потому не говорила, а пела:

– Андреева, – повторила она, как припев, – Андреева, хм... тут, мама, знаете, целый класс Андреевых, целая школа Андреевых, потому и вывешиваем Андреевский флаг... Зато весело!

Любовь Васильевна была учительницей старой закалки, придерживалась давних традиций.

– Раньше в ежовых рукавицах держали, – напомнила она слова, которые постоянно повторяла мать Маргариты Ивановны, недовольная тем, что показывали по телевизору и говорили по радио. – Я свою дочь в строгости воспитываю!

Краем глаза учительница увидела, как Любовь Васильевна поправила воротничок у платья, затем пригладила седые волосы.

– Скажите, я уже оплошала, старой выгляжу? – спросила она капризно.

Маргарита Ивановна не поняла:

– Что вы, не волнуйтесь, не думайте об этом!

– Вы меня мамой назвали, а я же ненамного старше вас. Просто мой муж погиб.

Ах, вон оно что, её не так поняли.

– Я вас мамой Лады назвала, а не своей, простите, – отвечает она быстро, вставая, – я пойду, мне пора в садик, ребёнка забрать.

В этот момент Лада вынесла горячий чайник. Маргарита Ивановна опять села за стол, но попросила, чтобы поставили ещё две чашки.

– У вас мальчик или девочка? – продолжила светскую беседу мама Лады.

О своём ребёнке любая мама может говорить сколько угодно.

– Максимка, – с любовью отвечала учительница, – вчера из садика выходим, я в сапогах, каблуки тук-тук – стучат. Малыш послушал и говорит: «Мам, купи мне каменные сапожки, чтобы они тоже гремели».

Лада залилась звонким смехом, таким звонким, что и мама, и учительница посмотрели на неё с удивлением. Мама Лады прикрыла на мгновение глаза.

– Мой Илюшечка такой хорошенький был, такой щебетунчик, – сказала она нежно, с надрывом. – Мы с мужем тетрадку вели, не успевали записывать то, что он изрекал. Так смешно... а сейчас я ничего не помню, ничегошеньки... тетрадку тоже потеряла. А Ладу я на Украине, в Мелитополе родила. Мы же военные, вот мужа туда и перевели. В самую жару, на бахче слу-

чилось. Днём, среди арбузов, мой переспелый арбуз вдруг лопнул... а там девочка!

Маргарита Ивановна азартно, словно она кошечка, высунула язык в чашку свежесваренного чая, ей стало горячо-горячо, а потому и заговорила она горячо:

– Дюймовочка – из цветка тюльпана, а Лада – из арбуза! – прихлопнула она в ладоши, тоже чувствуя себя маленькой шалуницей.

Она повернулась к смущённой девочке, нашла её рукой и притянула к себе, громко декламируя:

*– Осень арбузною горкой лежала,
У ног твоих горкой пёстрой и грузной.
Алел на изломе ломтик арбузный...*

Стихотворение натолкнуло Маргариту Ивановну на отличную мысль:

– Ладе нужно... я знаю, что ей надо... я знаю, что тебе надо! – всё сильнее воодушевлялась она. – Завтра будешь здорова!

Лада грустно отвернулась.

– Нет, вы не знаете.

Маргарита Ивановна потеряла золотистые волосы, чувствуя, что тут дело не только в том, что Лада болеет.

– Ладушка, деточка, – шевелились её пальцы, – Ладошка, белая, что-то случилось, да?

– Да, – тихо отвечала девочка, – маму опять кладут в больницу.

Маргарита Ивановна вздохнула, но ведь ненадолго.

– Какая жалость. Ну, ничего. Будешь ходить, проведывать.

– Нет, – прошептала Лада, – её опять увезут... далеко. Её увезут в... Орловку.

Ерунда! Учительница попыталась улыбнуться, но получилось кисло, да и чему тут улыбаться. Она помрачнела, встала из-за стола.

– Не томись, – обратилась к девочке, – мама письмо напишет, только, – спохватилась, – об этом никому нельзя говорить. Девочки ещё глупые, могут не понять и обидеть. Я обещаю хранить тайну.

Нет, она не сказала этого, она хотела сказать, так хотела, что её молчание, наверное, поняли.

– Спасибо, что пришли, – вышла в коридор, желая проводить, Лада.

Мать тоже вышла в коридор, в руке она держала тарелку.

– Уходите, а пряники?

Не желая обижать гостеприимных хозяев, учительница взяла гостинец.

– Возьму два, Максимка будет так рад. Спасибо, больше не нужно, можно я ещё приду?

Любовь Васильевна вышла на миг, через мгновение появилась вновь, протянула банку.

– И мёд вам, если не брезгаете. Я знаю, в школе тяжело, и вам надо мёд кушать.

Это уж было слишком, Маргарита Ивановна поставила мёд на стул.

– Ладе оставьте.

– У нас ещё непочатая банка есть... вот... больше угостить нечем, не обижайтесь.

Такие слова обезоруживали: учительница взяла баночку и прижала к груди.

– Спасибо! Здоровья вам, Любовь Васильевна.

– Мы выздоровеем, – кивнула на прощание больная женщина, – выздоровеем. Спасибо, что пришли, до свидания, вот... перчатка ваша упала, – долго её нюхает, – душистая... извините, хи-хи, я осмелела с вами, а то ведь в коридор выходить боюсь.

Учительница шла потрясённая. Споткнувшись, она едва не упала со ступенек, но не обратила на это внимание. Как не заметила двух проходивших мимо мужчин.

«Больная, сумасшедшая... муж погиб, и она тронулась. У неё же... эта, как её... вертелось в голове, а не вспомню... фобия... человекобоязнь. Глаза безумные, волосы всклокоченные, сама вся напряжённая, нервная, – мысли о Ладе не давали учительнице покоя. – Вон как ты живёшь, Лада, – военная и школьная дочь. И в школе для тебя сумасшедший дом, и дома. Тихоня, всё внутри прячешь».

У Маргариты Ивановны было желание взять и встряхнуть дом, встряхнуть двор, чтобы груши посыпались. Однако она понимала, что ничего тут поделаться нельзя, понимала и не хотела понимать, знала, но не хотела верить.

На улице, на свежем воздухе успокоилась, посмотрела на часы.

– Ой, уже половина шестого. Бежать! Максим обрелся. Анатолий, наверное, опять на меня понадеялся. Он не Птичкин, тот бы догадался забрать ребёнка, а этому не дано.

18. ПИШУ ИЗ БОЛЬНИЦЫ

Те, кто болеют хронически, знают о том, что по весне и осенью, как правило, случаются обострения. И вот в ноябре, во время затяжных холодных дождей, мать Лады вновь оказалась в Орловке.

Белое здание орловского неврологического диспансера пряталось в жёлто-коричневом саду. В одной из комнат для обслуживающего персонала за старым столиком сидела Любовь Васильевна в тёмно-лиловом больничном халате. Она склонилась над листком бумаги, рука спешно выводила нетерпеливые линии строк:

«Пишу опять из больницы. Спасибо няне Соне – помогает. У меня деньги оказались случайно в том кар-

машке, который я пришила к рубашке. Не ты ли их положила или Илюшка? Няня и конверт купила, и ручку дала. Тут тетрадка чья-то валялась с молитвами, я несколько листочков вырвала.

Пишу и плачу, увезли птицу от гнезда своего, от деток. Плачу об вас, но лечиться надо. Оплела злая паучиха всю семью сетями...»

Видения мучили Любовь Васильевну, на душе было тяжело. В небольшой, похожей на каморку, комнатке горел яркий свет, но и он не спасал больную женщину, которая пришла сюда, чтобы написать родным ещё письмо.

– А-а-а-а! Мне плохо, мне очень плохо! Спасите, люди добрые! Паучиха меня душит, паучиха злобная, – пальцы рванули на груди пуговицы халата, она долго сидела, опустив голову на стол, потом вздрогнула, заговорила с надрывом. – Дочка, доченька моя, ждѣшь, а я тут вылѣживаюсь, я совсем про вас с Илюшей забыла. Я сейчас вам, детки, прежнее письмо, всё, как есть, прочитаю. Я посылала вам его, только письмо моѣ не дошло, вернулось обратно...

Она встала, стараясь успокоиться, сгребла листки и начала перечитывать сначала:

«Ходила по стене, беседовала с мухами, мушки добрые, мушки лёгкие, помогите мне, принесите весточку про мою семью на крылышках.

Мухи жаловались на злого паука в тѣмном углу. У одной он недавно съел сестру, оплѣл паутиной и съел. Мохнатый, чѣрный, всё время копошится, а глаза за мной следят, когда я по стене бегаю, дверь ищу.

Руки у меня сильно потеют, ногти выросли, а под ними грязь. Мухи по рукам ползают, меня жалеют, а мне щекотно. Начинаю хохотать, а женщины в палате ругаются. Чего ругаться, я ведь с мухами разговариваю.

Вышла прогуляться по лунной стороне – по коврику. Я раньше не додумывалась, зачем это Луна каждую ночь на одно и то же место коврик вешает. Цветом коврик бледно-жёлтый, яркий. Прежде я любила яркие цвета, обожала вышивать красным по жёлтому фону. Когда Луна вывешивает коврик, я не сплю, я всё вижу, вижу, как она хлопочет. Сверху-то вроде круглая, как желток, но мне по ней всё видно: и горя, и радости. Ты плохо питаться стала, и я вижу. Коврик на стене одуванчиковым был, весёлым, а теперь побледнел, побледнел и зачах.

По этой ткани я тайком вышиваю. Пальцы гвоздём колю и вывожу красным по жёлтому гладью. Сначала имя твоё и Илюшино вышила, а потом на стенку забралась и, не знаю, как получилось, глаза нарисовала, получились большими и внимательными, нос – твёрдый Илюшин нос, у тебя-то мой – горбинка сверху, родинка та же, справа, а тут крепкий нос, широкий, отца твоего покойного нос. Ты отца-то не помнишь, а он, бедняга, как про нас жалковал, как заботился.

И губы я его вышила, губы вышли красными, жаровыми.

Господи, глаза вдруг морг, морг и заплакали.

«Что же ты, Люб, меня на прощанье не поцеловала? – губы скривились, – сейчас хоть поцелуй». А я ему отвечаю, мол, я знаю, грех на мне, но я тогда без памяти была, как обмерла.

Больше ничего не помню, упала с ковра, сильно ушиблась головой. Как болит, ух как болит! Паук, гадина, укусил, в живот тяпнул, туда, где пупок. Подбежал и хватанул. Красный желвак, размером с кулак, в том месте вырос. Врач укол прописал успокоительный, а я чуть не померла с него, таким болючим оказался.

Тараканы у вас не объявились? У нас и по продуктам бегают, и по стенам лазят усатые черти. Приляжешь

отдохнуть, а они и на руки, и на ноги могут забраться. Вчера один с потолка мне на голову упал, я думала – паук и сильно вытаращилась, то есть перепугалась.

Ешь лучше, денег не жалея. Уроки, смотри, не пропускай. Не говори никому, что я в больнице. Видно моя участь такая – за отца кориться.

На той неделе явился ко мне Иван, отец твой, только без кудрей, к чему, не знаю. Взял меня рукой за крест и начал дёргать: дёрг, дёрг, оторвать хочет.

– Как я без Бога? – его спросила.

– Зачем тебе без меня Бог? – ответил. – Поживи без него, хоть для себя, хоть вволю. Потом сюда придёшь, на стену, я тебе твой крестик отдам.

Лада, за Ильёй ухаживай, он рабочий человек, ты ему стирай, а то станет ходить грязным, стыдоба до глаз. Пьяным явится, будь осторожнее, ты уже в девятом классе, как бы чего не натворил. На всякий случай, когда спать ложишься – дверь на запорку.

Если продукты не на что купить, займи сотни три-четыре у тёти Насти, скажи, потом мать отдаст. В школьной столовой питайся и, главное, учись. Женихи не нужны, а то привяжутся, не отвадишь. Начнут приставать, Илье скажи или в школе учительнице пожалуйся.

У нас тут Маша есть, она немного с чудишкой. Вчера ножницами изрезала себе платье – кроила дочке обнову на осень. А дочки-то у неё нет – сгорела. Намедни обстриглась наголо, обкромсалась так, что страшно глядеть, ухо в кровь порезала. Ходит и всем показывает. Это, говорит, у меня пожаром височки подпалило. Дочка у неё сгорела по-глупому: пока она с мужем у знакомых Новый год справляла.

Лечат нас хорошо, кормят нас тут тоже хорошо. Одевают неплохо, не в новое, зато в тёплое. В палате свежо, не сказать, чтобы жарко. Продукты иногда под-

воровывают, ну, те, которые родные привозят, да по ночам, случается, кричат сильно.

Бабка Катюшка часто плачет – горюет. Слепла и стала не нужна. Родные, а она сёстрам деньги отдавала, детей их выкаивала, в дом престарелых не повезли, побоялись, что ли, мол, соседи корить будут, слух пустили по селу, а они боёвские, вроде бы с головой у неё не в порядке, мол, от нервов слепнуть стала. Врачам приплатили, скорую помощь наняли и, честь по чести, в Орловку отвезли.

Недавно из Масловки племянник на «Волге» приехал и сестёр из Боёва привозил. Конфет шоколадных, две котелки колбасы, апельсинов килограмма три приволок. Катюша нас этими гостинцами обкормила, Божий она человек. Я так налопалась, что животом потом страдала. Вот ведь люди живут, чего себе позволяют – одних конфет килограмма на полтора, повторяю. Взяли бы старушку с собой, что им стоило?

Накричались мы, нажалковались на неё, да что делать?

Родню пропустили в больницу. В палату, глядим, вошли. Мужчина, красный такой на лицо, большой куль в руках держит, улыбается.

– Здорово, баб Кать, здорово. Это же я, Васька, да, внучок, я это – Василёк-босоножка. Всё на Пажу до тебя убегал босичком.

Здоровенный мальнина вырос, вдвое больше, чем его бабушка. Катюша растерялась, платок быстро-быстро перебирает пальцами, будто щупает.

– Как там дом-то, в бурьяне зарос? – спрашивает.

– Всё в порядке, – браво отвечает внук, а может племянник, – всё в порядке.

Сказал так и подошёл, гостинец передать. Сёстры строгие, в чёрном одеянии, как монашки, стоят, губы поджали. Палату оглядели, честь по чести, позавидовали.

– Хорошо тут тебе, Катюх, сразу видно, – прогундосила старшая.

– Ага, – соглашается сестра, – и вправдисть.

И старшая сестра с крестом, и младшая с крестом: нам и у той, и у той синие тесёмки видно.

– И народ круголя расхороший.

– Ага, – соглашается, – народ хороший.

– И кормят хорошо.

– Не жалуемся, Бог пичкает.

– Подлечивают?

– Тьфу-тьфу, не болею, покелива, Господь милует.

Разрумянилась бабка Катя, похорошела, лицо добрым-добрым сделалось, скорбные морщинки вокруг рта распрямились. Будто правда свет Божий увидела. Начала нас обходить, в руки тыкаться, будто бы прощаться, гостинцы всем раздаёт.

– Касатушки, – шепчет, улыбается, – храни вас Бог!

Куль большой, но и нас, ртов, сколько, всех терпеливо баба Катя обходит, и нас благодарит, и Бога за то, что смилостивился.

Васька улыбается, рад, что бабушку проведал, младшая сестра рот округлила, на кулёк глядит и головой качает. А старшая стоит столбом оловянным, как Матрёна Ивановна аршин проглотила.

– Мы гостинец привезли, чтобы ты ела, – говорит, как пилит, – а ты раздаёшь.

– Пускай едят, меня помнят, нехай, – Катюша улыбнулась, – мне зачем, я домой еду. Домой – в родимое Боево. У меня там домок и тепёл, и справен. Там я буду никому не в тягость.

Чудачка, она и не знала, что её дом уже продали. Сёстры замерли, лица из умильных злыми сделались, а Васька стал опять красным, застыдился.

– Как же ты едешь, – говорит резко старшая сестра, – когда тебе лечиться и лечиться надо!

– От чего лечиться? – не поняла Катюша.

– Как от чего? – ещё пуще разозлилась старшая сестра. – От нервов.

– Вы разве не за мной приехали? – слепая пустыми глазами морг, морг. – Вася, ты разве меня отсюда не заберёшь?

Обе сестры дружно отрубил, как в колокол бухнули – нет!

Мешок с гостинцами на пол хлоп, целлофан лопнул, конфеты цветным ручьём потекли, а апельсины оранжевыми шарами к нам под ноги укатились.

– Что же ты как косорукая! – заругалась старшая сестра. – Собирали, покупали, везли тебе, как человеку.

– Куды ж тебя брать, куды? – укорила младшая. – Ты слепая, всё роняешь.

Ой, как бросилась им баба Катя в ножки, крикмя кричит, ползает, внуку здоровенные ботинки слезами мочит.

– Ничего мне не надо, – стонет, – возьмите конхветки назад, возьмите колбасу, денег вон тыщу заберите, только отвезите меня домой. На хлебе буду жить, в своей церкви Бога за вас молить, а в тягость не буду, куска не попрошу. Ой, не оставляйте на чужбине, я же скоро помру. Дайте на родной сторонке, на родном погосте у родителей побывать. Заберите, Христа ради, отселя!

Не взяли, дьяволы, не нужна! Молю Бога за неё безгрешную, за вас, чтобы такими чёрствыми не были, это же погибель людская. Вы меня не бросите, вы меня тут не оставите? Я знаю, вы так не поступите, я думаю про вас – кормильцев, и на душе легчает.

Машу, что ножницами сама себя остригла, хватил припадок. Она долго билась, визжала, изо рта пена шла. Глаза, как раки, красные сделались. Бабы говорят, что ей сделано по злему наговору, – напасти такое.

Опять отец наш ко мне приходил, губами шевелил, что-то хотел сказать, но я не разобрала.

Боюсь я за тебя, дочка, ох, боюсь, как бы с тобой чего не случилось. С пути сбиться легко и в Орловку попасть легко, но потом как жить? Смотри, никому не рассказывай, где я. А то начнут смеяться. Такое со всяким может случиться, не я тут одна такая, но на всякий случай молчи.

Скажи Илье, пока я лечусь, пусть компании не водит, небось с девками чётр те что делают, а ты смотришь? Узнаю, совсем с ума сойду. Запиши от них и уроками занимайся.

Оказывается, Маша наша – эпилептик. Нынче опять припадок был. Я после неё успокоительные таблетки горстями пью, не лечение, а ужас!

Вот и всё письмо, детки мои золотые. Ничего, лечусь, а потому скоро увидимся. Люблю вас и крепко целую...

Ваша мама...»

Больная посидела, бездумно глядя на стену, но, не видя её, пытаясь сосредоточиться, представить своего сына и дочь, но вместо своей квартиры увидела только тёмно-вишнёвые клубящиеся тучи, которые страшно шевелились... Мохнатые, тёмные тучи напоздали на её детей. Она знала, откуда они взялись...

Дрожащая, напряжённая рука опять схватила ручку, вздрагивая, застрочила крупные и неровные буквы...

«...Ничего не могу с собой поделать, мать Нины Весельевой – злая паучиха, а её дочь, паучишка, дружит с тобой, с молодой мушкой. Паучиха следит, завидует и готовит сети, нас залавливают. Но я теперь не муха, я вылечилась. Я хотя и мучаюсь от головной боли, но теперь я снова человеком себя чувствую. Ладочка моя, напишу тебе правду. Нехорошими людьми оказались Весельевы. Отсядь от этой девочки подальше. Я из-за

её матери сюда попала; она на почте работает, письма сортирует. Так вот, письмо, которое я тебе написала, она вскрыла. Пригласила других работниц и стала читать, насмехаться. Ты понимаешь, дочь, как она нас унизила?..»

19. САМОЕ СОКРОВЕННОЕ НАДО ГЛУБОКО ПРЯТАТЬ

Любовь Васильевна взвизгнула и отшвырнула ручку, словно та была раскалённой и сильно обожгла ей пальцы, она была перевозбуждена, а потому начала биться головой об стол, об написанные листки.

– За что, за что она меня кусает, что я Весельевой сделала? Да, я просила учительницу отсадить мою дочь, но я просила после... ПОСЛЕ ТОГО, КАК ОНА ПРОЧИТАЛА МОЁ ПИСЬМО!

Больная женщина задохнулась, ей сделалось плохо.

– Я должна вырвать дочь из сетей. В этих сетях и учительница, и класс, и даже директор. Всюду сети! Как же они этого не видят?

Любовь Васильевна начала метаться, истерично рыдать:

– Она меня обидела, высмеяла, унизила... Я не хочу, чтобы Весельева общалась с моей дочерью, я просто в бешенстве!

Несчастную начал забирать приступ истерики, заколотила дрожь.

– Я расскажу, – затопала ногами, – расскажу всем в школе, в газету обращусь, мне Валентина подробно расписала, как Весельева читала на почте моё письмо, как потешалась надо мной, больной женщиной.

Любовь Васильевна заметалась, отбросив стул, закричала, завизжала, катаясь по полу.

Вбежала рослая и сильная няня Соня, следом за ней в белом халате с аптечкой под мышкой медсестра. Няня привычно поймала руки бьющейся в истерике женщины, обвила их вокруг туловища.

– Люба, Люба, нельзя тебе волноваться, никак нельзя.

Медсестра быстро приготовила шприц и сделала укол. Няня Соня гладила дрожащие руки, успокаивая.

– Нет, я не такая, – прошептала больная женщина, – я не могу мстить.

– И не мсти, прости лучше, – успокаивала няня. – Простишь, к Богу будешь ближе, простишь и успокоишься, а успокоишься и поспишь. Письмо я к тебе в карман спрячу. Вот и всё, вот и всё.

Няня Соня уложила бедную женщину на диван, перекрестила её, потом расставила стулья и ушла. Любовь Васильевна успокоилась и, свернувшись калачиком, заснула. Вот перед ней появился муж. Он был ещё молод и красив, с грустью смотрел на супругу. Она тоже увидела мужа, удивилась и очень обрадовалась ему.

– Иван ты мой, Иванушка, живой! Что ты так печально глядишь на меня? Я старая стала, да, седая, да?

Муж улыбнулся, кудрями тряхнул:

– Любуюсь тобой, Люба моя. Ты звала меня, я пришёл.

Ой, как же хотелось обнять Ванюшу, прижаться к его груди, закрыть глаза и забыть про все ужасы её непутёвой жизни!

– Дочка вся в тебя, Иван, душа – девочка. Илюшка совсем повзрослел. Как они там сейчас?

Иван успокаивающе приложил палец к губам.

– Я только-только от них, не беспокойся. Илья компанию оставил, а Лада с подружкой вышиванием занялись.

Любовь Васильевна и плакала, и смеялась одновременно, спала и не спала тоже одновременно, бывает такая вот раздвоенность.

– Не плачь, знаю, чем ты мучаешься, знаю я про письмо твоё. Терпи, Люба, и не говори никому. Эта женщина с почты тебе завидует, но её дочь ни в чём не виновата, понимаешь?

– Да, Вань, но!

– Мы же не разлучились, а почему?

– Грех, Вань.

– Вот и детей разлучать грех.

– Но она, её мать, сети плетёт.

– Мне хорошо видны отсюда сети, которые плетутся, но ты не бойся, тут есть такие ножницы, которые срежут паутину. Наша дочь останется свободной и обретёт крылья, прощай!

Иван медленно подошёл к иконе Николая Чудотворца, которая висела в углу комнаты, и словно растворился в ней. Как же ей не хотелось расставаться!

– Вань, ты куда, Ваня, не уходи!

Она вдруг словно очнулась, увидела мир таким, каков он есть.

– О, Господи! Сон как наяву. А где прежнее письмо?

Она достала из кармана согнутый конверт, открыла его...

– Долгожданное письмо от мамы, дойдёт ли? – пальцы поспешно извлекли и разорвали мятые листки. – Иван прав. Зачем ссорить детей, зачем разъединять? Да и не стоит самое сокровенное писать. Сокровенные тайны надо глубоко прятать, иначе впрямь сочтут за сумасшедшую.

20. ВСЕ МЫ НЕМНОЖКО СУМАСШЕДШИЕ

Ноябрьское утро пролилось холодным промозглым дождём.

Маргарита Ивановна встала спозаранок, надо спешить на работу и... увидела на столе небрежно вырванный листок, на котором темнели неровные строчки, украшенные завитушками, будто вензелями. Дурная привычка – просыпаться в полночь, чтобы написать очередные осенние стихи. Она заглянула в листок, схватила карандаш и стала их править.

*Две синицы свищут-манят
В жёлтый лес, в овраг, в туман.
Холодки там всех румянят,
С ними пляшет рыжий Пан.
Зазывалою проказник –
Фью – играет трепака,
Расшумелся, как на праздник,
У хмельного кабака.
Раскраснелась рябина –
Пан играет на свирели.
Серебрится паутина,
Зеленеют сёстры-ели.
Бересклет вон на продажу,
Бусы вывесил в кружок.
Мышка приценилась важно:
«Ой, возьму себе пяток!»
Ушки круглые трепещут,
Слышат, как берёзке клён
Шлёт и шлёт золотые письма,
Объясняясь, что влюблён.
Ветер ревностный сердито
Рвёт на клочья облака.
Рыжий Пан в овраг свалился,*

*Здорово намял бока.
Что ж, умаявшись порядком
И свирель отбросив прочь,
В город наш придя украдкой,
Плакал рыжий Пан всю ночь.*

Рыжий Пан олицетворял осень, поэтому он ей и тогда, ещё в конце сентября, и приснился? Сердце сжала тревога. Ей отчётливо вспомнился козлоногий и рогатый ночной гость, с горящими сумасшедшими, правда, не голубыми, а карими, очень выразительными глазами. Гость долго и порывисто стучался в окно (хотя она жила на пятом этаже), потом стоял у кровати, рыдал и уверял, что он – женщина, что болеет, а потому просит позаботиться о её детях. «А я тогда, – попыталась вспомнить учительница, – испугалась? Что отвечала я? – сердце опять забилося. – Какой тревожный сон! До сих пор так ярко помнится... о каких детях?.. Господи, неужели это был вещий сон или как говорят: сон в руку?.. ко мне во сне приходила... в виде рыжего Пана... родительница новенькой. Да-да, выходит, так...»

Она вспомнила, как в детстве её, пятиклассницу Риту, отец привёл в Третьяковку, где девочка впервые увидела картину Михаила Врубеля «Пан». На ней был изображён седой, сумасшедший старик с пронзительными глазами цвета неба. «Видишь, – стал объяснять отец, большой любитель живописи, – божество древнегреческой мифологии изображено на фоне русского пейзажа – наших берёз, лугов, речки, леса. Посмотри, Пан больше напоминает лешего из русских сказок: косматый, морщинистый, с бездонными синими озёрами глаз, узловатыми пальцами-сучьями, он как будто появился из вывороченного корня...»

Дочь неотрывно глядела в пронзительные глаза старика. Ясные голубые глаза блестели в сумраке и

были... умильными. «Как же так? – удивлялась девочка. – А я думала, что с ума сходят от злости». И вдруг она поняла, почему у дедушки на картине глаза были добрыми... ведь они походили на голубые папины глаза... вернее... добрые папины глаза походили на те, что следили за ней с картины. Но отец был молодым, русоволосым.

– Па, – звонко спросила Рита, заставив стоявших поблизости людей обернуться, – а ты знаешь, какого цвета волосы были у этого дедушки, когда он был молодым?

Отец обескураженно умолк, поджал губы. Затем приподнял брови и посмотрел лукаво. Отвечал искренне:

– Не знаю, возможно, тёмными или вот такими, как у меня.

– Нет, – категорично сказала тогда Рита, – он был рыжим.

– Почему? – удивился отец.

– Потому что он похож на осень!

Девочка не хотела, чтобы её самый лучший на свете папа в будущем выглядел костлявым сумасшедшим стариком, да ещё с рожками.

Маргарита Ивановна перечитала стих ещё раз и, довольная удачей, хмыкнула: «Все мы немножко сумасшедшие, все мы – тайна за семью замками, все мы ещё те Паны и Панночки со своими свирелями. Ну-у... я вот, например, не могу признаться своим подопечным в том, что все стихи, которые им читаю вслух, ссылаюсь на бывших ухажёров, пишу сама. Хм... хорошо, что этот стих напомнил о главном: обязательно сегодня куплю арбуз и навещу Ладу. Мы вместе напечём олады!

ЕСТЬ ЛИ НА СВЕТЕ НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ?

РАССКАЗ

Почему-то хочется пооткровенничать. Теребишь шелковистую чёлку, щиплешь мякотькие уши, радуешься, боишься, но свернуть в сторону не можешь. Так и исповедуешься стене, а то и тополю; обрушиваешься на молчаливо помахивающую хвостом собаку или плачешь перед греющей колени кошкой.

Сколько вокруг слушателей, которые не обсмеют твоих внезапных и бурных слёз, несвязных объяснений и признаний, не предадут.

Вот нетронутый листок, он свеж и пахуч, как последний жёлтый трепышок уходящей осени. Он маняще таинственен и открыт.

«Он чист, и я чиста, – думает с тоской душа, – с кем ещё поделиться, как не с ним?»

Бумага скажет то, что от неё ждёшь. Напиши большими буквами: «Он любит меня!», и лист буквально закричит тебе в ухо: «Девочка, драгоценная, твой мальчик тебя любит!»

Такое никому из подруг не поведаешь. Разве можно признаться Ритке или Лильке? Да если Маринка узнает... ужас! Нет, в школе никому нельзя говорить, даже закадычной подружке Алёне, она тогда все силы приложит, чтобы всё испортить. Тем более она сидит с ним. Сидит, чирикает себе, а потом рассказывает, как перекачивает контрольные, как заставляет учебники носить. Любит Алёна похвастаться, повернётся спиной, показывая худой белый рюкзачок, мол, видишь игрушечку, убедись, что там пусто. А почему?.. У нас ромен-роман, то бишь любовные игры.

...Наберусь смелости, подойду к Алёшке, схвачу крепко за руку и уведу. Убежим от Ленки подальше, чтобы она никогда нас не нашла.

Вчера тронула стул, на котором сидел Алёшка, а он такой горячий, прямо обжёт. Алёшка увидел и спрашивает:

– Зачем мой стул вогуешь?

Почему самое обыкновенное, то, что обычно не замечаешь, внезапно становится ярким, словно солнцем озарённым? Я вдруг увидела Алёшины пальцы, которые выплясывали обалденный танец... Крышка стола на миг превратилась в зелёную лужайку, пальцы – в маленьких весёленьких человечков, а их хозяин – в огромного великана.

– Ты зачем мой стул вогуешь? – опять спрашивает Алёша.

Мне смешно стало, как он глазищами повёл, как засмеялся чуть с хрипотцой, а чёрные брови насупил и боком ко мне повернулся, будто бабка старая приготовилась слушать.

– Никогда не знала, что ты картавишь, – говорю, а сама вдруг глаз не могу поднять, вижу только огромные коричневые ботинки со сбитыми носками.

И когда мы выросли? Ведь вместе в Алиотовский 12-й садик ходили, вместе во дворе росли. Сколько задирала его, маленького, вечно сердитого фыркающего ёжика.

– Не кагтавлю, а грассиргую, – подмигивает весёлая смуглая рожица. – Валентина Васильевна, англичанка, говорит, что у меня настоящее английское «РГ» Ол Райт!.. Приходи, Тай, сегодня в зал на бассик, со второй школой игра...

Чувствую, смотрит, чувствую, улыбается. Зубы у него белые-белые, белее любого снега, белее самого высокого потолка в церкви, белее даже вот этого лощёного листа. Над губой пробиваются смешные усики, а голос, скорее голосище, как басистый гаяй – гудит, будто я с дьяконом говорю.

Алёшка просит, а я уже Ленке отказала. Что делать? Сижу вот и не знаю – идти или не идти? Время поджидает, а сочинение ещё не написано.

Ну, не знаю я, есть она – настоящая любовь или нет? Не знаю, ничего я не знаю!.. Интересно, а я ему нравлюсь? Может, мне тоже подстричься под панка, как Ленка, намазаться – похлеще Марины, или юбку укоротить сантиметров на двадцать, как сделала Наталья?.. Шестьдесят минус... Будет как раз сорок... Что же делать? Что? Опять реветь?.. Ну вот, весь лист залила... Значит так, никуда я не пойду, и... писать такое глупое сочинение не буду!

Прости, мой листочек, что замарала тебя своими откровениями и слезами. Прости, дружок. Ты умеешь хранить тайну, и никто, никто не узнает, кого я люблю. Да, я люблю тебя, Алёша! Но ты никогда не догадаешься об этом. Любовь до гроба, дураки мы оба.

Семиклассника Бурундука, прозванного так то ли за вечное дёрганье и сквернословье на уроках, то ли за пухлые и обвислые щёчки, будто во рту пряталось по ореху и справа и слева, преследовал настойчивый Хорёк из 10-го «В». Бурундук был юрким, потому и прозывался Юркой; он изо всех сил рвал когти по шаткому мостку, но Хорёк, здоровенный, рычащий злыдень, настигал жертву. И это было неотвратимо. Вот Юрка вильнул было в сторону, но жёсткая лапа схватила его за шиворот.

– Не надо, Лёха! – заорал бедняга и в ту же секунду взлетел в воздух и через перила плюхнулся в камыши, в воду.

Шлёпнулся на живот, забрызгав себя с головы до ног.

– Хорёк вонючий! – задыхаясь, выкрикнул мальчишка, вскакивая на ноги.

– Придётся ещё лечить, – белозубо улыбнулся Лёха, – А пока отмокай!

Кого язык доводит до Киева, а кого до ста тридцати пяти несчастий. Всё дело в том, что Юрка из 7-го «Б» болел соответственно за команду баскетболистов из 10-го «Б», а потому неделю назад он беспощадно линчевал соперников из 10-го «В». Прокатывался так, что пацаны вокруг животики понадрывали. При этом Юрка сам почему-то верил в то, что сочинял, а потому тоже хохотал так, что тряслись его пухлые обвислые щёчки. Он так разошёлся, что легкомысленно крикнул Ленке-дылде, подружке сестры, крикнул, да ещё язык показал.

– Твой Хорёк кур в холодильнике стерёг. Сорок штук сожрал, вот в баскетбольчик и проиграл!.. БВА – весёлая игра! А – упали, В – пропали... Обе слабаки, бешникам проиграли... Умывайся, Хорёк, хороший тебе задали урок. Слабак, не умеешь играть, тебе только с курами воевать... Эй, капитана на мыло, а «веников» на колбасу!

Лёха нашёл его на следующий день прямо в классе. Поманил и рявкнул basiщем, так что Юрка подпрыгнул:

– Бурундук, захвати сундук, подходи к «трусам», орешков дам!

Был он такой высоченный и такой чёрный, прямо как негр. Ребята притихли, а придурковатый Плимчик заржал как конь, почуявший жареное.

– Лопухнулся, теперь будут лечить от вчерашней болезни.

– Как это? – оглянулся Юрка, собирая сумку.

– По-отечески просто, за каждый трёп – подставляй лоб... Хе-хе, хотя чё, ты же у нас молчун!

Тогда он смылся. Уговорил дежурившую тётю Тоню открыть другой выход в сторону УПК, наврал, что его срочно директор послал передать справки. Нырнул за теплицу и был таков.

«Орехов» ему «надавали» на следующий день. Таких жареных «шантиков» отсыпали, что бедняга света не взвидел. И вырвался уже было от мучителей, нырнул было в дверь, а с языка сорвалось: «Хорёк вонючий!»

– Придётся лечение продолжить, – пообещал Лёха.

Залечил до того, что мокрый, как курица, заляпанный грязью Юрка предстал совсем несчастным перед сияющей, как пятиалтынный, сестрой.

– Что, Иван-царевич, в лягушку влюбился, на свидание к ней ходил? – спросила та, смеясь, вместо того, чтобы читать извечное моралите, мол, мать на ста работах погибает, а ты ещё забот прибавляешь...

Но Юрка был так зол, что даже на это психанул. Тряхнул мокрым песком прямо сестре в лицо. Та зажмурилась, но продолжала весело улыбаться.

– Правда, ты что, лягушек ловил на Алёновском ручье?

Брат говорил с сестрой грубо.

– Это меня ловили хорьки всякие, и вообще, отвяляйся!

А день сиял солнцем и майским теплом, которое струилось через открытое окошко, слегка теребило белые тюлевые занавески. Ласточки пронеслись с визгом в сосущей глаза сини, и крест церквушки был чётко виден, и розовое облачко, озолоченное по краям, напоминало не то белочку, не то ещё какую зверушку.

– Жрать давай! – швырнул сумку на диван Юрка и нахло сестре потащился грязным на кухню.

Тайска – ни слова вслед. И что это с ней? Оглянулся, а она в окошко на крест смотрит, со своим нательным крестиком сравнивает. Кулачки стискивает, зачем-то свой крестик целует и в ладони прыскает, краснея.

Странная в последние дни сестра стала, то была злючая, как оса, чуть что, дралась и орала, а теперь только «лыбилась, как Параша» и всем была довольная.

– Тая, Тая, тебе пальчик покажи, от смеха растаешь! – начал он дразнить сестру.

Дразня, показал мизинчик, и сестра, встряхивая светлой копной волос, засмеялась залиvisto, до слёз.

А потом опять смотрела куда-то в небо, смотрела так, словно бы перешагнула подоконник, оттолкнулась и... полетела.

– Тайка! – рывкнул Юрка сердито. – Жрать дай-ка! Хочу заточить двадцать блинчиков. Хочу блинчиков, хочу блинчиков...

Король сидел почти голым, в одних трусах. Тут же на кухне, прямо на полу валялась вывернутая мокрая

одежда. Жёлтая оса билась об стекло, желая улететь из плена – то душа Юркина всё не могла успокоиться.

– А почему – горячие? – крикнул он на щи, капризная.

– Тебя в воду русалки утащили? – улыбалась зелёными весёлыми глазами Таечка. – Что ты психуешь?

– Говорю, Хорёк прилип, как жвачка! Достал, блин!.. Что ты эту мне ложку дала?.. Фу, опять рис... я же картошку просил!..

Картошки, так картошки. Сестра, будто воспитанница института благородных девиц, терпеливо убрала рис и принесла картошку – пюре с капустой.

Поел, попил Бурундук – не полегчало. Завтра опять Хорёк наедет с лозунгом: «Битиё определяет сознание». Хоть в школу не ходи.

Он сел, достал потрёпанный учебник «хэпи инглиш», то есть «Счастливый английский», и, хмыкнув, что же в нём счастливого, принялся уныло «выражаться» не по-русски, не по-английски, не по-американски, а на своём, мальчишечьем сленге, где всё просто и понятно. Английский не был таким страшным, как Лёха... Стоило прочитать слово «хорроу», как Юрку охватил ужас. Всюду Хорёк! Он споткнулся на этом злополучном слове и долго не мог собраться с мыслями. Встал и пошёл к сестре.

– Тайка-китайка, ты куда испарилась?

Комната была пустой. На столе лежала розовая тетрадь с большим нарисованным сердцем на обложке...

– Ух, ты! – фыркнул Бурундук. – Клёво придумано... Проблемы вечные – дела сердечные... Ну-ка, ну-ка...

Любопытные пальцы скользнули по красному, будто живому, сердечку, перевернули страницу. От тетради терпко пахло душистыми ландышами, пахло так сильно, будто её только что вынули из флакона с духами. Запах усиливал желание узнать, о чём сестра пишет.

«Есть ли на свете настоящая любовь?» – прочитал он и поморщился, словно лимон куснул. Вечно девки чепуху сочиняют, придумывают глупости. Он ожесточённо почесал вихрастый затылок и, совершенно не веря в эту чушь, захлопнул «сердечные тайны», положил на место.

– Нету никакой любви! – яростно стукнул он по нарисованному сердечку ладонью. – Обыкновенные сдвиги у девок вечно, гы-гы!

Стало легче, будто зуб больной выдернул. Юрка успокоился, хмыкнул и опять взял тетрадь, подержал, словно взвешивая...

* * *

Лёха встретил Юрку на «таможне» – так называли пустырь между Торговым центром и тринадцатым садиком. Бурундук хотел проворно юркнуть вниз в котлован, подготовленный под новый многоэтажник. Однако в последний момент Хорёк успел схватить его за руку да ещё подставить подножку. Юрка полетел сверху и зарылся носом во влажный песок.

Лёха взял его портфель, вылез на край котлована и бесцеремонно вытряхнул содержимое, строго предупредив:

– Таможня. Надо проверить, не носишь ли ты в школу спиртное, табак, наркотики и тому подобное...

Сверху полетел зелёной птицей с квадратными крыльями «хэппи инглиш», две тетрадки, дневник.

– Что не нужно, возвращаем... И это возвращаем... и это...

Спалились книги и тетради, ручки и карандаши...

– Ту-ту-ту, а это что такое? Стоять! Ого! Какой мёртвый мяч удалось выхватить...

Юрка непроизвольно оглянулся и увидел злополучную розовую тетрадь с ярким красным сердечком. Удивился и испугался. Как она-то тут оказалась?

Он тогда прочитал, но ничего не понял, о каких признаниях писала сестра. Посмеялся над влюблённостью Таиски в какого-то там Лёху-терёху и... (он точно помнил) оставил тетрадь на столе.

– Отдай! – взвыл, будто у него отняли тысячу рублей.

– Да-а? – оживлённо повёл блестящими глазами смуглый таможенник. – Хетто уже хентересно. Твоё изделие?

Так и забегал глазами, чертяка, так и засиял белыми зубами мстительно.

– Не-е, не моё, – едва не плача, просил пацанёнок. – Отдай, а, прошу-у-у...

– А чьё? – Лёха бесцеремонно раскрыл заветную тетрадку и сунул нос к исписанным листам.

За одну секунду Юрка повзрослел. Он почувствовал, что его сестра смертельно оскорблена. Вихрем вылетел мальчишка из ямы и с ожесточением набросился на своего мучителя.

– Отда-а-ай!!!

Увидев столь знакомый почерк, Лёха забыл обо всём на свете. Он не читал, онпил волшебный эликсир, пахнувший сладким ландышем...

От сильного толчка он улетел в свою очередь носом в песок, прямо на Юркины книжки. Следом улетела розовая тетрадка.

Всё! Сейчас Хорёк растерзает Бурундука на пёстрые клочки. Теперь Юрка – мертвец! Хуже, он теперь – скелет, он теперь – тень...

И всё же Юрка не убежал. Просто было очень душно, рот пересох, ладони взмокли, ведь внизу болтало длинными ногами исчадьё ада.

Вот Лёха поднялся на ноги, вытер от песка нос, затем... попросил портфель, собрал терпеливо Юркины

манатки. Туда же положил тетрадь сестры с сердечком. Виновато подмигнул, мол, таможня пропускает, иди!

Юрка, ничего не понимая, поспешил прочь – от греха подальше.

А Лёха упал навзничь на гнедую холку песчаной кучи, как на холку резвого коня, и вытаращился, дуряя, в небеса – туда, ввысь, где, стояло лишь руку протянуть, облачком таяла его Таечка.

Он черпал ладонями струящийся песок, и не песок, а длиннющие, мягкие волосы скользили между пальцев, а душа скакала и скакала счастливым вихрем по небесам.

Звонок застиг Лёху лежащим в канаве. Ого... опоздал на литературу. Он, как журавль, зашагал – два на три – через стадион, подмигивая знакомым пацанам.

– Можно? – ввалился в класс, глупо улыбаясь.

– Можно, – разрешила учительница. – А сочинение ты принёс? Ответь-ка нам, есть ли на свете настоящая любовь?

Лёха смутился и покраснел, на него робко смотрела тёмными вишнями глаз пушистая Таечка.

ЧИЖИК-ПЫЖИК

РАССКАЗ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

1

С утра было по-другому. Уже пожилая, высокая и суровая, как северная скала, учительница русского языка и литературы, а параллельно – всемогущий заместитель директора по учебной части Лариса Евгеньевна Цыплакова предупредила восьмиклассников, чтобы к сочинению готовились серьёзно.

– Убедительный ответ на заданную тему необходимо подкреплять аргументами. Для этого очень важно знать текст. Читайте «Капитанскую дочку» бессмертного Пушкина, готовьтесь. Темы – а их двенадцать – вывешены на стенде. Будут выбраны четыре.

Класс сидел потупившись. Для них читать, пусть даже Пушкина, было нестерпимей, чем Малышу, который дружил с Карлсоном, есть жареную цветную капусту. Привычно надеялись на мозг-подсказчик – планшет.

– В Интернете не найдёте, темы подбирала сама, а потому читайте роман.

Крестина только-только сие произведение ододела, а потому она с торжествующей усмешкой оглядела мальчишек, мол, жду, подходите по очереди, оставайтесь после уроков. Сумею коротко каждое сочинение разобрать, помогу привести по три, а если надо, то и по пять убедительных доказательств, взятых из текста.

Сегодня Чижикова сидела одна, без Кати, а потому ей особенно хотелось царить в компании Эдички Вайминда, рослого, удивительно спокойного и рассудительного парня, с рыженькой короткой стрижкой. У Эдика предки были выходцами из Эстонии, то есть с Запада, а потому он особенно привлекал Крестину, ведь девчонка мечтала стать международной журналисткой и уехать в Прибалтику. Она ёрзала от нетерпения, показывала язык Беляшу – толстяку Беляеву Витьке со второго ряда, которому, чувствовала, нравилась, роняла дважды ручку, как раз в тот момент, когда к её столу прилетала записка. Она сияла глазками, улыбалась, хотя в душе кипела, так как «писульки от Б» были кругленькими, похожими по содержанию. Опять Беляш ей своими просьбами «мозг выносил».

И, наконец, дождалась. К её худенькой ножке, обутой в лиловый ботильон на тонком каблучке, белой лягушечкой спрыгнула сложенная вчетверо записка с характерным рисунком малого эстонского герба. Ура! Настал миг её славы!

С сухим треском на пол шлёпнулась фиолетовая гелевая ручка. Зардевшаяся щека легла на край стола. Сползшая косая чёлка тёмных волос на миг спрятала

глаза, зорко смотревшие вокруг. Вот рука нырнула вниз, пальчики, озорно сверкая золотистыми лучами восходящих солнышек на ногтях, потянулись – поднять записку. Подхватила тогда, когда другие девчонки оглянулись, увидели, от кого послание. Она развернула и специально долго разглядывала широкий щит, синих львов, неуловимо похожих на котят своими добродушными улыбками. Показала рисунок Витьке.

– Красивый герб у эстонцев, правда? – шепнула, высунув язык.

Тот кивнул, улыбнулся, не зная, радоваться ему или грустить.

А Крестина мечтала: «Пусть Эдичка сам подойдёт и... попросит. Сам подойдёт, на виду у всех попросит». Пальцы нетерпеливо развернули листочек, и... скомкали его... от досады. «А где Катя?» – спрашивала записка, про сочинение же – ни слова. «Не дождёшься ответа!» – надула губки до глубины души задетая за живое девчонка. Тут к её ногам упала ещё одна записка, потом сразу две. И во всех один и тот же вопрос. Мальчишки серьёзно взялись доконать бедную Крестину. Кати нет, но ведь есть она – отличница, которая может разом всех мальчишек осчастливить. Остались бы с ней после уроков, послушали и записали, что нужно. Разумеется, проводили после этого домой, постояли возле её подъезда, а потом и под окном. Вечером на каток бы пригласили, классно покатались. Потом к ней зашли, погреться. У неё просторная четырёхкомнатная квартира, своя комната. Эдик хорошо играет на гитаре, она неплохо поёт, остальные бы послушали... Эй, ребята, действуйте! Я жду.

На записки отвечать не стала, а потому к ней никто не подошёл.

– А мы и не хотели! – передёрнула худенькими плечиками увялëнная восьмиклассница. – Катитесь к

Кате, она, ха, научит вас, как писать сочинение, каждому отыщет убедительные аргументы.

Сердитая на всех мальчишек на свете, а на пухлощёкого зайца Беляка особенно, она специально поскорее застегнула сумку и бросилась догонять тех самых девчонок, над которыми фыркала и потешалась, оставаясь наедине с Катей.

– Оль, Юль, вы в столовую? Подождите, я с вами. Вы сегодня на каток пойдёте?

За литературой пришла физика. Когда учитель вышел на минутку в лаборантскую комнату, Крестина громко, чтобы все слышали, переспросила:

– Оль, Юль, а вы на каток во сколько собираетесь? В пять? А давайте лучше в четыре. Погода хорошая.

И на истории вспомнила про каток.

– Юль, Оль, вам нравятся цветные прожекторы? Красиво, правда? Музыка, радужный лёд. Мальчишки, а вы придёте? Приглашаю! Обязательно приходите!

На биологии размечталась: в ушах лёд резался блестящими лезвиями коньков. Она, высоко поднимая ногу, прогибаясь назад, кружилась всё быстрее... щёки горели... дыхание струилось в морозном воздухе... Мальчишки проносились рядом, но она успевала увидеть их одобрительные блестящие взгляды. Успевала услышать их разговор.

– А ты, Вайминд, придёшь? – спросил кто-то, кажется, Лысик, то есть Лёша Лысин.

– Обязательно, – отвечал бархатистый баритон.

У Крестины затрепетало сердечко. Ребята решили пойти на каток. Это здорово!

К правой ноге, к лиловому ботильону упала очередная круглая записка... от такого же круглого Беляша. Она прочитала: «Я обязательно буду на катке», – и ядовито усмехнулась, тут же настрочив ответ: «Тебе не нужно приходиться. Питайся «Капитанской дочкой», а то

исхудал». Едва на весь класс не расхохоталась: с такой готовностью Беляш подхватил свёрнутую вдвое бумажку, оглянулся, радостно улыбнулся, а потом, вчитавшись, помрачнел, потускнел, словно у него батарейку в глазах отключили. Ха, так ему и надо!

Упорхнула домой птицей. Погода – под стать настроению. Над городом сияло золотое солнце, переливались сверкающими хрусталими обледенелые ветви деревьев. Свежий воздух пах сладко морозцем. Хотелось его пить, хотелось петь, каркать, передразнивая вернувшихся грачей. Сегодня уже двадцатое марта. Весна. Опять получила две пятёрки, первой сдала по истории зачёт, как не радоваться? На тротуаре, после недавней оттепели, тоже поблёскивал лёд – без коньков катись. Она и катилась. Кто-то из ребят торопился на занятия к репетиторам, кто-то в музыкальную школу, кто-то в бассейн, а ей не терпелось достать коньки, спортивный костюм...

– Пойду, – решила, – пораньше. Скоро лёд растает, вообще не покатаешься. Жди до следующего года.

Утеплённый костюм Снежной королевы был очень красив, светился и переливался искрами в свете фонарей. Кстати, стоил немалых денег, но для своей дочки родители средств не жалели. Белые колготки, белые носки, белые с пуховой подкладкой брюки, белый свитер, белая курточка с капюшоном, белое длинное кашне, белая шапочка с пышным помпоном, белые перчатки. Даже мягкие сапожки-валенки тоже были белыми, обшитыми блестящими стразами в виде снежинок.

Синий, словно льдинка, входной билет, оплаченный до конца сезона, прятался в отдельном кармане куртки.

– Обязательно возьми термос с горячим какао, – посоветовала бабушка, любясь на любимую внученьку.
– Ты у нас просто лимпиядка!

– Ага, в белый китайский налей и во внешний карман сумки для коньков поставь, – согласилась Крестина, любясь на себя в зеркало. – Уже поставила? Неси с моего стола белый смартфон, бегу!

Спортивный костюм был лёгким, ловко обтягивал стройную тоненькую и небольшую фигурку. Сейчас коньки поднимут её на десять сантиметров выше, сделают ноги достаточно длинными, а фигурку – более стройной. Она полетит белой птицей, закружится снежинкой, Снежной королевой воцарится среди блестящего и скользкого ледяного дворца.

На просторном катке народу пока ещё немного. Можно спокойно размяться и подготовиться. Ей надо обязательно удивить Эдика, поиграть с ним в салочки, потом, запыхавшись, посидеть на скамейке, угостить стаканчиком горячего какао... Они пойдут вместе домой, будут весело болтать, оба румяные, весёлые...

Крестина, предвкушая успех, любовалась на блестящую, зеленоватую ледяную гладь катка и внутренне посмеивалась над неуклюжестью большинства девочек. С некоторым удивлением наблюдала за высоким мужчиной, одетым во всё чёрное, который на приличной скорости носился по всему полю с лёгкостью мальчишки, ловко нарезая дуги то назад, то вперёд. Вот он, разогнавшись, внезапно резко затормозил перед ней, видимо, желая выйти с ледовой площадки и посидеть на скамейке. «Почти так же, как я, катается, – подумала Крестина. – А мы бы смотрелись – белое и чёрное, он высокий, а я, ха, тоже не маленькая».

Девочка с удивлением узнала в незнакомце врача скорой помощи, не раз приезжавшего к бабушке, когда у той прихватывало сердце. Она вдохнула полной грудью сладкий ледяной воздух и... разбежавшись, оттолкнулась носком левой ноги, раскинула руки в стороны, перевела вес на правую ногу, уверенно скользя по дуге

вперёд. Развернувшись, она так же легко исполнила несколько дуг назад, плавно отводя левую ногу. «Интересно, а сколько я сумею нарисовать «троек» на льду?» – подумала, легко делая изящный поворот...

Мужчина, одетый в чёрный комбинезон, быстро расшнуровал коньки, переобулся и, взяв сумку, ушёл. А жаль! Мог бы оценить её способности.

Крестина носилась без устали, крутилась, нарезала дуги и петли, делаясь всё нетерпеливее – время шло, а мальчишек не было.

Постепенно сгустился и потемнел мартовский воздух. Она сошла со льда и присела отдохнуть. Число катающихся значительно прибавилось, но ребята так и не появились. Как же так? И девчонки не пришли, хотя обещали. Беляш где? Когда не надо, блин, он тут как тут, а когда надо, ворон ловит или дрыхнет, ой! Крестина была так расстроена, что обожгла губы и язык горячим какао, слишком торопливо хлебнув из беленького стаканчика.

Словно в насмешку, зазвонил смартфон, радостный Катин голос закричал:

– Кресть, дуй ко мне, мы тут все собрались: и Андриюшка, и Валик, и вон Эдя, который сел на своего шоколадного медведя...

Снежная королева почуяла, что она тает в своём ледяном дворце. На мгновение ей стало жарко, а язык обгонял мысли.

– Какого медведя, Кать?

– Какого-какого, которого он мне принёс.

– Но ведь тебе нельзя! – закричала громко Крестина. А Катин голос командовал.

– Эдик, положи, а то он у тебя в пальцах растает.

В одно мгновение Снежная королева превратилась... в Герду, ей надо срочно спасти Кая, то есть Катю.

– У неё сахарный диабет, – поспешно переобуваясь, бормотала Крестина. – Ничего не поделаешь, надо бежать, а то эти мальчишки накормят... Тупить стал Эдичка, надо ему мозги провентилировать, пару гаджетов подключить, ха. Ладно, на каток не пришли, но я вас всё равно достану, мигом всех расшевелю. Вот только допью горяченького.

Поспешишь – людей насмешишь. На полу куртки нечаянно пролила какао, кремовое пятно посадила – белое вечно пачкается. Белые сапожки-валенки не имели каблуков, ноги в них разом стали на целых десять сантиметров меньше. А это же катастрофа! На выходе её, восьмиклассницу, не то пяти, не то шестиклашки спутали с какой-то Сошниковой Алиной из четвёртого класса, мол, назад поворачивай, ведь сейчас на катке музон врубят, разноцветные фонари включат. По самому больному архаровцы ударили, как снегом в лицо сыпнули.

В город прилетели грачи и галки. Птицы радовались возвращению, а потому возбуждённо каркали и калгачили в розоватом вечернем небе, огромной стаей кружась над парком. Неспроста, видимо, пятиклашки окрестили Крестину, назвав Алиной. Она, возбуждённая, замахала птицам руками, мол, я тоже лечу. В тот же миг ноги скользнули вперёд, и девочка неловко упала на спину, при этом довольно сильно, так что зубы лязгнули, стукнулась затылком о выщербленный край бордюра.

Она присела, тряся головой, потёрла ушибленный локоть, затылок, затем встала.

– Надо же, на ровном месте навернулась, на грязный тротуар приземлилась, в белом. Ого, сумка аж под тополь улетела! Теперь только домой.

Над головой всё ещё каркали и калгачили чёрные птицы, но Крестине казалось, что они потешаются над ней.

Бесцеремонно хлопнув дверью, внучка швырнула сумку в руки охнувшей бабушки.

– Твой какавай вон костюм испортила! Знаешь ведь, что я на каток иду в белом, нет, всё равно наливаешь. И термос перепутала, надо было с металлической колбой, а ты? Высыпай теперь битое стекло!

Одна перчатка полетела под стол, вторая – к бабушкиным рыжим тапочкам. Шапка – прямо в протянутую руку. Свитер на голову бабули, на её рыжие волосы.

Только вчера Крестина уговаривала бабушку покрасить волосы в рыжий цвет, в тон её халату и тапочкам, а теперь она вдруг увидела, как рыжая чёлка удлиняет нос, сближает глаза, приподнимает их краешки, то есть в лице появилось что-то лисье...

– Упала, миленькая, – жалела бабушка. – Ушиблась?

– Уши-блась! – передразнила внучка. – А ты как думала? Эту одежду собирай в стирку, а мне неси серые колготки и песочный свитер с горлом, давай быстрее! Э-э, стой! Смартфон тоже решила кинуть в стирку? Бестолковая ты, бабуль.

– Вынимай всё из карманов.

– Сама, что ли, не вынешь?

– Хочешь, выну. Может, перекусишь?

– Когда перекусывать? Ты меня просто достала! Ладно, так и быть, неси бутерброд!

Крестина была копией бабушки, а потому та её слепо обожала и баловала. А внучка продолжала капризничать:

«Господи, потащилась в ванную, понесла костюм, теперь обязательно полчаса будет размывать руки, конечно же, включит газ, чтобы разогреть чай, а уже потом возьмётся за булку и сыр. Ведь знает, я не люблю сыр, но притащит обязательно его», – и ярилась, и смеялась Крестина, она умела яриться, искряться от смеха, а потому, сделав невинными глаза, даже робки-

ми, по-детски незащищёнными, она вдруг подумала: «А куда я так спешу? Ах, да, я же должна Кате помочь! Кате... хм... что же, я сумею, ха, тем более, это же в её интересах. Мне надо обязательно быть при ней сенсором, то есть чувствительным датчиком, который контролирует её состояние и, ха, вовремя предупреждает, Катюша, тебе пора уколоть себя, тебе пора сахар в крови проверить, а не с пацанами трындеть, ха!»

Идея так понравилась, что Кристина просто подскочила с дивана и затанцевала на коврике перед широким округлым зеркалом, потом разом нахмурилась, встречая бабушку.

– Сколько ждать?.. Опять ты с горяченным чаем!.. А бутер с сыром?.. Что, с ветчиной?.. Фу, лучше бы с сыром... Ладно, давай, и скорее тащи колготки, свитер – серые и песочный... Разве непонятно?.. Скорее же, баб!

Кристина съела бутерброд, выпила чай и почувствовала, как в её душе вновь воцарились равновесие и покой, она вновь была всем довольная. Такая довольная, что расцеловала бабушку, пообещала ей долго не задерживаться. Ей вдруг край загорелось с ней пошущу-каться.

– Ба, погоди, а вот как лучше, ну... – она вдруг сбилась, смешалась, – ну, когда ты нравишься или когда тебе?

Умная бабушка проницательно посмотрела в искристые глаза внучки. Рано той ещё про мальчиков думать. Но сказала серьёзно, как будто они стали ровесницами:

– Всегда цени того, кому ты нравишься. И будешь, как у Христа за пазухой.

– Поняла, но ведь... Ладно, чао!..

– А без этого, вражина, всю жизнь ломает, как мне когда-то первый муж.

Последних бабушкиных слов внука не слышала, так как успела обуться и выскочить за дверь.

– Ля-ля-ля! Не буду вспоминать про сочинение, – пела она в лад поскрипывающему и покачивающемуся лифту. – Зачем же тратить мне здоровье, покой дорожке мне волнения...

Она выскочила из лифта, словно птичка из клетки, и, простучав каблучками по лестнице, как по барабану в ритм, выдохнула прямо в лицо входившему плюгавому старикашке Аркашке – одинокому соседу, бабушкину ухажёру:

– Хотя другим попорчу крови я!

Удивлённые, чуть выпуклые глаза Аркадия Семёновича дрогнули, рука с сиреневыми хризантемами мгновенно спряталась за спиной. Он виновато съёжился и отшатнулся.

А довольная Крестина завернула за угол своего дома и, размахивая бежевой сумочкой, бодро зашагала по Парковой улице к панельному семиэтажному, в котором жила её подруга.

Она спешила спасти Катю.

2

Какой тёмный подъезд, какой облезлый! А вот и второй этаж. Раз родителей нет, то можно и побаловаться. Палец жал и жал на кнопку звонка, словно поднимал солдат по тревоге. Пусть все знают, как о ней любимая подруга заботится.

– Так вас, заразы! Ха!

Дверь, обитая чёрным дерматином, бесшумно распахнулась, и выплыл Валик Звонарёв, один из друзей Эдика. Кто бы мог подумать, что этот неуклюжий увалень имеет первый разряд по плаванию? Он посмотрел

сверху вниз на Крестину, как отец на шалившее дитя, фыркнул, приглашая войти.

В полутёмной прихожей на вешалке висели куртки, дублёнки, полупальто, тут же стояла всех видов и размеров зимняя обувь. Терпко пахло кожей, сапожным кремом, остро ощущался затхлый дух от истёртого ковра на полу. Катя жила в маленькой, выдавшей виды двухкомнатной хрущобе.

– Давай я пальто повешу? – предложил тихий ровный голос Валика.

Крестина покровительственно разрешила:

– Повесь-повесь... Проходила как раз рядом с церковью, а там тишина – звонаря нет, некому языки дёргать, ха!

Звенела гитара, бархатный голос Эдички пел про город золотой.

Все смотрели на сидевшую за столом Катю. Свет, падавший со спины, словно поджигал её пушистые выющиеся волосы светло-русого цвета. Румяное лицо светилось внутренним вдохновением. Узкие крылья тонкого прямого носа чуть вздрагивали. Нежные, но одновременно упрямые губы подчёркивали какую-то ранимую и одновременно вызывающую девичью красоту. В тёмных глазах прятались одновременно и ад, и рай. Кому-то в них выпадало сгинуть, а кому-то обещалась бездонная чаша счастья. Вот глаза бешено глянули на Крестину, ноздри раздулись, сейчас руки схватят книгу, и она полетит в её сторону.

– Ошалела, что ли, так звонить! Ты что, Крестин?

– Звонарь не звонит, приходится мне стараться. Кать, я к тебе бежала, вон, даже запыхалась, – за твоё здоровье волновалась. Когда ты про шоколадку мне ляпнула, я сразу поняла, надо бежать, надо спасать!

– Какую шоколадку? А про вон ту, про белого медведя?

Мальчишки не поняли, от кого и от чего надо спасать Катю, они удивлённо глядели на гостью. В их взглядах была странная способность прикасаться, не прикасаясь. Крестина почувствовала, как к её щекам, плечам, пальцам дотрагиваются внимательные ребячьи взгляды. Те и не догадывались о том, что сами включают сенсорные кнопки, которые, видимо, прятались где-то там, под лиловым свитером.

Эдик не смотрел ни на кого, как всегда, витал в облаках. Он очень любил старейший петербургский ансамбль «Аквариум», с удовольствием подражал Борису Гребенщикову, его сдержанности и невозмутимости, его бесстрастному пению, которое потому и было особенно страстным. Он словно бы превратился в знаменитого певца, словно бы запел его глуховатым голосом, уводившим за собой в таинственные дали. «Надо также научиться уводить», – подумал и... словно из воды вынырнул, с досадой покосившись на звонко чиликающую птичку – Чижикову. Хмыкнул, а потом его сдержанный взгляд одарил Катю нежностью, так одарил, что по спине Крестины продрали колючие мурашки уязвлённого самолюбия.

– Может, тоже сыграешь? – предложил он ровным спокойным голосом, протянув гитару Кате.

– Кать, – бесцеремонно перебила Эдика Крестина на правах подружки, то есть самого близкого заботливого человека, – а расскажи нам про сахарный диабет, давно он у тебя? Он тебе по наследству передался?

Глаза Катерины остро блеснули, потом слегка намурились. Ей было неприятно рассказывать про свою болезнь, но она не умела ничего скрывать, наоборот, любила говорить правду, верила, что вся сила в правде. Её узкая рука отложила гитару.

– Год назад заболела, сама не знаю отчего. Кровь сдали, и у меня – повышенный сахар обнаружился. Вместо положенных пяти-шести – в два раза больше.

Мальчишки с удивлением слушали признание, которое несколько их ошарашило. Зачем про это спрашивать? Огромный Звонарёв попытался перевести неприятный разговор в другое русло.

– Кать, я слышал, у вас на плавании новый тренер. Такая же жёсткая, как и Ирина Михайловна? – Валик тоже посмотрел на Кострову с обожанием, даже разрумянился. – Ты на сегодняшних соревнованиях...

– Значит, по наследству, – убедительно заявила Крестина, перебивая. – Сахарный диабет, я точно знаю, передаётся по наследству.

К столу поднырнул кудрявый и белокурый, похожий на амурчика Юра Чуркин. Говорил тихо, ворковал голубем:

– Нам, Кать, по наследству икона от прапрабабушки досталась. Про воронежского купца Николая Алексеевича Ключкова не слышала? Он в 1887 году пожертвовал собственной усадьбой. В ней в сентябре была открыта школа для слепых. Прабабушка говорила, что икона в церкви Марии Египетской находилась, благословенная.

Крестина фыркнула Юрику в лицо, звонко смеясь:

– Чурок – наследства клок, ха! Правда, Кать? Вот и молись на свою икону. При чём тут икона? Я про болезни, которые передаются по наследству, говорю... Служили в армии три солдата, два русских и чурка – это не про тебя анекдот, ха?.. Кать, а у тебя из родных кто-нибудь болел диабетом, ну, или сейчас болеют? Не знаешь? Наверняка, есть. Сахарный диабет, я читала, такая коварная болезнь, которая именно передаётся по наследству, как и рак. Кто-нибудь один заболел, и всё, трындец! Дети, внуки, правнуки тоже будут болеть.

Она решительно прыгнула с дивана и выключила лампу, которая освещала подружку со спины, зато

включила люстру. Ей страстно хотелось, чтобы мальчишки смотрели только на неё, а она могла от них отворачиваться, чтобы перемигиваться и перешихикиваться с Катей.

– Ребята, чаю желаете? – Крестина спросила, будто она была тут хозяйкой. – Звонарь, сделай заплыв на кухню, поставь чайник. Да, смотри, наливай холодную воду из крана, а не из бассейна, ха!.. Кать, – она кокетливо изогнулась, томно повернулась, закатила подкрашенные глаза, – покажи нам глюкометр. Без него теперь тебе никак нельзя?

В небольшой комнате было достаточно тесно для восьмерых человек, душно и жарко. К дивану близко примыкала неширокая деревянная кровать, на которую ребята не садились. На кровати спал старший брат. Катя спала с мамой в другой, меньшей комнате. Рядом с кроватью, как раз напротив обеденного стола стоял компьютерный стол с давно устаревшим маленьким монитором, за которым трое мальчишек увлечённо играли в автогонки. Истёртый линолеум на полу, розовые обои, нелепые картинки, вырезки – всё было вызывающе бедным. А уж шкаф можно было бы назвать местом для хранения печали: оцарапанный, раненый, с белым бельмом из бумаги вместо второй половины стекла. И вот среди этой рухляди, возле больной Кати сидели шестеро самых лучших, самых рослых восьмиклассников, как будто не замечая всего этого. От ковра в коридоре пахло затхлой тряпкой, в непромытой раковине на кухне слегка сочилась вода. Надо бы спросить мальчишкам: «Катя, как ты живёшь в такой убогой квартирке?» Но им и в ум не приходило, что отсюда надо уходить, не просто уходить, а бежать без оглядки.

А Катя достала портативный аппаратик, похожий на мобильный телефон, протянула, показывая ребятам.

Говорила спокойно, как будто её это совершенно не касалось:

– Эндокринолог объявила, что теперь в поликлинику надо будет ходить регулярно за выпиской лекарств, а также стоять в очередях, чтобы замерять уровень сахара в крови. Она же посоветовала купить портативный глюкометр, сказала, какой и где лучше купить. Я порылась в Интернете по этому вопросу. Оказывается, различаются для старших, для тех, которые не болеют диабетом, и для молодых. Хотела, чтобы у меня был компактный, с высокой скоростью замера сахара, похожий на флешку. Но нам выдали вот такой: дешёвенький, зато бесплатный.

С кухни вернулся высоченный Валик Звонарёв, поставил на стол чайник с заваркой в виде жёлтого домика с красной крышей (подарок Крестины на пятнадцатилетие Кати) и деревянную тарелку с печеньем, ломтями белого и чёрного хлеба.

– Все будут чай? Сколько чашек приносить?

– Конечно, все, – отвечала Кристина. – Иди, Звонарь, не мешай. Кать, если сравнить кусок хлеба и ломоть булки, на вес одинаковые, скажи, а в каком из них углеводов больше?

Обычно мальчишки с удовольствием пили чай. Доставали с высокой полки электрический самовар, рассаживались вокруг и под гитарный перезвон весело выпевали: «А у самовара мы и наша Катя!» Сейчас у них пропал аппетит. А Кристина словно бы уже стала известной журналисткой, уже приехала из Европы писать статью о больных сахарным диабетом в России. Для этого и пришла к подруге.

– Есть такое понятие – углеводный индекс, – со знанием дела отвечала Катя. – Он показывает, как повышается уровень сахара в крови при употреблении того или иного продукта. Для меня важно следить за

питанием. По таблице легко составить низкоуглеводное меню. Булка – если брать вот этот ломоть – имеет очень высокий показатель, практически равный ста, а вот хлеб, например, вот этот ломтик вполне мне подходит, он относится к продуктам с низким показателем. Рыба и морепродукты практически не содержат углеводов.

Целую медицинскую лекцию начитала Катерина, ведь она решила поступать в медицинский институт на эндокринолога, чтобы основательно изучить свою болезнь, уметь ей противостоять. Но кому это интересно? Кому? Крестина сомневалась, чтобы мальчишки от этого тащились, ха, вон уже заскучали, что и требовалось доказать.

Один Эдичка в болезни Кати увидел прок. Он встал, зашёл сбоку, чтобы лучше видеть красивую хозяйку дома, её пышные светло-русые, отливающие позолотой волосы. В его бархатистом голосе было столько убедительности:

– Американский писатель-натуралист Даррелл написал, что в каждом из нас есть капелька океана, ну, что наши предки жили в морской воде. Кать, в тебе попросту проснулся зов предков, которые напоминают, чтобы ты ела то, чем они питались – рыбку там, разных рачков. Со временем учёные научатся вживать или возвращать на генетическом уровне жабры, как у Иктиандра, и диабетики смогут спокойно жить в морях и океанах, как в удобной для них среде. Будешь человек-амфибия.

Аховски смешно! Но все рассмеялись, а Катя, улыбаясь, даже за ушами у себя потрогала, как будто она впрямь царевна-лягушка.

Если бы Крестина дулась на мальчишек, а ей было за что на них обижаться, то она бы точно в лягушку превратилась, а то и в воздушный шарик, но её бы-

стрый и сообразительный ум сумел ловко повернуть разговор в нужное ей русло.

– Ха-ха-ха! – подхватила она нить рассуждений рыженького Эдички. – Я слышала, что после смерти души людей превращаются в голубей, а выходит: души диабетиков превращаются в лягушек. Ты что трындишь? Хочешь, чтобы моя Катя в лягушку превратилась, ну уж дудки! Лучше сам превращайся в царевича-лягушонка, а мы останемся такими, какими есть, правда, Кать? Лягушонок, где твоя корона, ха?

Очкарик Дрюня с интересом посмотрел на Крестину: здорово она окрестила Эдика, в точку попала, ведь тот, когда шли к Кате и проходили по стройке, запнулся за трос, перепрыгнул доски, перелетел через груды кирпичей и... упал в яму с водой. Конечно, там был лёд, но факт остаётся фактом, Эдик встал и сказал, мол, теперь меня будут звать лягуш-прыгуш.

Захар Шутов, то ли наперекор фамилии, никогда не шутил и шуток не понимал. Он уже семь лет ходил в спорткомплекс на дзюдо, имел первый юношеский разряд, а потому имел независимый характер. Девчонку Захар презирал. К Кате его притащил с собой Валик, с которым они дружили ещё с детского сада.

– И что ты тут перед всеми пыжишься? – спросил он суровым басом Крестину. – Кликухи вешаешь! На себя не пробовала?

– Что? – пыхнула та. – Неудачная Шутка Шутова, правда, Кать? Ха!

Склонив голову набок, внимательно рассматривая её как величайшее чудо из чудес, к ней подошёл Лёша Лысин.

– Да-а-а, ты у нас особенная, не такая, как другие. Имя не такое. Других называют Кристинами, а у тебя имя вон какое! Расскажи всем, почему тебя Крестиной назвали?

– Потому что мне такое имя больше по нраву, – Эдик сказал негромко, но так, что сердце у девчонки затрепетало.

Чирикова своего добила, теперь мальчишки обратили на неё внимание. Рыжему Вайминду, оказывается, нравится её имя. Кровь прихлынула к лицу Крестины, заструилась, зашумела в голове, она разом забыла про все свои обиды, весело затараторила сорокой, притопывая в такт словам оранжевыми тапочками.

– Тут и недоразумение, и тайна космическая, ха, – она вытаращила глаза, стала изображать пальцами всякие таинственные знаки. – Моя бабушка считает, что ошибка в имени, которую допустили в свидетельстве о рождении внучки, то есть в моём свидетельстве, получилась неспроста, ведь и с нею так же вышло. То ли влюбилась юная секретарша, то ли размечталась и отвлеклась, но в бабушкиной метрике написала не Пескарёва Олимпиада, как надо было, а Пискарёва Алимпиада. Писатель Салтыков-Щедрин премудрого пескаря после этого случая назвал пискарём, так как это стало писком моды, ха. А Зевс долго метал громы и молнии над нашим маленьким городом, ведь его Олимп мог запросто пошатнуться. Но что они могли поделать, велика сила документа: что в нём написано пером, не вырубишь топором, ха. Эта же секретарша, представляете, вписала в метрику наиболее, как ей показалось, удобное имя Крестина, от слова «крест», а не Кристина, которое выбрала мне бабушка. Родители посмеялись на этот счёт, особенно мама, да и смирились: Крестина, так Крестина, какая разница. Видно, так уж Богу угодно.

Катя взяла гитару и стала весело наигрывать мелодию задорной песенки про то, как на свидание к девочке мальчишка собирался, как, купив цветы, на два часа раньше на свидание помчался, но по доро-

ге он в смешные ситуации попадал и в конце концов на свидание опоздал. Однако мальчишки на этот раз петь не стали.

– С тех пор и крещу всех направо и налево, ха: Катя, например, – вечная пионерка, ведь те всегда собираются у костра, правда, Кострова? Толстяк Беляев – Беляш, ха, смешно, правда, Кать? Эдик – Грибок.

– Это ещё почему? – улыбнулся тот мило.

– Есть такой гриб – рыжик.

Эдик добродушно рассмеялся.

– Не, лучше котом назови, мне так больше подходит, мр-р-р-р... Жил да был рыжий кот за углом...

– Хм, а вот угадывайте, кто у нас больше всего на свете ценит шутки?

– Шутов? – догадливо крикнул Валик, так как лишь ему позволялось шутить про угрюмого друга.

Крестина сияла, она просто бурлила, её распахнутые зеленоватые глаза оглядывали мальчишек по очереди, присваивая то одного, то другого. Она была счастлива.

– Нет, – смеялась она, – Шутов помогает в бюро находок. Меня бабушка научила: когда я что-то теряю, то, начиная искать, повторяю: «Шут, шут, поиграй да отдай». Обязательно нахожу!

Руки Эдика обхватили Крестину сзади за шею, а бархатистый вкрадчивый голос спросил:

– А ты сегодня случайно не падала?

– Падала. Хлопнулась, когда это... ну возвращалась... из магазина... – оглянулась счастливая Крестина, не желая говорить про стадион.

– Тогда подать инструмент.

Рыжая под стать Эдику гитара так и заворковала в руках хозяина. Он весело подмигнул Крестине.

– Фамилию твою случайно не перепутали – первую букву не переставили? Ведь по характеру ты скорее не

Чижикова, а Пыжикова. Вот я упал в яму, и ты меня миготом окрестила то ли Грибом, то ли Котом, а тебя, ведь ты тоже падала, мы окрестим... гм... Чижиком-Пыжиком, ты же так любишь пыжиться.

Чижик- Пыжик, где была?

– Я ребяток крестила.

*Валика за его стрём
окрестила Звонарём.*

Мальчишки дружно рассмеялись, даже Шутов улыбнулся.

На мгновение Крестина Чижикова смутилась, но не потеряла самообладания.

– Катя, – как ни в чём не бывало, сияли её глаза. – Какие у тебя ребята собрались хорошие! Какие умные! Правда? Кроме Эдиваймида, ха! Сам дурак и песни у него дурацкие!

Хотелось плакать, реветь в голос. Ну, почему всегда так? Почему она опять с Эдиком сцепилась? Неужели он видит в ней, в маленькой Крестине, лишь одну потеху? Видимо, так и есть... Да как он смеет обзывать её Чижиком-Пыжиком? Ладно, Шутов – злой дурак, с ним понятно, но от Эдика она такого никак не ожидала, а потому было обидно до слёз. Всё, решила, с Вайминдом покончено, не нужна ей никакая Эстония. Едва с лучшей подружкой не рассорилась из-за него, сидела тут, трещала, его клеила.

А Катя встала, её лицо покраснело.

– Гм, вы, оказывается, ребятки с прибабахом! Знаете что, – крикнула сердито. – Всё, концерт окончен! Пора кое-кому баю. До свидания. Я не позволю обижать свою подругу, тем более в моей квартире. Ишь, взялись потешаться – Крестина, окрести! Я вас так окрещу, мало не покажется! Эдик, песенки у тебя впрямь дурацкие! Кстати, вы зачем ко мне пришли? Напомнить? Пришли за сочинением, сами попросили, чтобы я Крестине по-

звонила. И что? Почти час проторчали без толку. Но теперь всё, теперь готовьтесь сами!

Такого внезапного поворота мальчишки не ожидали. Они дружно встали, молча оделись и быстро ушли.

– Ждали их тут! Припёрлись. Торчат и торчат. Утомили, – продолжала возмущаться хозяйка. – Мы, Кать, к тебе придём к сочинению готовиться, можно? А сами... Я так и не поняла, зачем они приходили?

Крестина знала вспыльчивый характер своей Кати, но чтобы вот так решительно прогнать лучших мальчишек класса ради подружки... У неё зарозовели щёки, она закивала головой, соглашаясь, да, возмутительно вели себя мальчишки. Она остановилась у двери с чайничком в руках, желая ответно поддержать Катю:

– А ты разве не поняла? Приходили поглядеть, как живёшь. С сахарным диабетом привязались, дураки, будто поговорить больше не о чем, ха.

Катя вдруг остыла.

– Может, я зря так раскричалась? – она виновато всплеснула руками. – Они бы тебя до дома довели. Хотя, хочешь, я сама?

– Ерунда. Я отцу позвоню, встретит.

– Подожди, у меня идея, Крестин. Скоро брат с работы вернётся, он проводит. А ты пока мне сочинение по «Капитанской дочке» не поможешь написать?

– Из-за этого и пришла. Доставай тетрадку. Гм, звонок. Кого там ещё принесло?

– Брату вроде рано, он через полтора часа придёт. Может, опять ребята?... Сиди, я их сама расчихвоню.

Крестине тоже не хотелось, чтобы мальчишки вернулись, не хотелось, чтобы они провожали её до дома – она устала воевать за себя, устала, как Эдя ядовито, но точно подметил, пыжиться.

– Тебя, конечно, впустим! – услышала она весёлый голос Кати. – Молодец, что набрался смелости...

В комнату, не раздеваясь, вошёл Витька, её Беляш, пухлощёкий и румяный. Ну и ну, кто бы мог подумать.

Крестина искренне обрадовалась. Как хорошо, что хоть тут он оказался на месте.

– Домой понесёшь меня на руках, – объявила капризно. – Не сейчас, а через час. Раздевайся и садись, буду рассказывать про то, как написать сочинение по Пушкину. К каждой теме приведу по пять аргументов. Катя, дай Беляшу ручку и бумагу. Готовы? Пишем первое: «За что Маша Миронова полюбила Петра Гринёва?»; второе: «За что Петруша Гринёв полюбил Машу Миронову?»

Катя, на то она и была подружкой, вдруг вскочила, схватила крепкими руками и столкнула Крестину и Витьку, так что те вынуждены были вцепиться друг в дружку пальцами и покраснеть, резко отшатнувшись.

– А давайте, – лукаво подмигнула Катя, – запишем и третье: «За что Витя Беляев полюбил Крестину Чижикову?».

– Отвечать начинаю с третьего вопроса, – заискрилась Крестина, весьма довольная. – За то, что Чижик любят клевать Беляши, ха. Вить, я ведь тебе правда нравлюсь?

3

По ночному городу шли двое: Мирона Машина и Гриня Петрушкин – так Крестина себя и Витьку окрестила. Витька тоже прочитал «Капитанскую дочку», а потому они спорили о том, стоит ли беречь честь смолоду.

Лёгкий морозец, любясь ребятами, щипал их за щёки и носы, рисовал кисточкой румянец, а проснувшиеся грачи на тополях и липах вскрикивали от удивления, и искрились лукавые звёздочки на небе, и пахло ранней весной и первой любовью...

Пройдут ли они по жизни вместе? Кто ведает, разве что Пушкин. А он, в пальто и высоком цилиндре, шагал, невидимый, рядом с Крестиной и Витьком. Поверьте, в минуты счастливых душевных волнений Александр Сергеевич обязательно случается возле каждого из нас, толкая душу на прекрасные порывы!

12.12.2014.
Нововоронеж

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

ЧЁРНОЕ НЕБО

Повесть 5

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО МАМЫ

Повесть 201

ЕСТЬ ЛИ НА СВЕТЕ НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ?

Рассказ 325

ЧИЖИК-ПЫЖИК

Рассказ для подростков 335

Иван БЫКОВ

**НЕОТПРАВЛЕННОЕ
ПИСЬМО МАМЫ**

*Повести и рассказы
для детей и подростков*

Подписано в печать 29.05.2022 г.
Формат набора 84x54/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,9.
Заказ № 694. Тираж 300 экз.

Изготовлено по заказу ООО «Пресса ИПФ».
304006, г. Воронеж, ул. Челюскинцев, д. 143.
Отпечатано в АО «Воронежская областная типография».
394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73А.